

ПОЛИЛИНГВИАЛЬНОСТЬ И ТРАНСКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ

2022 Том 19 № 1

DOI 10.22363/2618-897X-2022-19-1

<http://journals.rudn.ru/education-languages>

Научный журнал

Издается с 2004 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-73496 от 17.08.2018 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

Бакhtикиреева Улданай Максумовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
E-mail: bakhtikireeva-um@rudn.ru

Заместитель главного редактора, ответственный секретарь

Валикова Ольга Александровна, доктор философии (PhD), научный сотрудник НУ, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
E-mail: valikova-o@rudn.ru

Почетный редактор

Стивен Дж. Келлман, PhD, профессор, Техасский университет Сан-Антонио, США

Редакционная коллегия

Аминова Венера Рудалевна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Республика Татарстан, Россия

Валуйцева Ирина Ивановна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, Московский государственный областной университет, Москва, Россия

Вахидова Марьям Адыевна — доктор филологических наук, почетный профессор Оксфордского университета, Чеченская Республика, Грозный, Россия

Джусупов Маханбет — доктор филологических наук, профессор, Узбекский государственный университет мировых языков, Ташкент, Узбекистан
Евдокимова Светлана — доктор филологических наук, профессор, профессор славистики и компаративной литературы, кафедра славянских языков, Университет Браун, Провиденс, США

Ефремов Николай Николаевич — доктор филологических наук, профессор, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, Республика Саха, Якутск, Россия

Жаркынбекова Шолпан Кузаровна — доктор филологических наук, профессор, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва, Астана, Казахстан

Канагараджа Суреш — доктор филологии, профессор, кафедра прикладной лингвистики и английского языка; директор Центра миграционных исследований, Пенсильванский университет, США

Кибальник Сергей Акимович — доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИРЛИ РАН, Санкт-Петербург, Россия

Кулибина Наталья Владимировна — доктор педагогических наук, профессор, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия

Курленко Виктория Борисовна — доктор педагогических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Кучукова Зухра Аметовна — доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Республика Кабардино-Балкария, Нальчик, Россия

Ламажая Чимиза Кудер-ооловна — доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН, Москва, Россия

Марусенко Михаил Александрович — доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Маслова Валентина Абрамовна — доктор филологических наук, профессор, Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, Витебск, Республика Беларусь

Муди Эндрю — PhD, профессор, доцент, кафедра английского языка, Университет Макао, КНР

Муранка Наталия — доктор филологических наук, профессор, профессор русистики и компаративной литературы, факультет философии, Университет Константина Философа, Нитра, Словакия

Протасова Екатерина Юрьевна — доктор педагогических наук, доцент, лектор, Отделение современных языков Хельсинкского университета, Хельсинки, Финляндия

Прошина Зоя Григорьевна — доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Смирнова Альфия Исламовна — доктор филологических наук, профессор Института гуманитарных наук, Московский городской университет, Москва, Россия

Сулэйменова Элеонора Досеновна — доктор филологических наук, профессор, вице-президент МАПРЯЛ, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан

Тюстанова Мадина Владимировна — доктор филологических наук, профессор, Центр евразийских исследований, Линчепингский Университет, Линчепинг, Швеция

Фирман Уильям — доктор политических наук, профессор, Центр евразийских исследований, Университет Индианы, Блумингтон, США

Хилханова Эржен Владимировна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям, Институт языкознания РАН, Москва, Россия

Хугаев Илран Сергеевич — доктор филологических наук, профессор, заведующий Отделом культурной антропологии южных осетин, Владикавказский научный центр Российской академии наук, Владикавказ, Россия

Хухунь Георгий Теймуразович — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и англистики, Московский государственный областной университет, Москва, Россия

Шафранская Элеонора Федоровна — доктор филологических наук, доцент Института гуманитарных наук, Московский городской университет, Москва, Россия

ПОЛИЛИНГВИАЛЬНОСТЬ И ТРАНСКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ

ISSN 2618-8988 (online); ISSN 2618-897X (print)

4 выпуска в год (ежеквартально)

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ

Языки: русский, английский, французский, немецкий, испанский

Индексирование: РИНЦ (НЭБ), DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, Google Scholar, WorldCat, Dimensions.

Полные тексты: Cyberleninka, East View, Mendeley

Цель и тематика

В тематическое поле журнала входят актуальные проблемы билингвального образования, а также интегративные направления новейшей филологии: лингвокультурология, социалингвистика, политическая лингвистика, вопросы билингвизма, межкультурная коммуникация. На протяжении своей истории журнал презентовал стратегии эффективной лингводидактики, механизмы восприятия и усвоения иностранного языка в прагматическом аспекте, методики преподавания русского и иностранного языков и др.

Начиная с 2016 года журнал расширяет исследовательский контекст публикаций и приглашает к сотрудничеству специалистов в области русофонной и транслингвальной литературы, культурологов, философов и других представителей гуманитарного знания. Вместе с тем особое внимание уделяется краеугольным вопросам современного языкознания: Языку в Человеке и Человеку в Языке; Языку в поликультурном обществе; особенностям языкового сознания билингвальной личности; механизмам восприятия и усвоения второго языка в когнитивном и прагматическом аспектах и многим другим.

Миссия (сверхзадача) журнала — интегрировать лингвистический и экстралингвистический опыт специалистов разных стран и научных направлений с целью разработки универсальной стратегии толерантного взаимодействия между представителями различных языков и культур. Редколлегия журнала убеждена, что Язык (и свой, и чужой) может быть мостом к постижению другой культуры, ментальности, этнической сущности. Ослабление конфронтационного восприятия Другого и провозглашение самоценности каждого языка и каждого этноса в мультикультурном социуме — миссия журнала, решаемая на уровне конкретных исследовательских задач, среди которых:

- установление, описание, систематизация языковых фактов по заявленной проблематике;
- публикация результатов экспериментальных методик в рамках билингвального образования;
- исследование языковых процессов в поликультурном пространстве;
- изучение би- и транслингвальных практик в литературе и медиа и т.д.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/education-languages/about/submissions>

Электронный адрес: bakhtikireeva-um@rudn.ru; valikova-o@rudn.ru

Редактор: *И.В. Успенская*

Компьютерная верстка: *О.Г. Горюнова*

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

Тел.: (495) 434-20-12; e-mail: ptpj@rudn.ru

Подписано в печать 07.03.2022. Выход в свет 15.03.2022. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «NewtonС».

Усл. печ. л. 12,26. Тираж 500 экз. Заказ № 11. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru

POLYLINGUALITY AND TRANSCULTURAL PRACTICES

VOLUME 19 No. 1 (2022)

DOI 10.22363/2618-897X-2022-19-1

<http://journals.rudn.ru/education-languages>

Founded in 2004

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

Professor Dr. Uldanai M. Bakhtikireeva

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow,
Russia

E-mail: bakhtikireeva-um@rudn.ru

VICE-EDITOR, EXECUTIVE SECRETARY

PhD Olga A. Valikova

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow,
Russia

E-mail: valikova-o@rudn.ru

Honorary Editor

Steven G. Kellman, PhD, Professor, University of Texas at San-Antonio, USA

EDITORIAL BOARD

Prof. Venera R. Amineva, Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation

Prof. Irina I. Valuytseva, Moscow State Regional University, Moscow, Russian Federation

Prof. Mar'yam A. Vakhidova, Chechen Republic, Grozny, Russian Federation

Prof. Suresh Canagarajah, Pennsylvania State University, Philadelphia, United States

Prof. Makhanbet Dzhusupov, Uzbek State World Language University, Tashkent, Uzbekistan

Prof. Svetlana Evdokimova, Brown University, Providence, United States

Prof. Nikolay N. Efremov, Institute for Humanitarian Research and Problems of Indigenous Peoples of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russian Federation

Prof. William Fierman, Indiana University, Bloomington, United States

Prof. Sergey A. Kibal'nik, Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Prof. Natal'ya V. Kulibina, The Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russian Federation

Dr. Viktoriya B. Kurilenko, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation

Prof. Zuhra A. Kuchukova, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russian Federation

Prof. Chimiza K. Lamazhaa, Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Prof. Mikhail A. Marusenko, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Prof. Valentina A. Maslova, Vitebsk State University, Vitebsk, Belarus

Prof. Andrew Moody, University of Macau, China, United States

Prof. Natal'ya Muranska, Constantine the Philosopher University, Nitra, Slovakia

Prof. Ekaterina Y. Protasova, University of Helsinki, Finland

Prof. Zoya G. Proshina, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Prof. Al'fiya I. Smirnova, Moscow City University, Moscow, Russian Federation

Prof. Eleonora D. Suleimenova, Kazakhstani Association of Teachers of Russian Language and Literature, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

Prof. Madina V. Tlostanova, Linköping University, Sweden

Dr. Erzhen V. Khilkhanova, Institute of Linguistics of RAS, Moscow, Russian Federation

Prof. Irlan S. Khugaev, Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Vladikavkaz

Prof. Georgiy T. Khukhuni, Moscow State Regional University, Moscow, Russian Federation

Dr. Eleonora F. Shafranskaya, Moscow City University, Moscow, Russian Federation

Prof. Sholpan K. Zharkynbekova, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan

POLYLINGUALITY AND TRANSCULTURAL PRACTICES

Published by the Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

ISSN 2618-8988 (online); ISSN 2618-897X (print)

Publication frequency: quarterly.

Languages: Russian, English, French, German, Spanish

Indexed by Russian Index of Science Citation (eLibrary.ru), DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, Google Scholar, WorldCat, Dimensions.

Cyberleninka, East View, Mendeley.

Aim and Scope

The thematic field of the journal includes actual problems of translanguing literature, bilingual education, as well as integrative areas of modern philology: cultural linguistics, sociolinguistics, political linguistics, bilingualism issues, crosscultural communication.

During its ten-year history the Journal has been offering for discussion by the scientific community significant problems of modern linguistics: Language in Human and Human in Language; Language in a multicultural society; peculiarities of bilingual linguistic consciousness of the individual; mechanisms of perception and learning of L2 in the cognitive and pragmatic aspects; effective strategy of linguistic didactics and many others.

From 2016, the Journal extends the research context of publications and invites for cooperation specialists in the field of translanguing literature, culture experts, philosophers, and other representatives of the Humanities.

Mission (the supertask) of the Bulletin is to integrate linguistic and extra-linguistic experience of experts from different countries and scientific disciplines. We try to develop universal strategy of tolerant interaction between people of various languages and cultures. The Editorial Board believes that the Language (Own, and Others') may not be only the barrier, but also a bridge between cultures, mentalities and ethnic identities. Our Mission may be implemented in the research tasks as:

- identification, description, classification of linguistic facts of declared problematics;
- publication of the results of experimental methods of teaching and learning of second language;
- the study of language processes in multicultural environment;
- the study of bi- and translanguing practices in literature, media; etc.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at: [://journals.rudn.ru/education-languages/about/submissions](http://journals.rudn.ru/education-languages/about/submissions)

E-mail: bakhtikireeva-um@rudn.ru; valikova-o@rudn.ru

Editor *I.V. Uspenskaya*
Computer design: *O.G. Gorunova*

Address of the editorial board:

3, Ordzhonikidze str., Moscow, 115419, Russian Federation
Ph. +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:

6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation
Ph. +7 (495) 434-20-12; e-mail: ptpj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:

3, Ordzhonikidze str., Moscow, 115419, Russian Federation,
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

АРСЕНАЛ / ARSENAL

- Ощепкова Е.С., Картушина Н.А., Шатская А.Н.** Особенности построения нарративов у детей в билингвальной среде / **Oshchepkova E.S., Kartushina N.A., Shatskaya A.N.** Features of the Construction of Children Narratives in a Bilingual Environment 6

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ / LITERARY DIMENSION

- Kellman S.G.** Multilingual Literature of the United States / **Келлман С.** Мультилингвальная литература в Соединенных Штатах Америки 19
- Wong E.** Translingual Poets in Colonial and Postcolonial Taiwan / **Вонг Э.** Транслингвальные поэты в колониальном и постколониальном Тайване 28
- Шафранская Э.Ф., Гарипова Г.Т.** Бачи в русской культурной рецепции / **Shafranskaya E.F., Garipova G.T.** Bacha Boy in Russian Cultural Reception 36
- Зейферт Е.И.** Российско-немецкий шансон как продукт эмиграции / **Seifert E.I.** Russian-German Chanson as a Product of Emigration 50
- Жаксылыков А.Ж.** Языковая экспрессия в романе Адама Мекебаева «Тайник в степи» и проблема ее передачи в переводе на русский язык / **Zhaksylykov A.Zh.** Linguistic Expression in the Novel by Adam Mekebaev “Hiding-place in the Steppe” and the Problem of Its Transmission in Russian Translation 66

ЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ / LANGUAGE IN PROCESS

- Лавицкий А.А.** Генезис языковой политики Республики Беларусь / **Lavitski A.A.** Genesis of the Republic of Belarus Language Policy 77
- Дединкин А.Л.** Языковые проявления экстремизма в аспекте национальных законодательств Российской Федерации и Республики Беларусь / **Dziadzinkin A.L.** Linguistic Manifestations of Extremism in the Aspect of National Legislation of the Russian Federation and the Republic of Belarus 86
- Poplavskaya T.V., Choumanskaya O.A.** Language Code Mixing in the Discourse of IT Companies / **Поплавская Т.В., Шуманская О.А.** Смешение языковых кодов в дискурсе ИТ-компаний 98

БИЛИНГВАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ / BILINGUAL EDUCATION

- Николаенко С.В.** Тематически ориентированные уроки русского языка «О стране, о родине, о человеке»: метапредметный аспект / **Nikolaenko S.V.** Russian Language Classes through Thematic Learning “About the Country, about the Homeland, about the Human”: Metasubject Aspect 107
- Данич О.В.** Феномен культурной грамотности в условиях близкородственного билингвизма / **Danich O.V.** The Phenomenon of Cultural Literacy in the Context of Closely Related Bilingualism 117
- Беженарь О.А.** Занимательность на занятиях по письму с детьми-билингвами / **Bejenari O.A.** Entertaining in Writing Classes with Bilingual Children 124
- Афанасьева Н.Д., Захарченко С.С., Могилева И.Б.** Вопросы культуры деловой речи в обучении студентов-билингвов / **Afanas'eva N.D., Zakharchenko S.S., Mogileva I.B.** Some Aspects of Business Culture in Bilingual Audience Speech 131

РЕЦЕНЗИИ / BILINGUAL EDUCATION

- Кучукова З.А., Берберова Л.Б.** Рецензия на книгу: Арзамасов А.А. Литература народов России: литература народов Крайнего Севера и Дальнего Востока: учебное пособие для вузов. Москва: Юрайт, 2021. 248 с. / **Kuchukova Z.A., Berberova L.B.** Book Review: Arzamasov, A.A. 2021. Literature of the Peoples of Russia: Literature of the Peoples of the Far North and the Far East: a Textbook for Universities. Moscow: Yurayt Publ., 248 p. 141

АРСЕНАЛ ARSENAL

DOI 10.22363/2618-897X-2022-19-1-6-18

Научная статья

Особенности построения нарративов у детей в билингвальной среде

Е.С. Ощепкова¹ , Н.А. Картушина² , А.Н. Шатская³

¹ Институт языкознания РАН,
Российская Федерация, 125009, Москва, Б. Кисловский пер., 1/1

² Университет Осло,
Oslo, 0317, Norway *Forskingsveien 3A*

³ Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9

 oshchepkova_es@iling-ran.ru

Аннотация. В статье рассматривается детский вызванный нарратив как показатель развития языка и культуры. Нарратив — это история, созданная ребенком на основе рассказа по картинке или серии картинок. Нарратив позволяет оценить связную монологическую речь ребенка. Нарративы как первичные формы текстов культуры отражают определенную национально-культурную специфику. В нарративе можно выделить макроструктуру, определяющую его смысловую полноту и адекватность, и микроструктуру, оценивающую лексико-грамматические особенности. В нашей работе исследовались нарративы детей из Российской Федерации (Москва), Республики Саха (Якутия) (Якутск и улусы) и Республики Татарстан (Казань). Кроме того, дети проходили ряд психологических тестов, что позволило оценить у них уровень развития регуляторных функций и невербального интеллекта. Основной задачей исследования было выявить, как фактор билингвизма влияет на построение нарратива и какие другие факторы также оказывают влияние на развитие связной монологической речи у дошкольников. В исследовании приняли участие 765 детей, среди них 327 мальчиков и 438 девочек ($M = 77,89$ месяцев, $SD = 5,22$). Все дети посещали старшие группы детских садов Москвы ($n = 495$), Казани ($n = 115$), Якутска и улусов ($n = 155$). В результате анкетирования воспитателей и короткого языкового теста выборка была разделена на две группы: билингвы ($n = 179$), равноценно общающиеся на русском и национальном языках, и монолингвы ($n = 586$), общающиеся преимущественно или только на русском. Результаты статистической обработки материала показали, что билингвизм является важным фактором, влияющим на микроструктуру нарратива.

© Ощепкова Е.С., Картушина Н.А., Шатская А.Н., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

вов, однако в наибольшей степени и микро-, и макроструктура зависят от слухоречевой рабочей памяти. Это подтверждается как корреляциями, так и общими линейными моделями.

Ключевые слова: билингвизм, нарративы, детская речь, регуляторные функции, микроструктура нарратива, макроструктура нарратива

История статьи: дата поступления в редакцию: 22.12.2021; дата принятия к печати: 07.01.2022

Конфликт интересов: отсутствует

Финансирование: Исследование проведено при финансовой поддержке РФФ в рамках научного проекта № 21-18-00581 «Факторы и эффекты развития устной и письменной речи детей 6—8 лет в моно- и билингвальной среде: лонгитюдное исследование»

Благодарности: Авторы благодарят своих коллег из г. Якутска и г. Казани, а также студентов факультета психологии МГУ, которые оказали неоценимую помощь в сборе материала

Для цитирования: Ощепкова Е.С., Картушина Н.А., Шатская А.Н. Особенности построения нарративов у детей в билингвальной среде // Полилингвильность и транскультурные практики. 2022. Т. 19. № 1. С. 6—18. DOI 10.22363/2618-897X-2022-19-1-6-18

Research Article

Features of the Construction of Children Narratives in a Bilingual Environment

E.S. Oshchepkova¹ , N.A. Kartushina² , A.N. Shatskaya³

¹ Institute of Linguistics of RAS,
1/1, bldg. 28, B. Kislovsky, Moscow, 125009, Russian Federation

² University of Oslo,
3 A, Forskningsveien, Oslo, 0317, Norway

³ Moscow State University,
11, bldg. 9, Mokhovaya str., Moscow, 125009, Russian Federation
 oshchepkova_es@iling-ran.ru

Abstract. The article examines such an indicator of the development of language and culture as a child's elicited narrative. A narrative is a story created by a child based on a picture story or a series of pictures. The narrative allows to evaluate the child's coherent monologue speech. Narratives as primary forms of cultural texts reflect a certain national and cultural specifics. In the narrative, one can distinguish a macrostructure that determines its semantic completeness and adequacy, as well as a microstructure that assess lexical and grammatical accuracy. In our work, we studied the narratives of children from Moscow, the Republic of Sakha — Yakutia (Yakutsk and uluses) and the Republic of Tatarstan (Kazan). In addition, children performed a number of psychological tests, which made it possible to assess their level of development of executive functions and non-verbal intelligence. The main objective of the study was to identify how the factor of bilingualism influences the construction of the narrative and

what other factors also influence. The study involved 765 children, including 327 boys and 438 girls ($M = 77.89$ months, $SD = 5.22$). All children attended senior groups of kindergartens in Moscow ($n = 495$), Kazan ($n = 115$), the Republic of Sakha-Yakutia (Yakutsk and uluses) ($n = 155$). As a result of a survey of educators and a short language test, the sample was divided into two groups: bilinguals ($n = 179$ people) who communicate equally in Russian and national languages; and monolinguals (586 people) who communicate mainly or only in Russian. The results of statistical processing of the material showed that bilingualism is an important factor affecting the microstructure of narratives, however, to the greatest extent, both micro and macrostructure depend on auditory-verbal working memory. This is supported by both correlations and general linear models.

Key words: bilingualism, narratives, child's language, executive functions, narrative's microstructure, narrative's macrostructure

Article history: received: 22.12.2021; accepted: 07.01.2022

Conflict of interests: none

Funding: The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation in the framework of the scientific project № 21-18-00581 “The factors and effects of oral and written speech development in 6—8-year-old children in mono- and bilingual environment: a longitudinal study”

Acknowledgments: The authors thank our colleagues from Yakutsk and Kazan as well as students of the Department of Psychology, who provided valuable assistance in research

For citation: Oshchepkova, E.S., Kartushina, N.A., Shatskaya, A.N. 2022. “Features of the Construction of Children Narratives in a Bilingual Environment”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 19 (1), 6—18. DOI 10.22363/2618-897X-2022-19-1-6-18

Введение

Детский билингвизм остается одним из важнейших аспектов, связанных с проблематикой двуязычия в целом. Вопросы детского билингвизма активно разрабатывались еще в советский период, но и сейчас остаются весьма актуальными в нашей стране и за рубежом. Выходят комплексные монографии как на материале языков народов России, показывающие особенности развития детской речи у национально-русских билингвов [1; 2], так и на материале других мировых языков [3; 4].

Российская Федерация — многоэтническое и многоязыковое государство, в котором 22 республики имеют два или более официальных языка, поэтому разработка проблемы развития речи у детей-билингвов имеет весьма большое значение. Известный психолингвист А.М. Шахнарович, который занимался этой проблематикой и координировал исследования билингвизма в странах бывшего СССР и в субъектах РФ, показал, что формирование двуязычия — это формирование специфических компонентов языковой способности ребенка [5. С. 66].

В настоящее время проблемы детского национально-русского двуязычия разрабатываются на материале бурятско-русского [6; 7], дагестанско-русского [8; 9], якутско-русского [10], татарско-русского [11—13] детского билингвизма.

Однако отметим, что практически все работы в данной области касаются интерференции и других аспектов взаимодействия языков на уровне лексики, реже — грамматики и фонетики, в то время как вопросы построения связной монологической речи детьми-билингвами, влияния различных факторов на порождение речи у детей-билингвов по-прежнему изучены явно недостаточно, что связано чаще всего с ограниченными возможностями исследователей. В основном исследование детских нарративов у детей-билингвов осуществляется на материале языка детей мигрантов [14; 15], в то время как естественный билингвизм в условиях официального двуязычия имеет, на наш взгляд, свою специфику. В последнее время появляются работы, посвященные нарративам у детей-билингвов из регионов России (в частности, Татарстана) [16], однако они остаются крайне малочисленными.

Тем временем нарративы являются важнейшим показателем усвоенной культуры.

Еще классики отечественной психологии (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев) показали, что, хотя языковое развитие ребенка и подчиняется универсальным закономерностям и проходит одни и те же стадии независимо от родного языка, наполнение каждой стадии зависит от конкретных культурно-исторических условий [17]. Ребенок овладевает языком как частью культуры, а затем — культурой через посредство языка. Неоднократно было показано, как культура отражается в языке на уровне слов и понятий, однако нельзя забывать и о текстах. Тексты обладают комплексными особенностями, отражающими национально-культурную специфику [18]. Имеют ли свою специфику истории, созданные детьми-билингвами 5–6 лет? От чего зависит их умение создавать связные и цельные нарративы, правильно оформленные лексически и грамматически? В нашем исследовании мы пытались ответить на эти вопросы.

Обсуждение

Гипотеза и процедура исследования

Основными гипотезами нашего исследования стали следующие:

- 1) монолингвы отличаются от билингвов по уровню речевого развития и по уровню развития регуляторных функций;
- 2) фактор билингвизма оказывает влияние прежде всего на микроструктуру нарратива, т.е. на его лексико-грамматическую правильность, и не влияет на макроструктуру, т.е. умение строить связные, логичные и полные нарративы;
- 3) между исследуемыми регионами существуют различия по уровню развития макро- и микроструктуры нарративов.

В исследовании приняли участие 765 детей, среди них 327 мальчиков и 438 девочек ($M = 77,89$ месяцев, $SD = 5,22$). Все дети посещали старшие группы детских садов Москвы ($n = 495$), Казани ($n = 115$), Якутска и улусов ($n = 155$).

Воспитатели детских садов приняли участие в анкетировании, целью которого было узнать о каждом ребенке то, на каком языке он преимущественно разговаривает с воспитателями, другими детьми и родителями. Дополнительно дети

проходили короткий языковой тест. В результате выборка была разделена на две группы: билингвы ($n = 179$), равноценно общающиеся на обоих республиканских языках — русском и татарском в Татарстане или русском и якутском в Якутии; и монолингвы ($n = 586$), преимущественно общающиеся только на русском.

Взаимозависимость регуляторных функций и основных характеристик нарратива (его микро- и макроструктуры)

На первом этапе нашего анализа мы рассчитали описательные статистики для всех количественных переменных, а также корреляции Пирсона исследуемых переменных между собой. Полученные результаты отражены в табл. 1.

Таблица 1/Table 1

Взаимозависимость между регуляторными функциями и микро- и макроструктурой нарратива/Intercorrelations between executive functions and micro- and macrostructure of narratives

Параметр/Parameter	<i>M</i>	<i>SD</i>	ЗРП/ ViWM	СРП/ VeWM	КГ/ CF	СК/ IC	ФСК/ PIC	Микро/ Micro	Макро/ Macro
Зрительная рабочая память (ЗРП)/Visual Working Memory (ViWM)	88,20	20,31	1	,243*	,328*	,259*	—	,146*	,201*
Слуховая рабочая память (СРП)/Verbal Working Memory (VeWM)	19,47	4,01	—	1	,324*	,266*	,140*	,411*	,400*
Когнитивная гибкость (КГ)/Cognitive Flexibility (CF)	19,78	2,56	—	—	1	,222*	—	,148*	,195*
Сдерживающий контроль (СК)/Inhibitory Control (IC)	11,23	3,2	—	—	—	1	,148*	,151*	,181*
Физический сдерживающий контроль (ФСК)/Physical Inhibitory Control (PIC)	27,15	4,39	—	—	—	—	1	,113*	,162*
Микроструктура (Микро)/Microstructure (Micro)	8,14	1,67	—	—	—	—	—	1	,586*
Макроструктура (Макро)/Macrostructure (Macro)	19,28	6,03	—	—	—	—	—	—	1

Примечание: отмечены только значимые корреляции/*Note:* only significant correlations are marked.
* Корреляция значима на уровне $p < 0,001$ (двухсторонняя)/** Correlation is significant at $p < 0.001$ (two-tailed).*

Как видно из табл. 1, все полученные корреляции высокозначимы ($p < 0,001$). Значения макроструктуры и микроструктуры нарратива взаимосвязаны со всеми параметрами регуляторных функций, а также между собой, причем наиболее тесно они взаимосвязаны с уровнем развития слухоречевой рабочей памяти.

Это говорит нам о том, что регуляторные функции и речевое развитие детей тесно связаны независимо от того, говорит ребенок на одном языке или на двух. К сожалению, корреляционная зависимость не может указать, что является определяющим фактором — развитие речи или регуляции. Такие же выводы мы на-

ходим как в отечественных [19], так и в зарубежных работах [20; 21], где утверждается, что речь у детей тесно связана с развитием регуляторных функций.

*Влияние фактора региона проживания
на развитие регуляторных функций и речи*

На втором этапе анализа мы провели сравнение средних значений по развитию регуляторных функций, а также по развитию макро- и микроструктуры нарративов у детей Москвы, Казани и Якутска (с улусами). Для этого нами были использованы критерий Краскела–Уоллиса и однофакторный дисперсионный анализ. Полученные результаты отражены в табл. 2.

Таблица 2/ Table 2

**Взаимозависимости между регуляторными функциями, микро- и макроструктурой нарратива и регионом проживания/
Intercorrelations between executive functions, micro- and macrostructure of narratives and region of residence**

Параметр/Parameter		Регион/Region						Критерий/ Criteria	p-value
		Москва/ Moscow (n = 495)		Татарстан/ Tatarstan (n = 115)		Якутия/ Yakutia (n = 155)			
		M	SD	M	SD	M	SD		
Пол/Gender	мужчины/ males	208		56		65		—	—
	женщины/ females	207		59		84		—	—
Фактор билингвизма/ Factor of bilingualism	монолингвы/ monolinguals	415		77		94		—	—
	билингвы/ bilinguals	0		38		61		—	—
Возраст, мес./Age, months		75,4	3,99	83,24	4,67	81,06	3,29	—	—
Зрительная рабочая память/Visual Working Memory		85,98	20,4	95,1	19,56	89,52	19,20	H = 17,24	0,000
Слуховая рабочая память/Verbal Working Memory		19,46	3,51	21,51	4,54	17,98	4,168	H = 38,52	0,000
Когнитивная гибкость/Cognitive Flexibility		19,77	2,71	20,13	1,94	19,31	2,42	H = 5,63	0,000
Сдерживающий контроль/Inhibitory Control		10,78	3,05	12,47	3,4	11,58	3,2	H = 27,81	0,06
Физический сдерживающий контроль/ Physical Inhibitory Control		26,8	4,24	28,35	2,71	27,25	5,54	H = 27,63	0,000
Макроструктура/Macrostructure		19,57	5,6	22,94	6,26	16,13	5,67	F = 47,17	0,000
Микроструктура/Microstructure		8,21	1,37	9,62	1,34	6,94	1,85	F = 107,47	0,000

Примечание: H — критерий Краскела–Уоллиса; F — однофакторный дисперсионный анализ для трех и более независимых выборок/ *Note:* H — Kruskal-Wallis test; F — one-way analysis of variance for three or more independent samples.

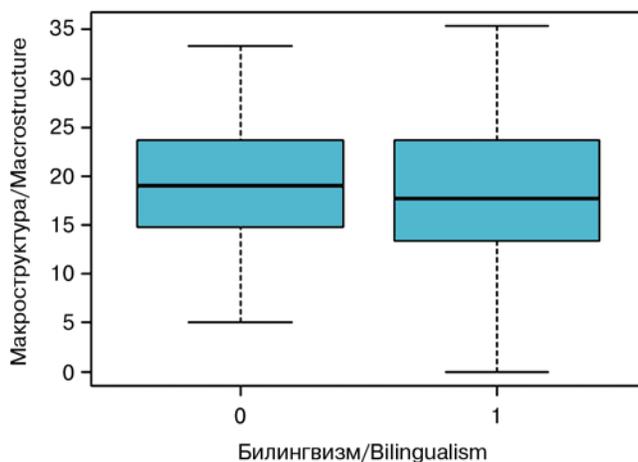
Как видно из табл. 2, все три региона значительно отличаются по развитию регуляторных функций, макро- и микроструктуры нарратива. Так, микро- и макроструктура, а также все компоненты регуляторных функций у детей из Казани имеют более высокие значения, чем у детей из Москвы и Якутска (с улусами). При этом различия были значимыми во всех случаях, кроме сдерживающего контроля, где они сохраняются на уровне тенденции. Полученные различия могут объясняться региональными особенностями, предположительно спецификой образовательных программ. Для будущих направлений исследований необходимо обратить более пристальное внимание на фиксацию дополнительных факторов, способных объяснить эти региональные различия. Также мы с осторожностью относимся к полученным различиям ввиду того, что они могут объясняться разницей размеров подгрупп по регионам. Поэтому в будущих исследованиях мы считаем необходимым перепроверить указанные различия на уравненных выборках.

Фактор билингвизма

Один из основных факторов, влияние которых мы исследовали в данной работе, — фактор билингвизма. Зарубежные исследования показывают, что билингвизм оказывает негативное влияние на объем словарного запаса ребенка [22], однако не влияет на создание нарративов [23]. Необходимо, однако, подчеркнуть, что при этом нарративы исследуются в основном с точки зрения их макроструктуры.

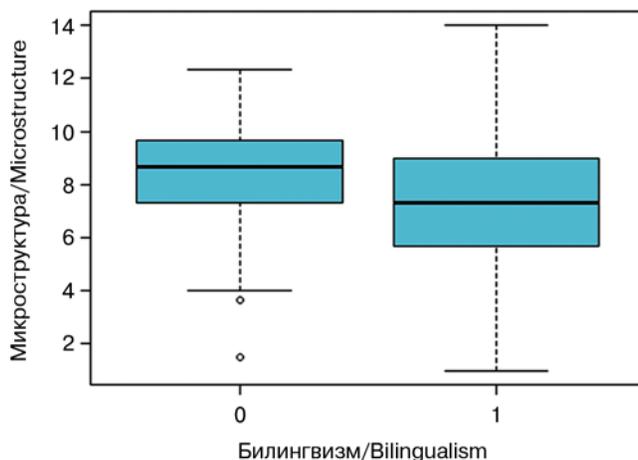
По результатам анкетирования воспитателей и короткого языкового теста мы разделили нашу выборку детей в Якутии и Татарстане на две группы: билингвы ($n = 179$), равноценно общающиеся на русском и национальном языках; и монолингвы ($n = 586$), общающиеся преимущественно или только на русском.

После этого мы проанализировали различия между этими выборками как по макроструктуре нарратива, так и по его микроструктуре. Результаты показаны на рис. 1 и 2. По макроструктуре различий между билингвами и монолингвами выявлено не было, а по микроструктуре эти различия оказались значимыми.

$T = 0,989$; $p = 0,324$. Нет различий по макроструктуре между билингвами и монолингвами/
 $T = 0.989$; $p = 0.324$. No difference in macrostructure between bilinguals and monolinguals

Рис. 1. Влияние фактора билингвизма на макроструктуру нарратива у детей из Татарстана и Якутии/
Fig. 1. Impact of bilingualism on narrative's macrostructure in children from Tatarstan and Yakutia

$U = 6226,000$; $p = 0,000$. Микроструктура лучше развита у монолингвов/
 $U = 6226,000$; $p = 0,000$. Microstructure is better developed in monolinguals

Рис. 2. Влияние фактора билингвизма на макроструктуру нарратива у детей из Татарстана и Якутии/
Fig. 2. Impact of bilingualism on narrative's macrostructure in children from Tatarstan and Yakutia

Таким образом, на нашей выборке подтвердились результаты, отмеченные в зарубежных исследованиях о том, что билингвизм влияет на лексико-грамматические показатели речи ребенка, но не влияет на общую структуру нарративов, которые он создает.

Предикторы уровня развития макро- и микроструктуры нарративов

Обобщая полученные результаты, мы построили общие линейные модели для макро- и микроструктуры нарративов. Для этого из массива данных предварительно были удалены все пропущенные значения. Таким образом, размер выборки на этапе построения моделей составил 489 человек. В качестве предикторов мы отобрали следующие переменные: пол, возраст, фактор билингвизма, регион проживания, уровень развития регуляторной функции (зрительной и слуховой рабочей памяти, когнитивного и физического сдерживающего контроля, когнитивной гибкости). В качестве зависимой переменной выступали последовательно суммарные баллы по макро- и микроструктуре нарративов.

Предикторы для макроструктуры

Мы построили общую линейную модель для макроструктуры. Модель оказалась статистически значимой ($AdR2 = 0,1913$; $p = 0,000$). Диагностика модели показала, что значимыми предикторами уровня развития микроструктуры являются следующие параметры: уровень развития слуховой рабочей памяти ($p = 0,000$); физического сдерживающего контроля ($p = 0,03$); зрительной рабочей памяти ($p = 0,02$), а также регион проживания — на уровне тенденции ($p = 0,05$). Остальные предикторы, заложенные в модель, оказались незначимыми.

Далее мы осуществили поэтапное исключение из модели незначимых предикторов. В результате итоговая модель для макроструктуры стала включать в себя следующие предикторы: слухоречевую рабочую память ($p = 0,000$), регион

($p = 0,01$), физический сдерживающий контроль ($p = 0,021$), зрительную рабочую память ($p = 0,023$), а также торможение ($p = 0,12$) и когнитивную гибкость ($p = 0,15$). Исключение последних двух незначимых предикторов привело к ухудшению качества модели, поэтому они были сохранены в итоговой модели макроструктуры ($AdR2 = 0,1945$; $p = 0,000$). Весьма невысокий $AdR2$ данной модели указывает на то, что набор предикторов, который нам удалось зафиксировать, недостаточен для объяснения вариативности макроструктуры у дошкольников. Последовательное вычисление вклада каждого предиктора в итоговую модель показало, что наиболее значимым предиктором является уровень развития слуховой рабочей памяти (ANOVA Type-II: $F = 41,17$; $p = 0,000$). Таким образом, наиболее значимым из всех остальных предикторов для макроструктуры нарратива как показателя связности и цельности текста является уровень развития слуховой рабочей памяти. Данная модель представлена на рис. 3.

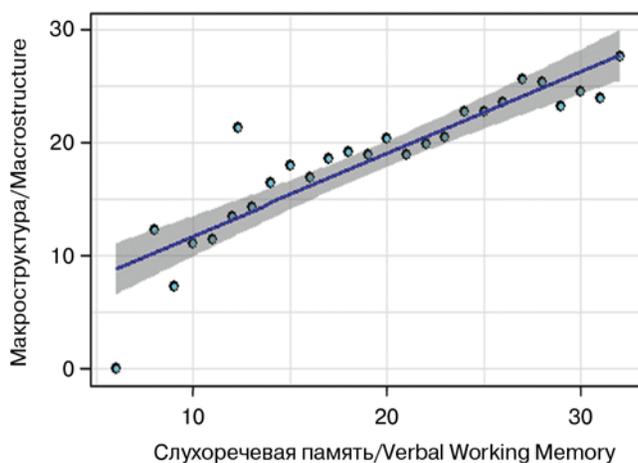

Рис. 3. Взаимосвязь макроструктуры и уровня развития слухоречевой рабочей памяти/
Fig. 3. Intercorrelations between macrostructure and verbal working memory

Предикторы для микроструктуры

Затем мы построили общую линейную модель для микроструктуры ($AdR2 = 0,1989$; $p = 0,000$). В полученной модели значимыми предикторами оказались следующие параметры: уровень развития слухоречевой рабочей памяти ($p = 0,000$), регион проживания ($p = 0,000$), а также пол — на уровне тенденции ($p = 0,05$). Посредством поэтапного исключения из модели незначимых предикторов мы получили итоговую модель ($AdR2 = 0,2012$, $p = 0,000$). Все предикторы итоговой модели, кроме зрительной рабочей памяти, оказались значимыми: слухоречевая память ($p = 0,000$), регион ($p = 0,000$), пол ($p = 0,03$), уровень развития зрительной рабочей памяти ($p = 0,085$). Исключение зрительной рабочей памяти как незначимого предиктора привело к ухудшению качества модели, а потому данный предиктор был все же включен в итоговую модель. Последовательное вычисление вклада каждого предиктора в итоговую модель по отдельности продемонстрировало, что наиболее значимым предиктором является уровень развития слуховой рабочей памяти (ANOVA Type-II: $F = 47,74$; $p = 0,000$). Весьма невысокий $AdR2$ полученной модели может указывать на то, что используемый

нами изначальный набор предикторов недостаточен для объяснения вариативности микроструктуры у дошкольников. Для дальнейшего хода исследования необходимо определить те особенности, которые обуславливают региональную специфику, которая находит отражение в высоком коэффициенте значимости предиктора «регион». Таким образом, наиболее значимыми предикторами для микроструктуры нарратива являются регион проживания и уровень развития слухоречевой рабочей памяти. Данная модель представлена на рис. 4.

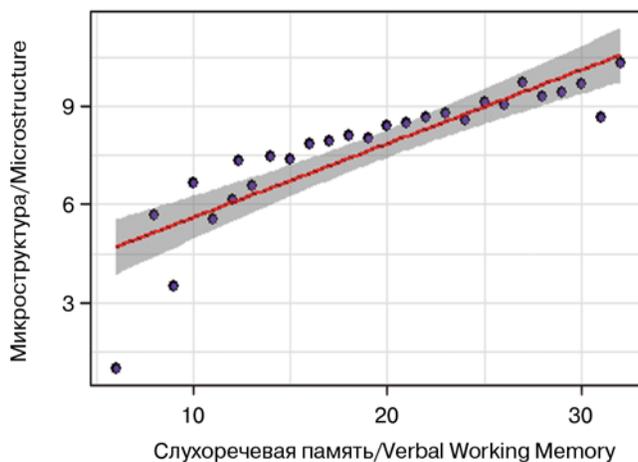

Рис. 4. Взаимосвязь макроструктуры и уровня развития слухоречевой рабочей памяти/
Fig. 4. Intercorrelations between microstructure and verbal working memory

Заключение

Нарративы как тип целостного монологического речевого высказывания являются одним из важнейших показателей речевого развития дошкольников. В нарративах находят отражение как культурно-специфические особенности их авторов, так и их прагматические и речевые навыки. Пока в российской науке только начинают исследоваться те факторы, которые оказывают влияние на развитие нарративов у детей-билингвов дошкольного возраста.

В нашей работе мы посчитали целесообразным выделить в нарративах их макро- и микроструктуру, т.е. те особенности, которые описывают общую связность и цельность нарративов, их адекватность и полноту, с одной стороны, и лексико-грамматические показатели — с другой.

Традиционно билингвизм считается фактором, оказывающим негативное влияние на развитие речи ребенка. Однако с развитием именно нарративов ситуация несколько сложнее: как правило, билингвизм оказывает негативное влияние на развитие микроструктуры, но не на макроструктуру. В данном исследовании мы предположили, что когнитивные навыки ребенка, в частности развитие его регуляторных функций, будут оказывать значительное влияние на развитие его способности к порождению нарративов. Кроме того, мы выделили такой фактор, как регион проживания, чтобы проанализировать, в какой мере можно разделить фактор билингвизма и фактор региона проживания.

На основе проведенного анализа мы можем утверждать, что гипотезы, заявленные в начале исследования, полностью подтвердились: монолингвы отлича-

ются от билингов по уровню речевого развития и по уровню развития регуляторных функций; фактор билингвизма оказывает влияние прежде всего на микроструктуру нарратива, т.е. на его лексико-грамматическую правильность и не влияет на макроструктуру, т.е. умение строить связные, логичные и полные нарративы; между исследуемыми регионами существуют различия по уровню развития и макро-, и микроструктуры нарративов.

Основной вывод, который можно сделать после проведенного исследования: и микро-, и макроструктура нарративов наиболее значимо зависят от слухоречевой рабочей памяти. Это подтверждается как корреляциями, так и общими линейными моделями. При этом дошкольники из Казани показали более высокие баллы по всем исследуемым параметрам (всем компонентам речевой функции, и макро-, микроструктуре), чем дошкольники из Москвы и Якутска (с улусами).

Мы можем предположить, что это объясняется индивидуальными особенностями детей, национальным составом групп и лингвистическими профилями детей. Поэтому в дальнейших исследованиях мы намерены увеличить выборку по Казани и провести повторные сравнения, а также зафиксировать дополнительные факторы, которые могут помочь объяснить эту региональную специфику. В частности, это может объясняться уровнем воспитательно-образовательной работы в детских садах.

Список литературы

1. *Протасова Е.Ю., Родина Н.М.* Многоязычие в детском возрасте. СПб.: Златоуст, 2015.
2. *Цейтлин С.Н., Чиршева Г.Н., Кузьмина Т.В.* Освоение языка ребенком в ситуации двуязычия: научная монография / отв. ред. М.Б. Елисеева. СПб.: Златоуст, 2014.
3. *Cummins J.* Language, Power and Pedagogy: Bilingual Children in the Crossfire. Clevedon; Multilingual Matters, 2001.
4. *Bhatia T.K., Ritchie W.C.* (ed.). The handbook of bilingualism and multilingualism. John Wiley & Sons, 2014.
5. *Шахнарович А.М.* Национальное и универсальное в развитии речи ребенка // Национально-культурная специфика речевого поведения. М.: Наука, 1977.
6. *Бажеева Т.П.* Социальный и языковой аспекты формирования раннего (детского) бурятско-русского и русско-бурятского двуязычия. Улан-Удэ, 2002.
7. *Улзытуева А.И.* Методика обучения речевому общению детей старшего дошкольного возраста в условиях двуязычия (бурятско-русского и русско-бурятского). Чита, 2007.
8. *Буржунова З.Г.* Лингводидактические основы формирования русского произношения дошкольников в условиях дагестанско-русского двуязычия: автореф. ... дисс. канд. пед. наук. Владикавказ, 1998.
9. *Гаджиев И.А.* Развитие речи у детей в условиях двуязычия. Махачкала, 2008.
10. *Трофимова Ю.И.* Педагогические условия формирования русско-якутского двуязычия дошкольников: на примере дошкольных образовательных учреждений Республики Саха (Якутия): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Якутск, 2008.
11. *Асратян Н.М.* Русско-татарское двуязычие в школьном образовании // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Казань, 6—7 сентября, 2018 г. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 512 с. С. 204—208.
12. *Шакурова М.М.* Татарско-русское двуязычие: проблемы обучения языкам // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. №. 10-2. С. 64.
13. *Шарытова Н.Х.* Двуязычие в Татарстане: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Казань, 2004.

14. *Протасова Е.Ю.* Динамика рассказов детей-билингвов: проблемы и практика // Современное дошкольное образование. Теория и практика. 2021. № 5 (107). С. 28–37.
15. *Лайтинен Л.* Нарративные способности русско-финских детей-билингвов при описании картинок: дисс. ... д-ра филол. наук. Хельсинки, 2020.
16. *Кючуков Х.С., Ушакова О.С.* Прагматические аспекты татарско-русского билингвизма детей дошкольного возраста // Современное дошкольное образование. Теория и практика. 2021. № 5 (107). С. 48–55.
17. *Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. 4-е изд. М.: Изд-во МГУ, 1981.
18. *Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А.* Культура и текст. Введение в лакунологию. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2008.
19. *Veraksa A.N., Bukhalenkova D.A., Kovyazina M.S.* Language Proficiency in Preschool Children with Different Level of Executive Functions // Psychol. Russ. State Art. 2018. № 11. P. 115–129. DOI: 10.11621/pir.2018.0408
20. *Pazeto T.C.B., Seabra A.G., Dias N.M.* Executive functions, oral language and writing in preschool children: Development and correlations // Paidéia (Ribeirão Preto) 2014. № 24. Pp. 213–221.
21. *Gooch D., Thompson P., Nash H.M., Snowling M.J., and Hulme C.* The development of executive function and language skills in the early school years // Journal of Child Psychology and Psychiatry. 2016. № 57(2). Pp. 180–187.
22. *Serratrice L.* The bilingual child // T.K Bhatia, W.C. Ritchie (eds.) The handbook of bilingualism and multilingualism. Wiley Blackwell, 2012. Pp. 87–108.
23. *Boerma T., Leseman P., Timmermeister M., Wijnen F., Blom E.* Narrative abilities of monolingual and bilingual children with and without language impairment: Implications for clinical practice // International journal of language & communication disorders. 2016. № 51(6). Pp. 626–638.

References

1. Protasova, E.Yu., and N.M. Rodina. 2015. *Mnogoyazychie v detskom vozraste*. Saint Petersburg: Zlatoust publ. Print. (In Russ.)
2. Tseitlin, S.N., G.N. Chirsheva, and Kuz'mina T.V. 2014. *Osvoenie yazyka rebenkom v situatsii dvuyazychiya*. Edited by M.B. Eliseeva. Saint Petersburg: Zlatoust publ. Print. (In Russ.)
3. Cummins, J. 2001. *Language, Power and Pedagogy: Bilingual Children in the Crossfire*. Clevedon; Multilingual Matters. Print.
4. Bhatia, T.K., and Ritchie W.C. 2014. (Eds.). *The handbook of bilingualism and multilingualism*. John Wiley & Sons. Print.
5. Shakhnarovich, A.M. 1977. "Natsional'noe i universal'noe v razvitii rechi rebenka". In *Natsional'no-kul'turnaya spetsifika rechevogo povedeniya*. Moscow: Nauka publ. Print. (In Russ.)
6. Bazheeva, T.P. 2002. *Sotsial'nyi i yazykovoi aspekty formirovaniya rannego (detskogo) buryatsko-russkogo i russko-buryatskogo dvuyazychiya*. Ulan-Ude. Print. (In Russ.)
7. Ulzytueva, A.I. 2007. *Metodika obucheniya rechevomu obshcheniyu detei starshego doshkol'nogo vozrasta v usloviyakh dvuyazychiya (buryatsko-russkogo i russko-buryatskogo)*. Chita. Print. (In Russ.)
8. Burzhunova, Z.G. 1998. "Lingvodidakticheskie osnovy formirovaniya russkogo proiznosheniya doshkol'nikov v usloviyakh dagestansko-russkogo dvuyazychiya". Thesis of Candidate Diss. on Pedagogy. Print. (In Russ.)
9. Gadzhiev, I.A. 2008. *Razvitie rechi u detei v usloviyakh dvuyazychiya*. Makhachkala. Print. (In Russ.)
10. Trofimova, Yu.I. 2008. "Pedagogicheskie usloviya formirovaniya russko-yakutskogo dvuyazychiya doshkol'nikov: Na primere doshkol'nykh obrazovatel'nykh uchrezhdenii Respubliki Sakha (Yakutiya)". Thesis of Candidate Diss. on Philology. Yakutsk. Print. (In Russ.)
11. Asratyan, N.M. 2018. "Russko-tatarskoe dvuyazychie v shkol'nom obrazovanii". In *Positivnyi opyt regulirovaniya etnosotsial'nykh i etnokul'turnykh protsessov v regionakh Rossiiskoi Federatsii Proceedings*. Kazan', Sept., 6–7, 2018. Kazan': Sh. Mardzhani History Institute publ. 512 p. Pp. 204–208. Print. (In Russ.)

12. Shakurova, M.M. 2016. “Tatarsko-russkoe dvuyazychie: problemy obucheniya yazykam”. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* 10(2): 64. Print. (In Russ.)
13. Sharypova, N.Kh. 2004. *Dvuyazychie v Tatarstane*. Thesis of Doctor Diss. on Philology. Kazan’. Print. (In Russ.)
14. Protasova, E.Yu. 2021. “Dinamika rasskazov detei-bilingvov: problemy i praktika”. *Sovremennoe doshkol’noe obrazovanie. Teoriya i praktika* 5 (107): 28—37. Print. (In Russ.)
15. Laitinen, L. 2020. “Narrativnye sposobnosti russko-finskikh detei-bilingvov pri opisani kartinok”. Doctor diss. in Philology. Khel’sinki. Print. (In Russ.)
16. Kyuchukov, Kh.S., Ushakova O.S. 2021. “Pragmatische aspekty tatarsko-russkogo bilingvizma detei doshkol’nogo vozrasta”. *Sovremennoe doshkol’noe obrazovanie. Teoriya i praktika* 5 (107): 48—55. Print. (In Russ.)
17. Leont’ev, A.N. 1981. *Problemy razvitiya psikhiki*. 4-th edition. Moscow: MGU publ. Print. (In Russ.)
18. Markovina, I.Yu., and Sorokin Yu.A. 2008. *Kul’tura i tekst. Vvedenie v lakunologiyu*. Moscow: GEOTAR-Media publ. Print. (In Russ.)
19. Veraksa, A.N., Bukhalenkova D.A., and Kovyazina M.S. 2018. “Language Proficiency in Preschool Children with Different Level of Executive Functions”. *Psychol. Russ. State Art* 11: 115—129. DOI: 10.11621/pir.2018.0408 Print.
20. Pazeto, T.C.B., Seabra A.G., and Dias N.M. 2014. “Executive functions, oral language and writing in preschool children: Development and correlations”. *Paidéia (Ribeirão Preto)* 24: 213—221. Print.
21. Gooch, D., Thompson P., Nash H.M., Snowling M.J., and Hulme C. 2016. “The development of executive function and language skills in the early school years”. *Journal of Child Psychology and Psychiatry* 57(2): 180—187. Print.
22. Serratrice, L. 2012. “The bilingual child”. In *The handbook of bilingualism and multilingualism*. Edited by T.K Bhatia, W.C. Ritchie. Wiley Blackwell. Pp. 87—108. Print.
23. Boerma, T., Leseman P., Timmermeister M., Wijnen F., Blom E. 2016. “Narrative abilities of monolingual and bilingual children with and without language impairment: Implications for clinical practice”. *International journal of language & communication disorders* 51(6): 626—638. Print.

Сведения об авторах:

Ощепкова Екатерина Сергеевна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языкознания РАН. E-mail: oshchepkova_es@iling-ran.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6199-4649>

Картушина Наталья Александровна — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Университета Осло (Осло, Норвегия). E-mail: natalia.kartushina@psykologi.uio.no
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4650-5832>

Шатская Арина Николаевна — младший научный сотрудник МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: arina.shatskaya@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7283-8011>

Bio Note:

Ekaterina Sergeevna Oshepkova is a Doctor of Philology, Senior Researcher of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. E-mail: oshchepkova_es@iling-ran.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6199-4649>

Natalia Alexandrovna Kartushina is a Doctor of Philology, Senior Researcher of the Department of Psychology of University of Oslo. E-mail: natalia.kartushina@psykologi.uio.no
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4650-5832>

Arina Nikolayevna Shatskaya is a Junior Researcher of the Department of Psychology of Moscow State University. E-mail: arina.shatskaya@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7283-8011>

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ LITERARY DIMENSION

DOI 10.22363/2618-897X-2022-19-1-19-27

Research Article

Multilingual Literature of the United States

S.G. Kellman

University of Texas at San Antonio
1 UTSA Circle, San Antonio, TX 78249, USA
✉ steven.kellman@utsa.edu

Abstract. Like the Russian Federation, the United States is a multilingual, multicultural society. A nation of immigrants and indigenous peoples, it has produced a rich body of literature in dozens of languages in addition to English that scholars have only in recent decades begun to pay attention to. Of particular note are texts in Spanish, Yiddish, Chinese, French, Hebrew, German, Arabic, Norwegian, Welsh, Greek, Turkish, Italian, Korean, Polish, Portuguese, Russian, Vietnamese and numerous American Indian languages. In this paper we observe the most significant texts of multilingual American literature. The corpus of literary works shows us, that despite Americans' pervasive and enduring xenolinguaphobia — aversion to other languages — the United States, like other large countries, is a heterogeneous amalgam. Ignoring the variety of works written in languages other than English impoverishes the national culture and handicaps serious readers.

Key words: multilingualism, translingual literature, literary text, American literature

Article history: received: 04.12.2021; accepted: 06.01.2022

Conflict of interests: none

For citation: Kellman, S.G. 2022. "Multilingual Literature of the United States". *Polylinguality and Transcultural Practices*, 19 (1), 19–27. DOI 10.22363/2618-897X-2022-19-1-19-27

© Kellman S.G., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Мультилингвальная литература в Соединенных Штатах Америки

С.Г. Келлман

Техасский университет Сан-Антонио
1 Университетский округ, Сан-Антонио, TX 78249, США
✉ steven.kellman@utsa.edu

Аннотация. Как и Российская Федерация, Соединенные Штаты — многоязычное, многокультурное общество. Страна иммигрантов и коренных народов, она произвела богатый объем литературы на десятках языков в дополнение к английскому, на который ученые начали обращать внимание только в последние десятилетия. Особо следует отметить тексты на испанском, идише, китайском, французском, иврите, немецком, арабском, норвежском, валлийском, греческом, турецком, итальянском, корейском, польском, португальском, русском, вьетнамском и многих языках американских индейцев. В этой статье мы рассматриваем наиболее значимые тексты многоязычной американской литературы. Корпус литературных произведений показывает нам, что, несмотря на повсеместную и стойкую ксенолингвофобию американцев — отвращение к другим языкам — Соединенные Штаты, как и другие крупные страны, представляют собой неоднородную смесь. Игнорирование разнообразия произведений, написанных не на английском, а на других языках, обедняет национальную культуру и ставит в затруднительное положение исследователей.

Ключевые слова: многоязычие, трансязыковая литература, художественный текст, американская литература

История статьи: дата поступления в редакцию: 04.12.2021; дата принятия к печати: 04.01.2022

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: Келлман С. Мультилингвальная литература в Соединенных Штатах Америки // Полилингвальность и транскультурные практики. 2022. Т. 19. № 1. С. 19—27. DOI 10.22363/2618-897X-2022-19-1-19-27

Introduction

Like the Russian Federation, the United States is a multilingual society. And just as discussions of the literature of Russia often ignore texts in Chechen, Kazakh, and Tatar, American literature is usually studied as an exclusively Anglophone phenomenon. However, according to the United States Census Bureau, 65.9 million people (21.6 percent of the population) speak a language other than English at home (data.census.gov/cedsci/table?tid=ACSDP5Y2019.DP02&hidePreview=true). The United States is a nation of immigrants and indigenous peoples, and it has produced a rich body of literature in dozens of languages in addition to English. That fact has begun to be recognized by individual scholars, journals, and universities. The Longfellow Institute at Harvard University ([20](http://www.</p></div><div data-bbox=)

fas.harvard.edu/~lowinus/) has been a leader in the study of what it calls LOWINUS (Literature of What Is Now the United States in Languages Other Than English).

Just as authentic American history does not begin with the English settlements in Virginia and Massachusetts, American literature begins much earlier, with oral compositions in indigenous tongues. Travel narratives by Spanish explorers and French explorers predate texts in English in America. The subsequent four centuries have produced remarkable texts — by travelers, exiles, immigrants, and natives — in dozens of languages other than English. They refute Theodore Roosevelt’s contention, in 1907, that: “We have room for but one language in this country, and that is the English language, for we intend to see that the crucible turns our people out as Americans, of American nationality, and not as dwellers in a polyglot boarding house” [1. P. 554].

The motto on the Great Seal of the polyglot United States, *E pluribus unum*, is in Latin, as are the official mottos of more than twenty states. The motto of California is Greek, of Hawaii is Hawaiian, of Maryland is Italian, of Minnesota is French, of Montana is Spanish, and of Washington is Chinook. Such place names as Alaska, Anaheim, Baton Rouge, Brooklyn, Honolulu, Los Angeles, and Mississippi constitute fossilized evidence of the presence of languages other than English. Despite sporadic movements to promote “English only”, the government of the United States has never sanctioned a single official language. Details of the Declaration of Independence were first made public in *Der Pennsylvanische Staatsbote*, a German-language newspaper, on July 5, 1776, a day before the English-language press reported the story. At the time, about half the population of Pennsylvania spoke German. After the Revolution, hostility in the former colonies toward English, a vestige of their subservience to London, led some patriots to propose a new tongue for the new nation; French, German, Greek, and Hebrew were briefly considered [2. P. 37]. In subsequent years, hundreds of newspapers with sizable circulations would be published not only in German but also Arabic, Bengali, Chinese, French, Italian, Japanese, Norwegian, Portuguese, Russian, Spanish, Swedish, Vietnamese, and other languages.

Several notable authors have made important literary contributions in their native languages while temporary residents of the United States. They include Bertolt Brecht, Federico García Lorca, Thomas Mann, José Martí, Antoine de Saint-Exupéry, Aleksandr Solzhenitsyn, Alexis de Tocqueville, and Franz Werfel. However, claiming them for American literature would be as preposterous as designating Heinrich Heine, Ernest Hemingway, James Joyce, and Marina Tsvetaeva as French authors merely because they wrote some books while in Paris.

Discussion

More validly considered as literature of the United States are the writings produced by its Hispanic or Latino residents. At 18.5 percent of the population (60.6 million persons), Hispanics or Latinos — people whose background is in a Spanish-speaking culture — are a large and vocal minority in the United States (www.infoplease.com/history/hispanic-heritage/hispanic-americans-by-the-numbers).

The Longfellow Institute (<http://www.fas.harvard.edu/~lowinus/>(accessed)). Many are immigrants or the descendants of immigrants from varied origins in Mexico, the

Caribbean, Central America, South America, and Spain. Others who live in a wide swath of territory from Florida to California that once belonged to Spain or Mexico did not emigrate but instead were absorbed by the United States. So it is no surprise to find Spanish texts written within what is now the United States. Because of the magnetic power of mainstream American culture, it is also no surprise to find Hispanic writers abandoning Spanish entirely or else mixing it with English.

The journals kept by Juan Ponce de León during his exploration of Florida in the early 16th century mark Spanish as the first European language to be written within what is now the United States. Other explorers, conquistadors, missionaries, and settlers in Florida, Texas, New Mexico, Arizona, and California before those territories were absorbed into the United States wrote in Spanish. Composed between 1606-1607, Alonso Gregorio de Escobedo's epic *La Florida* is probably the first poem composed in and about a part of what is now the United States. *Corridos*, popular, topical ballads, continue to be composed in Spanish and performed along the Mexico border.

However, Latinos in the United States have increasingly turned to English as their medium of expression. Yet one of the foundational texts of modern Chicano fiction, ...*y no se lo tragó la tierra* (1971; *And The Earth Did Not Devour Him*), Tomás Rivera's autobiographical stories about childhood as a migrant farm worker, was written in Spanish. Though she has been living in California since 1989, prolific, popular Chilean-born Isabel Allende has written all of her books in Spanish. Ariel Dorfman, another Chilean based in the United States, in North Carolina, publishes in both Spanish and English. He is best known for *La muerte y la doncella* (1990), a play about the aftermath of a brutal government regime, which he translated himself as *Death and the Maiden* (1991). Dorfman wrote his memoir in English as *Heading South, Looking North: A Bilingual Journey* (1998), but then a few months later reconceived it in Spanish as *Rumbo al Sur, deseando el Norte* (1998).

In his Klail City Death Trip Series, a cycle of fifteen novels depicting life in a fictional county in the Rio Grande Valley throughout the twentieth century, Rolando Hinojosa employs both Spanish and English — the Spanish his characters would have spoken early in the century ceding to the English that comes to dominate in later years. Many contemporary Hispanic writers employ code-switching — mixing both Spanish and English in a single work, even a single line of poetry, as in the work of Lorna Dee Cervantes, Victor Hernandez Cruz, Pedro Pietri, and Tino Villanueva, among others. In *Borderlands/La Frontera: The New Mestiza* (1987), Gloria Anzaldúa refuses to be confined to a single language and celebrates the eight different registers of English and Spanish that constitute Chicano identity: standard English; working-class and slang English; standard Spanish; standard Mexican Spanish; northern Mexican Spanish dialect; Chicano Spanish; Tex-Mex; and *pachuco/caló*.

Between 1881 and 1924, Yiddish was emerging as a supple medium for outstanding poetry, fiction, and drama. That same period coincided with the massive migration to the United States of about 2,500,000 Yiddish-speaking Jews, mostly from Russia, Poland, Romania, and Austria [3. P. 70]. The center of gravity for Yiddish moved from Europe to America, a process facilitated by the extermination of most of Europe's Yiddish speakers. And when, a year before his death in 1915, Sholem Aleichem, the most beloved of Yiddish authors, whose stories about Tevye the Dairyman later inspired the musical

Fiddler on the Roof, moved across the Atlantic to the Lower East Side of Manhattan, it signaled the displacement of Warsaw by New York as the center of Yiddish literature.

The most popular form of Yiddish literature was drama, and after Russia banned Yiddish theater in 1883, the leading Yiddish actors, playwrights, and impresarios began to make their way to the United States. Second Avenue in New York became the Yiddish theater district, catering to working-class immigrants with relatively inexpensive tickets to a wide variety of unsophisticated entertainments as well as attempts at more elevated art. “By 1918 the city boasted 20 Yiddish theaters, which, in a single year — before the inroads of movies — attracted two million patrons to over a thousand performances” [4]. Moreover, between 1890 and 1940, audiences were attending productions by more than 200 Yiddish troupes based in other cities or performing on tour throughout the United States [5. P. 529].

Yiddish poets register a keen awareness of the marginality and vulnerability of the language that they, multilingual, chose as their medium of expression. If it is necessary to impose categories to make sense of one of the richest bodies of American literature in a language other than English, it might do to begin with the “sweatshop” poets, writers such as Morris Rosenfeld, Dovid Edelshtat, and Morris Winchevsky who respond to the harsh conditions of blue-collar jobs in New York. The movement known as “Di Yunge”, whose members included younger poets such as Moyshe-Leyb Halpern, Zishoy Landoy, H. Leivik, and Mani Leyb, pursued an aesthetic of art for art’s sake. “*In Zikh*” (“The Introspectivists”) were a self-conscious avant-garde who flaunted their rejection of conventional forms and their freedom to explore non-Jewish themes; leading Introspectivists included Yankev Glatshteyn, A. Léyeles, and J.L. Teller. “Di Linke” were poets such as Menke Katz, Malke Lee, and Moyshe Nadir who aligned themselves with the Communist left and regarded their poems as instruments of revolution.

Though born in Poland, Isaac Bashevis Singer spent most of his life in the United States. And he used Yiddish to write all of the novels and stories that earned him the Nobel Prize in Literature in 1978. Some insist that his older brother, I.J. Singer, who had proven his mastery of the family saga with *Di mishplke Ashkenazi* (1936; *The Family Ashkenazi*) and *Di mishpokhe Karnovsky* (1943; *The Family Carnovsky*) was the greater artist. However, I.J. died in New York in 1944 at age 50, perhaps before fulfilling his literary potential... Another contender might have Chaim Grade, author of novels that depict the lives of pious Jews in Eastern Europe. A prolific specialist in historical fiction, Sholem Asch created controversy when, in a trilogy of novels drawn from the New Testament, he painted a sympathetic portrait of early Christianity.

Signed into law in 1882 and not repealed until 1943, the Chinese Exclusion Act not only shut off immigration from China but, in its expanded provisions, prohibited exit and reentry of Chinese already in the United States and even immigration of Chinese from any other country. It effectively impeded the production of Chinese literature in the United States for more than half a century. However, some Chinese did manage to make their way to American soil, and some of the most powerful examples of Chinese literature in the United States are the poems carved into the wooden walls of the Angel Island Immigration Station. A government facility near San Francisco, Angel Island is where from 1910–1940 approximately 1 million immigrants from Asia were processed and, under the terms of the Chinese Exclusion Act, Chinese arrivals were held for as long

as three years while their identities were verified. Of the more than 135 mostly anonymous and undated poems that have been preserved, most evidence a sophisticated familiarity with Chinese literary traditions. Some are eloquent expressions of sorrow and longing, and some advise future immigrants to work hard, cherish their opportunities in America, and remember those left behind. “Imprisoned in this wooden building, I am always sad and bored”, reads one. “I remember since I left my native village, it has been several full moons. / The family at home is leaning on the door, / urgently looking for letters. / Whom can I count on to tell them I am well?” [6. P. 40].

Following the lifting of regional immigration quotas in 1965, the presence in the United States of Overseas Chinese increased dramatically, numbering almost four million by the 21st century. Like offspring of other immigrants, ABC (American-born Chinese) assimilated into English, but a continuing influx of newcomers made Chinese, with more than two million speakers, the third most widely spoken language (after English and Spanish) in the United States. A substantial literary corpus has been produced in Chinese. Some of it found popular success with both Overseas Chinese and readers in China and Taiwan. Immigrants come from a wide variety of regions and speak dialects — Cantonese, Mandarin, Min, Wu, etc. — that are mutually unintelligible, but, because the dialects employ the same characters, writing has helped create a coherent community of Chinese in the United States.

Overseas Chinese who write in English often feel wary of creating or confirming negative stereotypes of their people that outsiders might be inclined to embrace. However, those who write in Chinese and thus beyond the radar of *gweilos* (“foreign devils”) feel free to represent more sordid experiences of Chinese in America than are found in the works of Anglophone Chinese writers. Many Chinese-language novels have lacked any inhibition about exposing the poverty and crime of American Chinatowns. Many portray the ordeals of characters who dare violate the taboos of interracial romance and challenge conventional views of Chinese as the “model minority”. Cao Youfang examines the plight of workers in Chinese restaurants, while Yi Li takes on the exploitation of women in Chinatown sweatshops.

A French presence in what is now the United States began in 1524 with Giovanni da Verrazzano, who, though Florentine, sailed under a French flag while exploring the Atlantic Coast. French literature in what is now the United States could be said to have begun with the letters that Verrazzano sent to his royal patron, *François I*. One of the most frequently anthologized voices from the post-Revolutionary period of American history is J. Hector St. John de Crèvecoeur, a native of Normandy who settled on a large farm in Orange County, New York and celebrated the virtues of a pastoral life in North America in an influential volume of essays that he called *Letters of an American Farmer* (1782) and that he revised and expanded in a French edition titled *Lettres d'un cultivateur américain* (1784).

Even after the 1804 Louisiana Purchase, when Napoleon Bonaparte sold what would become all or part of fifteen states of the United States to the Francophile Thomas Jefferson, French remained widely spoken. It was the principal language of Victor Séjour, a native of New Orleans whose short story called “Le Mulâtre” (1832; “The Mulatto”), is thought to be the first published work of African American fiction.

The most notable example of literary Francophonie in the United States in the twentieth century was Julien Green, who was born in Paris to parents from the American South. Green wrote most, but not all, of his books in French, but most, like *Mont-Cinère* (1926; *Avarice House* 1991), *Moïra* (1950; *Moïra* 1980), and the “Dixie” trilogy of *Les Pays lointain* (1987; *The Distant Lands* 1993), *Les Etoiles du sud* (1989; *The Stars of the South* 1996), and *Dixie* (1994) are set in Georgia or Virginia.

The son of French Canadian immigrants to Massachusetts, Jack Kerouac, who spoke only French until age six, became famous in English as one of the leading figures of the Beat movement. However, Kerouac was also wrote two novellas in jòual, Quebecois French. He wrote *La Nuit est ma femme* in 1951 and *Sur le chemin* in 1952, but, not discovered until 2006, they would not be published until 2016.

The resuscitation of Hebrew, an ancient tongue that had ceased to be a daily spoken language, coincided with the mass migration of almost three million Jews from Eastern and Central Europe to the United States. Most were eager to learn English. However, a few quixotic newcomers attempted to fashion Hebrew into a modern literary instrument, despite the fact that it was alien to the urban America they now called home. Inspired by American literature enough to translate Walt Whitman and Robert Frost into Hebrew, the American Hebraists were estranged from what they saw as the crassness of American society but also cut off from the vibrant Hebrew culture that was flourishing in Palestine.

From modest apartments in New York City, Hebrew authors idealized rural America and took a special interest in the extinction of the American Indian, in whom they saw a parallel to their own marginal situation as Jewish immigrants. The stubborn dedication to Hebrew by immigrant poets such as Hillel Bavli, Shimon Ginzburg, and Abraham Regelson is contemporaneous and somewhat analogous to *Juneco kaj Amo* (1929; *Youth and Love*), a novel set in Venice that Edward Saxton Payson wrote in the artificial language Esperanto while living in Lexington, Massachusetts. Their linguistic utopianism anticipated the 691-page volume *Capti: Fabula Menippeo-Hoffmaniana Americana* (2011), which its author, Stephen Berard, wrote in the state of Washington and proclaimed “the first novel written in Latin in more than 250 years” [7].

Numbering more than 46 million, German Americans are the largest ethnic minority in the United States (“Latino” is a somewhat artificial amalgam of Mexican, Puerto Rican, Cuban, Dominican, and other groups). The Germans are also one of the most fully assimilated groups; fewer than 5 percent speak German (“The Silent Minority”) [8]. Yet the German language was so widely spoken during the early days of the American Republic that in 1794 it took a close 42-41 vote in Congress to defeat a bill mandating the federal government to print laws in German in addition to English. The failed revolutions of 1848 dramatically encouraged German departures to the United States (during the peak decade of immigration, the 1880s, 1.5 million Germans arrived), and German newspapers and publishing houses proliferated throughout the country. With some exceptions, most writing in German was journalistic or scholarly.

World War I incited antipathy to all things German. Not only was “sauerkraut” renamed “liberty cabbage”, but the teaching of German was discouraged, even prohibited in some states. Although such writers of German descent as Theodore Dreiser, H.L. Mencken, Henry Miller, Sylvia Plath, John Steinbeck, and Kurt Vonnegut, Jr. made their marks in American literature, they did so in English, not German. One exception is Margot

Scharpenberg, a poet and fiction writer who was born in Cologne in 1924 but settled in New York in 1962 and published almost two dozen volumes of poetry in German, in addition to short fiction.

Conclusion

A thorough discussion of multilingual literature in what is now the United States would require many volumes of detailed analysis. More than 250 first languages of the continent, those of the indigenous peoples, fall outside the scope of a discussion of written literature. American Indians such as Sherman Alexie, Louise Erdrich, Joy Harjo, N. Scott Momaday, Leslie Marmon Silko, and Gerald Vizenor have made important contributions to English-language writing, but tribal cultures expressed themselves most effectively orally and in their own languages — stories, chants, speeches that were not written down because those languages lacked alphabets until relatively recently.

Literature in Arabic in the United States goes at least as far back as 1831, when Omar Ibn Said, who was abducted out of West Africa into slavery, wrote an account of his life in that language. Another Arabic-speaking transplant, from Lebanon, Khalil Gibran is best known for *The Prophet* (1923), one of the most widely read books of poetry in any language. Gibran wrote it in English, but his popular Arabic writings include *Al-Ajniha al-Mutakassira* (1912; *The Broken Wings*).

One of the most admired accounts of pioneer experience in the Upper Midwest is *Giants in the Earth* (1927). Novelist Ole Edvart Rølvaag, a Norwegian transplant to Minnesota, first published it in two volumes, in Norwegian, as *I de dage* (1924; *In Those Days*) and *Riket grundlægges* (1925; *The Kingdom Is Founded*), before assisting in its English translation.

Among books in less commonly spoken languages, *Dafydd Morgan* (1897), a novel written by R.R. Williams in Michigan in Welsh, is of particular interest. And Stratis Haviaras should be mentioned for *νεκροθάβεια* (1972; *Apparent Death*), a poetry collection written in Greek, as should Seyfettin Başçillar, who published several volumes of poetry in Turkish after trading Anatolia for New Jersey. Italian, Korean, Polish, Portuguese, Russian, and Vietnamese, among many others, have also been employed by writers in the United States. But the examples cited must stand as synecdochal reminders that English is only the starting point for an appreciation of the full range of multilingual literature in what is now the United States.

References

1. Roosevelt, Th. 1926. *The Memorial Edition, 1923—1926* (Vol. XXIV). New York: Charles Scribner & Sons. Print.
2. Baron, D. 1992. “Federal English”. In James Crawford, *Language Loyalties: A Source Book on the Official English Controversy*. Chicago: University of Chicago Press. Pp. 36—40. Print.
3. Goldstein, E.L. 2008. “The Great Wave: Eastern European Jewish Immigration to the United States, 1880—1924”. In Marc Lee Raphael, ed. *The Columbia History of Jews and Judaism in America*. New York: Columbia University Press. Pp. 70—92. Print.
4. Sorin, G. 2015. “Yiddish Theater in New York”. My Jewish Learning. Web. URL: <http://www.myjewishlearning.com/article/yiddish-theatre-in-new-york/#>

5. Fisher, J. and F.H. Londré. 2008. *The A to Z of American Theater Modernism*. Plymouth, England: Scarecrow Press. Print.
6. *A Companion to American Literature*. 2020. Edited by T. Gaul. Wiley Blackwell. Print.
7. Wilkes, J. “Modern Murder Mystery Reads like a True Classic”. *Toronto Star*, October 22, 2011. Web. URL: http://www.thestar.com/entertainment/2011/10/22/modern_murder_mystery_reads_like_a_true_classic.html
8. “The Silent Minority”. *The Economist*, February 7, 2015. Web. URL: <http://www.economist.com/news/united-states/21642222-americas-largest-ethnic-group-has-assimilated-so-well-people-barely-notice-it>

Bio Note:

Steven Kellman is a Professor at the Department of English, University of Texas at San Antonio.

E-mail: steven.kellman@utsa.edu

ORCID: 0000-0002-4707-1258

Сведения об авторе:

Стивен Келлман — профессор Департамента английского языка Техасского университета Сан-Антонио. E-mail: steven.kellman@utsa.edu

ORCID: 0000-0002-4707-1258

DOI 10.22363/2618-897X-2022-19-1-28-35

Research Article

Translingual Poets in Colonial and Postcolonial Taiwan

E. Wong

Trinity University,
1 Trinity Place, San Antonio, Texas 78212, USA
✉ ewong@trinity.edu

Abstract. In the mid-1940s, Taiwan underwent a change of ruling power from colonial Japan to the Kuomintang Party from China. Both governments implemented monolingualization on the Taiwanese population. In this article, we examine the situation translingual position in a historical aspect, dwelling in detail on the work of the outstanding Taiwanese poet Chen Qianwu. We come to several conclusions that may be useful to researchers in the field of translingual literature. 1. Taiwan’s translingual poets, born in the 1920s, found themselves in a situation of permanent code switching: using the local dialects of Hokkien and Hakka in everyday practice, they were trained in Japanese and used Japanese in a wider society. 2. Although the switch between one monolingual paradigm and another violated the creative result of translational authors, this did not exclude the experience of multilingual realities and interlingual influences that they experienced from the fragmentation of local identities, especially during the development and formation of Taiwanese linguistic consciousness. 3. The literary intermediaries between the paradigms were: the classical Chinese writing, brought with the first immigrants from China; vernacular Chinese writing, influenced by the New Literary Movement in the 1920s; Taiwanese writing based on the most common dialects, Hokkien and Hakka (the idea of speaking and writing in unison); Japanese writing, which was originally studied in school along with Chinese, but supplanted it. The switch from Japanese, the colonial official language, to Mandarin Chinese, the postcolonial official language, led to a so-called “translingual generation” of literary writers. While the switch from one monolingual paradigm to another disrupted the creative output of the “translingual generation”, it did not prevent these writers from developing a Taiwanese consciousness. As illustrated by the poet Chen Qianwu, language crossing experiences strengthened the translingual generation’s assertion of their local identities.

Key words: translingual literature, code switching, Taiwanese literature, Chen Qianwu

Article history: received: 04.12.2021; accepted: 06.01.2022

Conflict of interests: none

For citation: Wong, E. 2022. “Translingual Poets in Colonial and Postcolonial Taiwan”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 19 (1), 28–35. DOI 10.22363/2618-897X-2022-19-1-28-35

© Wong E., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Транслингвальные поэты в колониальном и постколониальном Тайване

Э. Вонг

Университет Тринити,
1 Тринити Плейс, Сан-Антонио, Техас 78212, США
✉ ewong@trinity.edu

Аннотация. В середине 1940-х годов власть на Тайване перешла к партии Гоминьдан из Китая. В связи с деколонизацией Тайваня политика, в частности языковая, изменилась. Переход с японского, официального колониального языка, на мандаринский китайский, постколониальный официальный язык, привел к появлению так называемого транслингвального поколения литературных писателей. В данной статье мы рассматриваем ситуацию литературного транслингвизма («между монолингвальными парадигмами») в историческом аспекте, подробно останавливаясь на творчестве выдающегося тайваньского поэта Чэня Цяньву. Мы приходим к нескольким выводам, которые могут быть полезны исследователям, занимающимся транслингвальной литературой. 1. Транслингвальные поэты Тайваня, рожденные в 1920-х годах, оказались в ситуации перманентного кодового переключения: используя в повседневной практике местные диалекты хоккиен и хакка, они проходили обучение на японском языке и в широком социуме использовали японский. 2. Хотя переключение с одной монолингвальной парадигмы на другую нарушило творческий результат транслингвальных авторов не исключило опыта мультилингвальных реалий и межъязыковых влияний, который они переживали, от дробления локальных идентичностей, в особенности в процессе развития и становления тайваньского языкового сознания. 3. Впоследствии литературными посредниками между парадигмами стали классическое китайское письмо, принесенное с первыми иммигрантами из Китая; вернакулярное китайское письмо, которое должно было занять место классического, подверженное влиянию Нового литературного движения в 1920-х; тайваньское письмо, базирующееся на наиболее распространенных диалектах, хоккиен и хакка (идея говорения и письма «в унисон»); японское письмо, изначально изучавшееся в школе вместе с китайским, но вытеснившее его. Как показал в своем творчестве поэт Чэнь Цяньву, опыт пересечения языков усилил отстаивание транслингвальным поколением своей локальной идентичности.

Ключевые слова: транслингвальная литература, переключение кодов, тайваньская литература, Чен Цяньву

История статьи: дата поступления в редакцию: 04.12.2021; дата принятия к печати: 04.01.2022

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: Вонг Э. Транслингвальные поэты в колониальном и постколониальном Тайване // Полилингвальность и транскультурные практики. 2022. Т. 19. № 1. С. 28–35. DOI 10.22363/2618-897X-2022-19-1-28-35

Introduction

The change of ruling power in Taiwan in the mid-1940s from colonial Japan to the Kuomintang (Nationalist) Party from China led to a drastic change of language policy.

Japanese, which increased in dominance during Japan's occupation of Taiwan in 1895—1945, was replaced by Mandarin Chinese as the official language and written Chinese as the print medium under Kuomintang's rule. The switch created a so-called “translingual generation” of literary writers who were born in the 1920s, grew up speaking Hokkien or Hakka dialects at home while learning Japanese at school, and wrote solely in Japanese. After Japanese was banned from public use in 1946, these writers were faced with the decision of either giving up writing or learning to write in a new language. Those who made the switch underwent years of hiatus before they resumed publishing, not only due to the time and effort needed to acquire proficiency in Chinese writing but also because of postcolonial political suppression. Their insistence on writing, despite in one imposed language after another, and their language crossings strengthened their awareness of their subject positions as Taiwanese people, as well as of the importance of writing for and as the locals.

Discussion

In this paper, I use Yasemin Yildiz's [1] conception of the monolingual paradigm to scrutinize the impacts of the linguistic switch on poets from the translingual generation in Taiwan, with a focus on the poet Chen Qianwu (1922—2012). I argue that while the switch from one monolingual paradigm to another disrupted the creative output of the translingual generation of poets, it did not prevent the multilingual realities and cross-linguistic influences experienced by these poets from continuing to shape their local identities, particularly in developing and asserting a Taiwanese consciousness.

Linguistic Landscape in Early to Mid-Twentieth Century Taiwan

During Japan's colonization of Taiwan, the Japanese language was imposed on Taiwan's population consisting of mostly ethnic Chinese, who spoke mainly Hokkien and Hakka dialects, and a smaller number of indigenous peoples who spoke Austronesian languages. In 1937, all forms of Chinese were prohibited from public use in Taiwan. In the previous two decades or so, literary works appeared in a diversity of mediums in Taiwan, namely classical Chinese writing, the traditional writing medium that early immigrants from China brought with them; vernacular Chinese writing, a new form of writing advocated by reformists to replace classical Chinese under the influence of the New Literature Movement in China in the late 1910s; Taiwanese writing, which was based on Taiwan's most widely spoken dialect, Hokkien, and was promoted under the idea of “speech and writing in unison” (*yen wen yi chih*) in the 1930s; and Japanese writing, which was first taught in schools alongside with classical Chinese and later became the sole medium of instruction [2. P. 18].

In the 1930s, the presence of Japanese in Taiwanese literature grew as a medium of expression. Japanese literary influences also increased. It is worth noting that while Chinese and Taiwanese were the languages of anti-colonial resistance, Taiwanese writers working in Japanese also wrote about the hardships and injustices experienced by their fellow colonial subjects [3. P. 67].

In 1937, Japanese colonial authorities tightened Taiwan's language policy, banning Chinese from public use. This brought an end to literary production in diverse mediums.

After Japan was defeated in the Second World War in 1945, the Kuomintang party from China led by Chiang Kai-shek took control of Taiwan. The Kuomintang government designated Mandarin Chinese the new official language. Mandarin Chinese became the only language allowed in public use as Japanese and Chinese dialects were banned in 1946 and 1949, respectively. The monolingualization, or Mandarinization, was not relaxed until the lifting of a 38-year martial law in 1987 [4. P. 529–530].

The Concept of Monolingual Paradigm

In *Beyond the Mother Tongue: The Postmonolingual Condition*, Yasemin Yildiz puts forth the concept of monolingual paradigm, which functions to structure individuals' lives and interactions in a society through prioritizing monolingual perspectives and developments. According to Yildiz, such a monolingual paradigm “has functioned to obscure from view the widespread nature of multilingualism, both in the present and in the past” [1. P. 2]. While Yildiz's discussion focuses on Europe and locates a direct link between monolingualism and one's mother tongue, I find the monolingual paradigm constructive in understanding how Taiwan's translingual generation coped with two monolingualization policies imposed by external ruling powers. In particular, I foreground Yildiz's observation that “processes of monolingualization” take place “without fully eliminating multilingualism”, with the aim to explore the linguistic space in which poets of the translingual generation made sense of their world [1. P. 2–3].

The Switch from Japanese to Chinese by the Translingual Generation of Poets

Following the ban of Japanese by the Kuomintang government, a number of poets in their twenties who had written only in Japanese decided to make the switch. Some examples are Zhan Bing (1921–2004), Chen Hsiu-hsi (1921–1991), Chen Qianwu (1922–2012), Lin Hengtai (1924–), Yeh Shih-tao (1925–2008), Tu Pan Fang-ko (1927–2017), and Jin Lian (1928–2013). Lin Hengtai coined the term “the translingual generation of poets” in retrospect to describe those, himself included, who “faced the loss of a linguistic medium in which they were proficient. Once again they resolved to make another leap — to renew their study of Chinese and make breakthroughs in the expressive capacity of Chinese. This is very difficult, especially for people who are no longer young” [5. P. 384]. During the transitional period, it was common for the translingual poets to resort to various extents of translation, from translating a Japanese first draft to Chinese, to mentally translating Taiwanese or Japanese ideas to Chinese words. Most of the aforementioned poets took nine to twelve years to begin publishing their works in Chinese. The majority of the translingual writers played a key part in forging a Taiwanese identity rooted in historical, cultural, and social conditions. One of them was Chen Qianwu.

Chen Qianwu was the pen name of Chen Wuxiong, who also took the pen name Huan Fu. He was born in a Hokkien family in central Taiwan. His Japanese-language school days gave him not only linguistic competence but also first-hand experience of colonial discrimination and oppression. Chen started writing poems in Japanese in 1939 when he

was eighteen years old and had his first few poems published in a newspaper. Later, Chen was drafted by the colonial government and was sent to the Pacific War in Java in 1945. Fighting alongside with Japanese troops deepened his colonial resistance. After the Retrocession, Chen learned to write in Chinese. He published his first Chinese poem in 1958 and his first Chinese poetry collection in 1963. Chen and a group of writers, most of whom from the translingual generation, founded the Bamboo Hat Poetry Society and Poetry Bimonthly in 1964 to promote a nativist spirit in literary pursuits, symbolized by the bamboo hats worn by Taiwanese peasants [6].

According to Chen, whether he wrote in Japanese or Chinese, his mother tongue, Hoklo, which is another term for Hokkien, was always at the heart of his writings:

My mother was conversant with Chinese history and fiction. She told stories and recited classical poems in Hoklo. I was nurtured by Hoklo until I was seven, but Hoklo was banned when I started grade school. [...] I had two languages. At home, Hoklo was my life, my blood, my day-to-day living, my interior. At school, Japanese was my knowledge, my means of existence, my medium of expressing thought, my exterior. Later, I used Hoklo to think and Japanese to write poetry. [...] Now, whether I use Taiwanese, Mandarin Chinese, or Japanese to speak or write poetry doesn't make much difference to me. This is because thinking in Hoklo is still the basic [literally 'maternal'] substance of my poetry (English translation mine) [7].

From this passage, it is obvious that neither Japanization nor Mandarinization succeeded in creating a linguistic identity in Chen that aligned with the respective monolingual paradigms. Chen's sense of self was rooted in Hoklo, and his demarcation between Hoklo as an internal (spoken) language and Japanese and Chinese as external (written) codes helped him develop a Taiwanese consciousness. As a novice poet writing in Japanese, Chen contemplated on the asymmetrical power relations between the ruling and the ruled in poems such as "Dadu River" [8], which depicts an incident that when Chen was rafting with a few friends, a man in military uniform demanded that they take him across the river; "Oil Painting" [9], in which he questions his fate while being detained at school for mobilizing students against adopting Japanese family names; and "Coolies" [10], which reflects on his job of supervising laborers at a sackcloth manufacturing plant. After switching to Chinese, Chen continued to call for an awakening by the Taiwanese people and construct a Taiwanese identity through a nativist perspective informed by his war experience. One of his early Chinese poems, "Walking in the Rain" [11; 12], depicts the dominated people as spiders locked up in a prison made of spider silk:

A thread of spider silk straight down
Two threads of spider silk straight down
Three threads of spider silk straight down
Thousands of threads of spider silk straight down
Surrounding me in
— a prison of spider silk

Countless spiders cast to the ground
Each turns a somersault, making a show of defiance
Then imprints my face, my clothes, with marks of sadness
I am stained all over with the marks of bitter struggle.

Ah, mother, I am so restless and homesick
I miss your gentle hands brushing away
These threads of troublesome rain that entangle me.

Published in 1961, this poem subtly alludes to the domination not only of the colonial Japanese rule but also of the postcolonial Kuomintang government.

Despite the fact that to Chen, there were clear limits defining his use of his native language and imposed languages, all of these languages were sites where relations of meaning in language crossings contributed to an intersubjectivity that, in Nick Crossley's words, was the fabric of social becoming [13. P. 126]. Without doubt, the monolingual paradigms introduced by Japan and Kuomintang respectively played a key role in exercising symbolic domination in the construction of national identity. However, the monolingual paradigms did not and could not guarantee "control of the representations of reality" — a reality that continued to unfold against a multilingual backdrop [14. P. 348]. While the monolingual paradigms were sources of repression, they also generated intersubjective spaces where Chen as a translingual writer made sense of Taiwan's colonial and postcolonial reality, formed his own perspective against cultural hegemony, and subverted symbolic domination.

Chen's subversion of the symbolic power signified by the monolingual paradigms can be seen in the Taiwanese imprints he left in his Chinese poems and his Japanese translations of his own Chinese works. When Chen began writing in Chinese, he wrote in a kind of what he called "Taiwanese Mandarin" as he mentally translated ideas he formed in Hokkien into Mandarin Chinese sentences [15. P. 125]. The resulting writing tended to be more colloquial, with occasional Hokkien expressions and grammatical constructions. Chen's Taiwanese imprints were more obvious and deliberate when he translated his Chinese poems into Japanese since the 1970s. Instead of using conventional kanji, which is one of the three scripts in Japanese writing and which comprises Chinese characters borrowed into Japanese centuries ago, Chen directly imported some of the Chinese characters from his Chinese poems to his Japanese translations, especially place names in Taiwan [15. P. 124]. This practice was similar to the "hybrid form" adopted by Taiwanese authors writing in Japanese in the colonial period [16. P. 144–146]. In this way, not only did Chen write in a kind of Taiwanese Mandarin, he also practiced a kind of Taiwanese Japanese, claiming the hybridity that has always been there under the monolingual paradigms.

Conclusion

In a broader scope, Chen recognized linguistic hybridity as an essential element of Taiwan's literature. In 1970, he proposed a framework of "twin roots" for the beginning of modern poetry in Taiwan, instead of the single root more widely recognized at that time, i.e. the one from China's modern poetry introduced by poet Ji Xian and his Modernist School in the 1960s. The other root Chen identified was the Japanese-language New Poetry in the colonial period instigated by Yano Houjin and Nishikawa Mitsuru [17. P. 255–256]. However, acknowledging the Japanese-language root doesn't mean Chen gave "the recognition by the dominated of the legitimacy of domination" [18. P. 5].

Rather, it was from this root that a Taiwanese consciousness grew in the dominated, especially in Chen and the translingual generation of poets.

References

1. Yildiz, Ya. 2012. *Beyond the Mother Tongue: The Postmonolingual Condition*. Fordham University Press. Print.
2. Lin, Pei-yin. 2017. *Colonial Taiwan: Negotiating Identities and Modernity through Literature*. Brill. Print.
3. Ji, Biduan. 2014. *Bei zhiminzhe de jingshen yinji: zhimin shiqi Taiwan xinwenxue lun* [The spiritual imprints of the colonized: on colonial Taiwan's new literature]. Taipei: Showwe. Print.
4. Sandel, T.L. 2003. "Linguistic Capital in Taiwan: The KMT's Mandarin Language Policy and Its Perceived Impact on Language Practices of Bilingual Mandarin and Tai-gi Speakers". *Language in Society* 32: 523—551.
5. Lin, Hengtai. 2014. "The Translingual Generation of Poets: Beginning with the Silver Bell Society". Translated by Hayes Moore. *The Columbia Sourcebook of Literary Taiwan*, edited by Sung-sheng Yvonne Chang, Michelle Yeh, and Ming-ju Fan. Columbia University Press. Pp. 383—385.
6. Wu, Ying. 2010. *Xinge: wenxue, rensheng, Chen Qianwu* [Carrier pigeon: literature, life, and Chen Qianwu]. Taichung Cultural Bureau. Print.
7. Chen Qianwu. 1990. "Wo de muyü [My mother tongue]". *Selected Works of Chen Qianwu*. Taichung: Taichung County Cultural Center. Reprinted in Poetry Road, 14 Dec. 2006. Web. URL: [http://faculty.ndhu.edu.tw/~e-poem/poemroad/chen-chianwu/2006/12/14/我的母語\(代序一\)](http://faculty.ndhu.edu.tw/~e-poem/poemroad/chen-chianwu/2006/12/14/我的母語(代序一))
8. Chen Qianwu. "Dadu Xi [Dadu river]". In 6. Pp. 57—59.
9. Chen Qianwu. "Youhua [Oil painting]". In 6. Pp. 63—64.
10. Chen Qianwu. "Kuli [Coolies]". In 6. Pp. 69—70.
11. Chen Qianwu. 2008. "Yu zhong xing [Walking in the rain]". *Ershi shiji Taiwan shixuan* [An anthology of 20th century Taiwan poetry], edited by Malmqvist, N.G.D., Michelle Yeh, and Xiang Yang. Ryefield. P. 145.
12. Chen Qianwu. 2001. "Walking in the Rain". Translated by Jim Weldon and Michel Hockx. *Frontier Taiwan: An Anthology of Modern Chinese Poetry*, edited by Malmqvist, N.G.D., and Michelle Yeh. Columbia University Press. P. 104.
13. Crossley, N. 1996. *Intersubjectivity: The Fabric of Social Becoming*. Sage. Print.
14. Gal, S. "Language and Political Economy". *Annual Review of Anthropology* 18: 345—367.
15. Chen, Tsaiyu. 2011. "Huayu Taiwan wenxue yu Riyu Taiwan wenyue de jiaohun — yi Chen Qianwu de ziyi zuowei li [Hybridity between Chinese-language Taiwan literature and Japanese-language Taiwan literature—as illustrated by Chen Qianwu's self-translated poems]". *Journal of Kao Yuan University* 17: 117—127.
16. Lee, Yu-lin. 2009. "Language Experiments and Subjectivity in Modern Taiwan Literature". *Cultural Discourse in Taiwan*, edited by Chin-Chuan Cheng, I-Chun Wang, and Steven Tötösy de Zepetnek. Kaohsiung: Center for the Humanities and Social Sciences and College of Liberal Arts, National Sun Yat-sen University. Pp. 138—160. Print.
17. Chen, Qianwu (Huang Fu). 2014. "The Twin Roots of Poetry". Translated by John A. Crespi. *The Columbia Sourcebook of Literary Taiwan*, edited by Sung-sheng Yvonne Chang, Michelle Yeh, and Ming-ju Fan. Columbia University Press. Pp. 255—256. Print.
18. Bourdieu, P., and J.-C. Passeron. 1977. *Reproduction in Education, Society and Culture*. Sage. Print.

Bio Note:

Elaine Wong is a Visiting Assistant Professor at Trinity University in San-Antonio, Texas, USA. She received a Ph.D. in English from the University of Texas at San-Antonio. Her scholarly

writings, original poems, and literary translations from the Chinese can be found in L2, TAB, Asymptote, Chicago Review, Chinese Literature Today, Indiana Review, Modern Poetry in Translation, and elsewhere. E-mail: esiwong@gmail.com

ORCID: 0000-0002-8014-295

Сведения об авторе:

Вонг Элейн — приглашенный доцент Тринити Университета в Сан-Антонио, штат Техас, США. E-mail: esiwong@gmail.com

ORCID: 0000-0002-8014-2951

DOI 10.22363/2618-897X-2022-19-1-36-49

Научная статья

Бачи в русской культурной рецепции

Э.Ф. Шафранская¹ , Г.Т. Гарипова²

¹ Московский городской педагогический университет,
Российская Федерация, 129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, к. 1

² Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых,
Российская Федерация, 600000, г. Владимир, ул. Горького, 87
 shafranskayaef@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрен вид культуры, институция, с которой столкнулись русские колонизаторы по приходе в Туркестанский край в XIX веке, — искусство бачей. Несовпадение ментальностей — европейской и азиатской — породило неприятие этой институции у колонизаторов, занявших ключевые административные позиции и наметивших курс на борьбу с бачами. Собственно уничтожение культуры бачей падает на советский период (этот процесс отражен в спектакле «Радение с гранатом» из репертуара театра «Ильхом»). Нарастающий дискурс, связанный с неприятием бачей, авторы статьи прослеживают в русской публицистике (статьи и фрагменты воспоминаний В.В. Верещагина, Н.С. Лыкошина, Д.Н. Логофета и др.), а также останавливаются на точке зрения ряда русских художников и писателей, не совпадающей с официальной (Н.Н. Каразин, В.Г. Ян, Усто Мумин, Э. Аленик). Показано, что искусство бачей было органично для среднеазиатской культуры, оно коррелирует с суфийскими практиками. Приводятся аргументы из суждений исламских богословов, российских исламоведов, поэта-суфия Джалаладдина Руми. Так называемая доказательная практика дореволюционных гонителей бачей за их якобы безнравственность, по мнению авторов, основана на слухах и домыслах, с чем работает обычно фольклорная действительность, мифологизируя то или иное явление. Именно в этом ключе — реабилитации бачей — написана повесть Н.Н. Каразина «Атлар».

Ключевые слова: бачи, инокультурные явления в русской литературе и искусстве, русские колонизаторы, В.В. Верещагин, Н.Н. Каразин, суфизм, спектакль «Радение с гранатом», притчи Д. Руми

История статьи: дата поступления в редакцию: 22.12.2021; дата принятия к печати: 07.01.2022

Конфликт интересов: отсутствует

© Шафранская Э.Ф., Гарипова Г.Т., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования: Шафранская Э.Ф., Гарипова Г.Т. Бачи в русской культурной рецепции // Полилингвильность и транскультурные практики. 2022. Т. 19. № 1. С. 36–49. DOI 10.22363/2618-897X-2022-19-1-36-49

Research Article

Bacha Boy in Russian Cultural Reception

E.F. Shafranskaya¹ , G.T. Garipova²

¹ Moscow City University

bldg. 1, 4, 2nd Agricultural passage, Moscow, 129226, Russian Federation

² Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs

87, st. Gorky, Vladimir, 600000, Russian Federation

 shafranskayaef@mail.ru

Abstract. The article examines the type of culture, the institution that the Russian colonialists faced upon their arrival in the Turkestan region in the XIXth century — the art of bacha boys. The mismatch of mentality — European and Asian — gave rise to rejection of this institution among the newcomers, who took key administrative positions and charted a course to fight Bachism. The actual destruction of the bacha boys falls on the Soviet period (the play “Ecstasy with the Pomegranate” from the repertoire of the Ilkhom Theater reflects this process). The authors of the article trace the growing discourse associated with rejection of bacha boys in Russian publicism (articles and fragments of memoirs by V.V. Vereshchagin, N.S. Lykoshin, D.N. Logofet and others), and also analyze the points of view of a number of Russian artists and writers that does not coincide with the official position (N.N. Karazin, V.G. Yan, Usto Mumin, E. Alennik). In the process of reasoning the authors come to the conclusion that the art of bacha boys was organic for Central Asian culture, it correlates with Sufi practices. The article presents arguments from the judgments of Islamic theologians, Russian Islamic scholars, and the Sufi poet Jalaladdin Rumi. According to the authors, the so-called evidence-based practice of pre-revolutionary persecutors of bacha boys for their alleged immorality is based on rumors and speculation, with which folklore reality usually works, mythologizing this or that phenomenon. N.N. Karazin writes the novel “Atlas” precisely in the algorithm of the rehabilitation of the bacha boys.

Key words: bacha boys, foreign cultural phenomena in Russian literature and art, Russian colonialists, V.V. Vereshchagin, N.N. Karazin, Sufism, the play “Ecstasy with the Pomegranate”, the parables of D. Rumi

Article history: received: 22.12.2021; accepted: 07.01.2022

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

For citation: Shafranskaya, E.F., and G.T. Garipova. 2022. “Bacha Boy in Russian Cultural Reception” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 19 (1), 36–49. DOI 10.22363/2618-897X-2022-19-1-36-49

— Это было до нас и это будет всегда.
— Это будет всегда, если кто-то не положит этому конец...

М. Вайль, Д. Тихомиров.
Пьеса «Радение с гранатом»

Введение

Со времени завоевания Туркестанского края Российской империей в литературных текстах и названиях работ русских художников встречается слово *бачи*. Оно связано с культурным институтом среднеазиатской жизни. Попробуем разобраться в этом явлении и его рецептивном контексте, полном противоречий. Бачи — так называли танцующих мальчиков-подростков, выступавших на народных праздниках и в чайханах.

Эти танцоры впечатлили русских колонизаторов: одни стали их рисовать, другие описывать, третьи взывать к их искоренению. Художник Василий Верещагин написал ряд картин с изображением бачей, например, «Портрет бачи» (1868), «Продажа ребенка-невольника в рабство» (1972). Одна из картин — «Бача и его поклонники» — к сожалению, не дошла до нашего времени, однако осталась ее черно-белая фотография из портфолио художника, подготовленного для выставки. По слухам, Верещагин в сердцах уничтожил эту работу, так как она, будучи представленной туркестанскому генерал-губернатору К.П. фон Кауфману, вызвала неодобрительную реакцию — была названа неприличной.

Где обитали бачи? Это была артистическая труппа, которой руководил *бачабоз*, учитель бачей, часто им был хозяин чайханы. Подростки попадали в труппу по-разному, порой их отдавали за плату бедные семьи. Бачабоз выбирал красивых и гибких мальчиков, обучал их танцам, пению, игре на музыкальных инструментах. На сцене танцоры играли роль трагистов: из-под повязанной на голову косынки или тюбетейки свисали длинные косички (в открытом мусульманском быту женские лица были скрыты чачваном). Так, юный танцор вел себя как «принц», принимая за должное всеобщее восхищение, подарки и знаки внимания. Но с приходом в XIX веке в край русских эти танцы обескуражили колонизаторов: заворожили, испугали, возмутили. Свальный грех — вот самая распространенная реакция. Танцоры и их учителя, обвиненные в разврате, постепенно маргинализируются, становятся изгоями. Так рождался квир-сюжет в контексте столкновения двух разных культур.

Обсуждение

Не последнее слово ниспровергателя, борца против бачей, сказал русский художник Василий Верещагин:

В буквальном переводе «батча»¹ — значит мальчик; но так как эти мальчики исполняют еще какую-то странную и, как я уже сказал, не совсем нормальную роль, то и слово «батча» имеет еще один смысл, неудобный для объяснения [1. С. 53].

¹ Так в первоисточнике (в современном написании — бача).

Верещагин одним из первых подробно описал институт бачей. Начал он со своих впечатлений, когда, будучи приглашенным на тамашу¹, описал, не упустив ни одной детали, выступление бачей. Так, Верещагин пишет, что бачи танцуют почти каждый день в одном из домов города. Повсюду слышен стук бубна, крики, хлопки в ладоши, сопровождавшие пение и пляски бачей. У ворот дома, где назначена тамаша, много народа, во дворе — сцена, т.е. большой круг, образованный сидящими на земле зрителями. Один из организаторов вечера позвал Верещагина посмотреть подготовку бачи к выступлению. В специальной комнате красивого мальчика преобразовали в девочку, украшая мелкозаплетенными косичками, ярко-красным шелковым платком, ему подчеркнули брови и ресницы, а на щеки посадили несколько «смушек»². Бача все время кокетливо смотрел в зеркало, а окружающие его помощники, чуть дыша от благоговения, наблюдали за преобразованием. Приукрашенный, бача вышел к зрителям, которые его дружно, криками приветствовали. Начался танец. Сначала плавно и грациозно бача изгибался под ритм бубна и хлопки в ладоши. Как отмечает Верещагин, улыбка бачи имела вызывающее, даже нескромное выражение. Зрители таяли от удовольствия. «Радость моя, сердце мое, — раздавалось со всех сторон, по словам Верещагина, — возьми жизнь мою, она ничто перед одною твоею улыбкою». Музыка учащалась, быстрее двигался босоногий бача. Музыканты вскакивали и яростно надрывали свои инструменты. После окончания танца следовало угощение танцора, который гордо восседал у стены, надменно взирая на публику. Среди зрителей были молодые и старые — все прислушивались к каждому слову бачи. Если кому-то доводилось подать баче чашку чая, он делал это ползком. И бача принимал все как само собой разумеющееся [1. С. 53—56]. Описанный Верещагиным вечер, вероятно, и стал толчком к созданию картины «Бача и его поклонники».

Еще один русский очевидец, художник и писатель Николай Николаевич Каразин, участник туркестанских походов, за десять лет до Верещагина, своего коллеги, описал свое знакомство с бачами в очерке «Лагерь на Амударье», 1874:

На полном возвышении разостланы большие пестрые и полосатые ковры. Вокруг тесно уселось многочисленное общество: те, кому не удалось попасть в первый ряд, сидят сзади, глядя через плечи передних; остальные стоят позади, не спуская глаз с центра круга. Там стоит ребенок... Но ребенок ли? Большие черные глаза смотрят слишком выразительно: в них видно что-то далеко не детское — нахальство и заискивание, чуть не царская гордость и собачье унижение скользят и сменяются в этом пристальном взгляде. Это глаза тигренка, но в то же время и публичной женщины. Как чудно правильно это овальное лицо! Красиво очерченный рот улыбается, показывая яркие белые зубы. На этом ребенке одна только доходящая до земли красная рубашка, ноги и руки до локтей обнажены. Он стоит совершенно неподвижно, опустив руки вдоль корпуса; из-под вышитой золотом шапочки спускаются почти до колен длинные черные косы, украшенные золотыми погремушками и граненым стеклом... Этот ребенок — батча. Имя ему Суффи... Сначала танец заключался в плавных дви-

¹ Так у Верещагина; встречается и написание «томаша» — вечер увеселений.

² Так у Верещагина, а также в публикации 1883 года [1. С. 54] и в современной [2. С. 141] — везде «смушек»; конечно же, речь идет о «мушках», нанесенных при помощи красителя пятнышками, или наклеек, которые имитируют родинки, — была такая мода.

жениях рук и головы; босые стройные ноги едва ступали по мягким коврам; потом движения стали все быстрее и быстрее, круг уменьшался, и наконец Суффи снова очутился в центре. Музыка затихла. Суффи, не сдвигая с места ног, сделал оборот всем корпусом. Все тело изогнулось дугою; черные косы раскинулись по коврам; все изгибы груди, живота и бедер резко обозначались сквозь тонкую ткань рубашки...

Вся толпа дико заревела... Суффи медленно приподнялся и, слегка покачиваясь, отирая рукавом пот, вышел из круга. Когда он проходил сквозь толпу, на него со всех сторон сыпались самые цветистые комплименты; десятки рук хватались за него, его руки ловили на ходу и целовали их. Целовали даже полу его рубашки [3. С. 422—423].

Как видим, вид культуры, органичный и понятный местному населению, вызывает оторопь у европейца, оперирующего категориями своей культуры.

«Чувственные и натуралистические описания Джанны (рая. — *Авт.*) в Коране, видимо, порождены экстатическими образами, характерными для жителей пустыни. Богословы часто толкуют их как символы духовных и интеллектуальных наслаждений», — пишет исламовед Михаил Пиотровский [4. С. 185].

Следует отметить, что Каразин акцентирует внимание именно на описании танца бачи Суффи, центрирующего внешнее пространство, организующего его в «круг» и становящегося его экзистенциальным знаком. Ономастическая рецепция имени «Суффи» позволяет рассматривать танец героя в системе символических философских смыслов суфизма — медитативные движения тела бачи приводят к расширению его сознания (это подчеркнуто писателем и на уровне антиномии его взгляда, сочетающего звериное и человеческое), которое охватывает весь круг, вовлекает в радение, молитвенно-аффирмативный *сотанец*. Толпа погружается в состояние безграничной любви-обожествления бачи Суффи. Так он выполняет главную миссию совершенного мудрого человека, который способен прозреть себя и погрузить зрителей в преодолевающий земное мистический экстаз, понимаемый суфиями как высшая форма любви — любви к Богу.

Танец «порочной» телесности бачей в женском образе разрушает коранические представления о достижении святости через закрытость тела и мыслится как особая форма сопричастности божественной любви без границ. Экстатическое погружение танцора в измененное сознание дарует безграничную свободу телу, самообожествляющемуся в преодолении привычного бытования, и приводит к обретению Бога в себе и пониманию себя как Бога. Суффи вовлекает в этот процесс весь мир вокруг, и в соответствии с идеями суфийского пантеизма и он, и зрители поглощаются Богом и становятся центром всего мироздания (учение *аль-вуджуд*).

Танец бачи представлен у Каразина как *архетипический знак сакральности*, создающий родственное пространство «своего круга», в котором достигается метафизическая любовь, приводящая людей к единению с божественным. И в этом он обретает мессианскую роль. Бача, исполняющий суфийский танец круга, есть высший знак восточного философского откровения, через движения тела «говорящий» одновременно с человеческим миром и Богом. Он — медиатор, стремящийся донести до людей *Слова Творца Мира* о божественном смысле всеобщего бытия. Но бача мыслится и как некий психопомп, или психагог (*ψυχαγωγός* — «ведущий души»), помогающий смертному при жизни прикоснуться к сакральному божественному бытию. Конгениально идеям суфиев и в аналитической

психологии Юнга именно психопомп осуществляет связь между сознанием человека и бессознательным.

Суфийская идея о том, что движение тела в танце круга это своего рода духовная практика, направленная на достижение духовной любви, через которую осуществляется *слияние* с Богом, мыслимое как высшая форма *познания*, повторится в XX веке в философии экзистенциализма, стремящегося также к экстазу полного слияния человека и Бога до точки неразличения богочеловека и человекобога. Духовное перестает быть тождеством осознанной нравственности, оно становится сутью божественной сознательности личности, преодолевающей гносеологическую разделенность познающего (т.е. человека духовного) и познаваемого (т.е. Всевышнего).

Ф. Ницше (*Also sprach Zarathustra. Ein Buch für Alle und Keinen / Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого; Die Geburt der Tragödie aus dem Geiste der Musik / Рождение трагедии из духа музыки*) определяет движения тела в танце как метафору преодоления ограниченности языка, как образ мышления, возвращающего понятиям их первоначальный смысл, метафоричность, уже стертую в языке (вербальной коммуникации) людской толпы. Бача Суффи через язык своего тела, своего танца возвращает толпе утерянные первоначальные смыслы сакрального бытия. Экстатический восторг перед ним — это восторг обретения божественного смысла. Танец бачи значим не своей сексуальностью, пробуждающей в толпе звериные инстинкты, а откровениями высшего порядка. Ведь он прежде всего ребенок!

Французский философ Ален Бадью, развивая учение Ницше о метафорике языка танца тела, в работе *Petit Manuel d'inesthétique* (Малое руководство по инэстетике) утверждал непорочность танца, устраняющего порочность и греховность тела. Бадью выводит в качестве одного из шести признаков танца как языка внутренней мысли и способа мышления *вездесущность вытесненной сексуальности*, что акцентирует в нем движение (элемент языка-мышления) как соединение и разъединение полов. Именно таким предстает читателю очерка танец бачи: порочная традиция телесного распада-разврата, гендерного травестирования преодолена в языке эротического танца, акцентирующего и вытесняющего сексуальность через экстатическое пробуждение в толпе Любви, обожающей Суффи. Для суфиев любовь абсолютна, она равна познанию, а не привязанностью к близким или к телу иного. Интересно, что одним из образов-метафор танца в концепции Бадью становится ребенок, раскрывающий мысль, что танец — это невинность как метафора тела, предшествующего телу.

Таким образом, Каразин в описании традиции бачизма, непосредственно танца «круга» как сакрального действия Мессии (иногда это дервиш, иногда бача), уловил и передал одну из важнейших культурологем суфийского Востока, его мистического идеализма: любить Бога — значит познать его, а прийти к этому можно только посредством погружения в себя через хореографию тела как способа мышления. Танец бачи — это движение, зарождающееся внутри, стирающее грани между полами, расширяющее сознание через экстаз любви и выводящее через познание себя к познанию, а значит, к любви к Богу. Для Востока в древней традиции в образах бачей, становящихся носителями и культурфилософских смыслов, первичен был смысл подобных мессианских откровений.

С приходом в Туркестан советской власти происходит трагедия — взят курс на уничтожение этого «наследия прошлого», воспроизведенный в спектакле Марка Вайля и Дмитрия Тихомирова «Радение с гранатом» (2006). На сцене эротично танцуют бачи, играя с гранатом. В мировой мифологии гранатовые зерна символизировали брачную, любовную клятву — так в греческой мифологии [5. С. 65], были оберегом от гибели — в иранской мифологии [6. С. 259]. Экстатические танцы прежде приносили радость, но с приходом в Туркестан «ташкентцев» символический гранат раздавлен — он метафорически источает кровь. Чуждая культура становится объектом исправления нравов. Это тот случай, о котором М.Е. Салтыков-Щедрин с сарказмом писал: придет «ташкентец»¹ и цивилизует страну неверных.

Трехчасовой спектакль, рассказывающий о жизни в Средней Азии со времен царской эпохи до современности, во многом был создан под влиянием биографии художника Александра Николаева, родившегося в России в 1897 году и прибывшего в Узбекистан в 1921 году. Средняя Азия с ее многогранной противоречивой культурой поразила его, и он остался, создавая картины жизни этой страны, в том числе и образы-судьбы бачей. В картинах художник акцентировал особую способность бачей «говорить» телом, пробуждая человека, создавая трансовое состояние-желание понимать скрытые смыслы этой красоты. Изображение «танцующего героя» (Ницше) как центра мироздания на картине «Радение с гранатом» заставляет рассматривать эту традицию не просто как бытовое «сексуальное рабство», а как особую философию, культуру.

Сюжет спектакля «Радение с гранатом» многослоен: здесь и история рубежа XIX—XX веков, связанная с российским завоеванием Туркестана, и нестыковки разных ментальностей, и скрытые стороны суфийского общежития, и просто страсти — с раем, где цветут гранатовые деревья, и адом — убийствами бачей. Призывы к уничтожению распространяла имперская администрация — так в спектакле; но так было и в реальности: «Долой бачей», — провозгласил Нил Лыкошин², русский «цивилизатор», активный гонитель бачей.

В Ташкенте нередко случаются убийства из-за бачей, немало таких убийств случилось за время русского в крае владычества, и кровь убитых на нашей совести... Порок рос; бугроманы³ прочно устроились в туземных учебных заведениях, бачи заняли свои места в городских чайханах, привлекая туда своих поклонников... Как бы там ни было, следует непременно совсем извести бачей, добиться того, чтобы они не появлялись, чтобы родители не торговали красивыми мальчиками и не обрекали детей сначала на позорную роль проститута, а потом на ампулу вора и туineaдца... Надо вывести из употребления красивых мальчиков и не повторять в защиту их банальных фраз о том, что бачи — это только объекты эстетики, что и у европейцев есть балерины и т. п. Все это надо бросить и по-прежнему считать порок Содомы и Гоморры гнусным пороком [7. С. 358—359].

¹ «Ташкентец», по Салтыкову-Щедрину, имя собирательное, это тип, устремившийся в новый край для утоления своих appetитов, его черты — алчность, безнравственность, а также желание все подчинить своим представлениям о мироустройстве (см.: М.Е. Салтыков-Щедрин, «Господа ташкентцы»).

² Нил Сергеевич Лыкошин (1860—1922) — военный востоковед.

³ Бугроманы — от бугромания, т.е. мужеложство.

И тем не менее в начале XX века бачи еще выступали на подмостках народных праздников. О таком выступлении (1909 г.) осталась публикация в «Кауфманском сборнике» 1910 года: репортер зафиксировал туземную традицию, но это был русский репортер, который оценил увиденное как извращение:

Посетители Туркестанской сельскохозяйственной промышленной и научной выставки 1909 г., устроенной в ознаменование 25-летия Туркестанского общества сельского хозяйства, вероятно, наблюдали мимоходом и танцы под музыку, и пение мальчиков-туземцев на открытой площадке, где устраивались всевозможные увеселения. Пение мальчиков, вызывавшее несмолкавший смех туземцев, заинтересовало меня своим содержанием, и я условился с Бахти-Гани-Мухаммед-Алиевичем Илькиным записать их и потом перевести на русский язык. В течение нескольких дней 12—15 октября 1909 г. Б.М. Илькин записал наиболее интересные песни. Под звуки бубна их пели мальчики-бачи... *В былые времена* (курсив наш. — *Авт.*) туземцы не ограничивались одним только созерцанием бойких и не всегда пристойных танцев бачей, не довольствовались только пением их, а домогались удовлетворения своего извращенного полового чувства [8. С. 203].

В русской литературе встречаются и относительно беспристрастные и безоценочные упоминания о бачах, например, в очерке Василия Яна.

Вернувшись после осмотра Хивы, мы увидели, что в красивом домике, где остановились, приготовлено обильное восточное угощение. Приближенный хана с радостной улыбкой сообщил, что по приказанию его светлости хана устраивается праздничный вечер, придут музыканты и бачи (танцоры), чтобы «увеселять мою душу»... Шах-Назар сказал мне, что, согласно обычаю, каждому баче и музыканту придется положить в рот «золотой»... [9. С. 526—527].

Попробуем предположить, почему местная власть, в отличие от русской (дореволюционной), не преследовала танцы бачей? Согласно хадисам, пророк Мухаммад относился к развлечениям — песням и пляскам — избирательно. Жена пророка Айша рассказывала, что в дни праздника девушки веселились, пели и били в бубен. Пророк находился рядом, от шума он закрылся с головой покрывалом. Его сподвижник и тесть Абу Бакр стал бранить девушек. Мухаммад же сказал: «Оставь их, Абу Бакр, ведь сегодня праздник» [10. С. 282]. Таким образом, танцы, песни и веселье не относятся в исламе к категории *харам*¹. Запретны не виды веселья, а намерения, которые появляются у их наблюдателя или участника. По словам современного исламского богослова, «каждый человек должен быть сам себе судьей. Если определенный вид или же манера пения возбуждает страсти и ведет к совершению греха, когда животный инстинкт возобладает над духовным, человек должен перекрыть путь тому, что вносит сумятицу в его сердце, религию и мораль» [10. С. 284]. Можно быть правоверным мусульманином и наблюдать представление бачей, не видя в нем ничего порочного.

Поэтому в 1920-е годы танцы бачей еще входили в репертуар народных гуляний. Со временем советская власть взялась за искоренение этой народной культуры, никак не связанной с новой идеологией. Ей нужны были праздники, про-

¹ Харам — все запретное в любых сферах жизнедеятельности и быта.

пагандирующие социалистические ценности, танцы же бачей относились к пережиткам феодализма.

Генерал Н.С. Лыкошин, опираясь на свой многолетний туркестанский опыт, составил аксиологическую картину мусульманского мира и, исходя из нее, сформулировал советы-предписания для русских, приезжающих в Туркестанский край. В одном из них — «Приличия, соблюдаемые при посещении дома, в приветствиях, рукопожатии и целовании» — Лыкошин с упорством продолжает сражаться с искусством бачей как с пороком:

...не следует пристально останавливать свой взор на лицах безбородых, женоподобных юношей — это грешно... Запрещение долго смотреть на безбородых юношей вызвано, очевидно, желанием предостеречь мусульман от ухаживания за красивыми мальчиками, которых на востоке называют «бача» или «джуан»... Есть, особенно между сартами и таджиками, много любителей этой фальсифицированной любви, а так как спрос вызывает и предложение, то среди оседлого туземного населения довольно часто можно наблюдать хороших мальчиков 10–15-летнего возраста, в полном смысле протитулирующих своей красотой и женственностью... Родители хороших мальчика подвергаются большому соблазну.. [11. С. 40—41].

Рукопожатие есть, однако, не самая высшая степень приветственного жеста у мусульман: допускаются еще при приветствии объятия и поцелуи. Встречая знакомого, возвратившегося из путешествия, полагается обнять его, а у пользующегося особым уважением человека — поцеловать руку. Позволительно поцеловать в лицо возвратившегося из путешествия маленького мальчика, но красивым мальчикам ни объятий, ни поцелуев не полагается; это — грех [11. С. 45—46].

Так считали наделенные властными полномочиями русские генералы. (Кстати, до сих пор среди местного мужского населения Средней Азии существует традиция объятий и поцелуев при встрече.)

Эстетическая сторона института бачей напрямую связана с суфизмом: в основе суфийских практик был прежде всего танец, экстатичный, сакральный. Не этот ли танец стал главным в репертуаре бачей?

Как танцоры-бачи, так и дервиши, выразители суфизма, — персонажи одного культурно-типологического ряда социальных маргиналов. И те и другие танцуют.

Танец указывает на обращение духа вокруг цикла реально существующих вещей с целью достичь эффекта постижения тайны и откровения... Вращение передает отношение между духом и Аллахом... Прыжки свидетельствуют о том, что он влеком от стоянки человеческой к стоянке, объединяющей с Богом [12. С. 231] —

такова характеристика танцев дервишей, предложенная английским востоковедом Джоном Тримингэмом, она вполне приложима и к танцам бачей.

Танец невозможно изменить или подделать, так как движения танцующих должны соответствовать состоянию духа... Следует показать, чем отличалась... практика суфиев от принятой формы более поздних собраний для отправлений зикра¹. В это время она уже претерпевает изменения в связи с ростом популярности зикра... Все шло должным образом, пока простой народ не начал подражать им, и тогда доброе перемешалось с гнилым, и нарушилась вся система [12. С. 232].

¹ Зикр — суфийское радение.

Думаем, что сакральный танец суфиев, претерпев обмирщение, вошел в репертуар бачей. Под «гнилостным», вероятнее всего, и имеются в виду танцы юношей, развлекающих публику в чайханах. Гомоэротизм таких танцев очевиден: мужчины танцуют для мужчин. А собственно педерастия, которая непременно увязывается с подобным действием, — это домысел, механизм которого работает на мифологию повседневности. Не всякий гомоэротизм — педерастия. Тому свидетелем поэзия средневековых суфиев. Суфизм включает любовь как таковую ко всему и ко всем, в том числе и гомогенную. Вот как описывает жизнь поэта XIII века Джалаладина Руми комментатор суфийских притч Д. Щедровицкий:

Величайшее озарение светом истины произошло в жизни Руми при появлении странствующего шейха Шамса. Сам Руми считал дату их знакомства днем своего нового — духовного — рождения. С этого дня Руми и Шамс были неразлучны в любви и познании, как бы составляя единого человека. Их земное общение было недолгим. Фанатичные ортодоксы, завистники, враги суфизма составили заговор против Шамса, чтобы ранить душу Руми и погубить его, разлучив с возлюбленным наставником и другом. Шамс был убит «сынами тьмы», для которых свет Богопознания и любви к ближнему непереносим в любую эпоху [13. С. 16—18].

Одна из притч Руми может служить неким «адвокатским» словом как в защиту гомоэротизма (в ответ на обвинение Лыкошина «Долой бачей»), так и своеобразным антимифом:

В радостный час — наедине мы были вдвоем,
Там воедино слились мы вполне — хоть были вдвоем.

Там, среди трепета трав, среди пения птиц,
Мы причастились бессмертной весне — мы были вдвоем!

...

Плакали кровью и пели любовь соловьи,
Души тонули в небесном вине — мы были вдвоем!..

...Я в Хорасане далеко в тот час пребывал,
Ты ж находился в Евфратской стране, — но мы были вдвоем!..

[13. С. 37].

Любовь в суфийской философии — это наивысшее состояние человека, приводящее «к единению между любящим и Возлюбленным» [13. С. 11]; и совсем не важна здесь ни гетерогенность, ни гомогенность влюбленной пары. Историй, связанных с несовпадением идеологических, аксиологических, культурных и прочих матриц, в мировой истории множество, среди них и всевозможные наветы на секты и радения. Искусство бачи — из этого ряда.

В жизни молодых танцоров-бачей российского Туркестанского края роль «сынов тьмы» сыграли пришедшие сюда «ташкентцы». Однако не все так однозначно и прямолинейно. Например, борьбу с дервишами и суфиями вели не только русские, в недрах исламской культуры существовало неоднозначное отношение к ним со стороны власть имущих идеологов. А уже в конце XIX века начался не-

обратимый процесс на уничтожение суфиев, дервишей, бачей. Чуждая и чужая культура стала объектом исправления нравов:

Вот еще одно из зол Средней Азии, — указывает на них Б. (на дервишей. — *Авт.*) — Никто за этими дервишами не следит, никто не знает, что проповедуется и распевается ими на базарах, а между тем они имеют огромное значение в жизни населения [14. С. 549], —

писал Дмитрий Логофет¹, не без участия которого сформировались многие «русские» стереотипы о Средней Азии. Так молва и толки, запущенные в жизнь не без механизма фольклорной действительности, практически уничтожили это действо.

Записанные песни, сопровождавшие танцы бачей, а затем перевод, опубликованный в 1910 году, смеем предположить, некий навет; это не перевод собственно текстов, а перевод одной культурной матрицы в другую. Все песни (двадцать одна) сопровождаются припевом, который переведен (в начале XX века) на русский язык так: «И нежность иная, / И поза другая» [8. С. 204—218]. Оригинальный текст припева (узб.: Наз узгача, / Устам булякча!), предложенный для перевода нынешним, не ангажированным, т.е. объективным переводчиком, трансформировался в такой: «У меня каприз своеобразный, / И выгляжу по-другому!» и «Кокетство иное, / Возвышенное и особое!»

Не вписанная в привычную матрицу культура со временем обрастает домыслами, доходящими до порочных интенций. Для чуждой культуры непросто постичь суфийскую гармонию. Но случались исключения: таким был художник XX века Усто Мумин (А.В. Николаев). Его художественная оптика воспроизведена в повести Энны Аленник «Напоминание» (1985):

...Мы пили чай на террасе и пришел Усто. Он осторожно держал за край подрамника свою свежую работу и повернул ее в нашу сторону... на песчаном холме стоял на редкость нежный, стройный — не мальчик, но и не взрослый узбек, в халате с лиловыми и голубыми полосами, и так красиво смуглой рукой протягивал нам розу. Ну полное впечатление, что нам. Он был босой. Ноги — тоже нежные, как у мадонны.

Алексей Платонович посмотрел и сказал: «Неотразимой красоты юноша. Но... бездельник. Он будет на иждивении обожающих его».

Усто не обиделся, сказал, что это его не интересовало. Его интересовала только гармония облика. «А как вам?» — спросил он у Варвары Васильевны.

Она нехотя ответила: «На мой вкус, он слишком томный... не мужественный»

Я вглядывалась в эту фигуру. Правда, все в ней струилось, в каждой линии была гармония. Но что-то было в ней мне неприятно. Даже неловко было, сама не знаю отчего...

А Саня сказал: «Поздравляю, Усто. Из всего, что у вас видел, это самая тонкая живопись. Как вы назовете?» — «Я уже назвал: “Венец творения”...» [16. С. 133—134].

Мало кто из русских востоковедов, путешественников, мемуаристов конца XIX — начала XX века не упомянул институт бачей, эту яркую этнографическую

¹ Дмитрий Николаевич Логофет (1865—1922) — военный востоковед, автор работ «Страна бесправия», «Бухарское ханство под русским протекторатом», «Очерки Бухары» (см.: [15. С. 142]).

деталь чужой культуры, навешивая на нее ярлык порока. Однако не все разделяли такую оценку, которая не совпадала с местными традициями. Это противоречие подвигло писателя Николая Каразина к написанию повести «Атлар» [17], замысел которой стоит в оппозиции к лыкошинскому «Долой бачей». В основе сюжета повести — судьба мальчика-бачи, с раннего детства до глубокой старости. Захваченный из Персии ребенком, Мат-Нияз стал пастушком в окрестностях Хивы. Красивый мальчик приглянулся бродячим мошенникам, колдунам-гастролерам, был выкраден и продан хозяину школы бачей. Обученный петь и танцевать, декламировать и представлять, играть на музыкальных инструментах, Мат-Нияз стал жемчужиной артистической программы. Приглашенный на одно из выступлений хивинский бек был потрясен юным талантом — он выкупил мальчика у хозяина, привез в Хиву и поселил во дворце, где подросток жил на равных с сыном бека, став его ближайшим другом. Бывший бача превратился в мудрого советника при дворе, дожив там до старости, правда, бесконечно страдая от наветов завистников. В финале повести Мат-Нияз спасает от гибели своих сородичей.

Биография юного танцора, дослужившегося до должности наставника, а потом и советника во дворце Хивы, напоминает судьбу праведника — во всяком случае, именно святой Атлар был его учителем на жизненном пути, полном перипетий (Мат-Нияза можно назвать «очарованным странником по среднеазиатски»). Таким образом, сюжет «Атлара» — это каразинское слово в защиту бачей, это его оппонирование той мифологии, сопряженной с пороком, которая сложилась в повседневности и живет по сей день.

Заключение

Туркестанская институция — бытование бачей и их искусство — вызвала у русских колонизаторов интерес, который завершился осуждением за, как им представлялось, очевидный порок — мужеложство. Однако рассматривать танцы бачей, традиционные для среднеазиатской культуры, с точки зрения нарушения этических установок — это общее место в дискурсе осуждения и нравоучительства, т.е. одно из проявлений ориентализма. Мы попытались показать другую составляющую этих танцев и самого бытования бачей, аргументируя эту инаковость суфийской философией, поэзией и прозой писателей, имевших иной взгляд на бачей.

Список литературы

1. *Верещагин В.В.* Из путешествия по Средней Азии // В.В. Верещагин. Очерки, наброски, воспоминания. СПб., 1883.
2. *Верещагин В.В.* Повести. Очерки. Воспоминания / сост., вступ. ст. и примеч. В.А. Кошелева, А.В. Чернова. М.: Сов. Россия, 1990.
3. *Каразин Н.Н.* Лагерь на Амударье // Н.Н. Каразин. Погоня за наживой: роман, повести, рассказы / сост. А.А. Мачерет. СПб.: Лениздат, 1993.
4. *Пиотровский М.Б.* Джанна // Мифологический словарь / гл. ред. Е.М. Мелетинский. М., 1991.
5. *Гусейнов Г.Ч.* Аскалаф // Мифологический словарь / гл. ред. Е.М. Мелетинский. М., 1991. С. 65.

6. *Брагинский И.С.* Исфандияр // Мифологический словарь / гл. ред. Е.М. Мелетинский. М., 1991. С. 259.
7. *Лыкошин Н.С.* Полжизни в Туркестане: Очерки быта туземного населения. Петроград, 1916.
8. *Комаров П.* Песни бачей // Кауфманский сборник, изданный в память 25 лет, истекших со дня смерти покорителя и устроителя Туркестанского края генерал-адъютанта К.П. фон Кауфмана / пер. Б.-Г.М.-А. Илькина, А.Б. Диваева. М., 1910. С. 203—218.
9. *Ян В.Г.* Голубые дали Азии: Записки всадника // В.Г. Ян. Собр. соч.: в 4 т. М.: Правда, 1989. Т. 4. С. 481—557.
10. *Кардави Ю.* Дозволенное и запретное в исламе / пер. М. Саляхетдинов. М.: Андалус, 2004.
11. *Лыкошин Н.С.* Хороший тон на Востоке. М.: Астрель: АСТ, 2005.
12. *Тримингэм Дж.С.* Суфийские ордены в исламе / пер. с англ. А.А. Ставиской; под ред. и предисл. О.Ф. Акимушкина. М.: София: Гелиос, 2002.
13. *Руми Д.* Дорога превращений: суфийские притчи / сост., пер. с фарси, коммент. Д. Шедровицкого, М. Хаткевича. М., 2009.
14. *Логофет Д.Н.* В горах и на равнинах Бухары. Очерки Средней Азии. СПб., 1913.
15. *Басханов М.К.* Русские военные востоковеды до 1917 г.: биобиблиографический словарь. М.: Восточная литература, 2005.
16. *Аленник Э.* Напоминание. Повести. Л.: Сов. писатель, 1985.
17. *Каразин Н.Н.* Атлар // Н.Н. Каразин. Полн. собр. соч.: в 20 т. СПб.: Изд. П.П. Сойкина, 1905. Т. 15. С. 109—143.

References

1. Vereshhagin, V.V. 1883. "Iz puteshestvija po Srednej Azii". In V.V. Vereshhagin. Ocherki, nabroski, vospominanija. St. Petersburg. Pp. 49—85. Print. (In Russ.)
2. Vereshhagin, V.V. 1990. Povesti. Ocherki. Vospominanija. Composed by V.A. Koshelev and A.V. Chernov. Moscow: Sovetskaya Rossija publ. Print. (In Russ.)
3. Karazin, N.N. 1993. "Lager' na Amudar'e". In N.N. Karazin. Pogonja za nazhivoj: Roman, povesti, rasskazy. Composed by A.A. Macheret. St. Petersburg: Lenizdat publ. Pp. 415—424. Print. (In Russ.)
4. Piotrovskij, M.B. 1991. "Dzhanna". In Mifologicheskij slovar'. Edited by E.M. Meletinskij. Moscow. Pp. 184—185. Print. (In Russ.)
5. Gusejnov, G.Ch. 1991. "Askalaf". In Mifologicheskij slovar'. Edited by E.M. Meletinskij. Moscow. P. 65. Print. (In Russ.)
6. Braginskij, I.S. 1991. "Isfandijar". In Mifologicheskij slovar'. Edited by E.M. Meletinskij. Moscow. P. 259. Print. (In Russ.)
7. Lykoshin, N.S. 1916. Polzhizni v Turkestane: Ocherki byta tuzemnogo naselenija. Petrograd. Print. (In Russ.)
8. Komarov, P. 1910. Pesni bachej. Translated by B.-G.M.-A. Il'kin, A.B. Divaev. In Kaufmanskij sbornik, izdannyj v pamjat' 25 let, istekshih so dnja smerti pokoritelja i ustroitelja Turkestanskogo kraja general-adjutanta K.P. fon Kaufmana. Moscow. Pp. 203—218. Print. (In Russ.)
9. Jan, V.G. 1989. "Golubye dali Azii: Zapiski vsadnika". In V.G. Jan. Collection of Works. In 4 vol. Moscow: Pravda publ. Vol. 4. Pp. 481—557. Print. (In Russ.)
10. Kardavi, Ju. 2004. Dozvolennoe i zapretnoe v Islame. Translated by M. Saljahetdinov. Moscow: Andalus publ. Print. (In Russ.)
11. Lykoshin, N.S. 2005. Horoshij ton na Vostoke. Moscow: Astrel' publ. Print. (In Russ.)
12. Trimingem, Dzh.S. 2002. Sufijskie ordeny v islame. Translated by A.A. Staviskaya, edited by O.F. Akimushkin. Moscow: Sofija publ. Print. (In Russ.)
13. Rumi, D. 2009. Doroga prevrashhenij: Sufijskie pritchi. Composed and translated by D. Shhedrovickiy, M. Hatkevich. Moscow. Print. (In Russ.)

14. Logofet, D.N. 1913. V gorah i na ravninah Buhary (Ocherki Srednej Azii). St. Petersburg: V. Berezovskij. publ. Print. (In Russ.)
15. Bashanov, M.K. 2005. Russkie voennye vostokovedy do 1917 g.: Biobibliograficheski slovar'. Moscow: Vostochnaya literature publ. Print. (In Russ.)
16. Alennik, E. 1985. Napominanie: Povesti. Leningrad: Sovetskij pisatel' publ. Print. (In Russ.)
17. Karazin N.N. Atlas // N.N. Karazin. Poln. sobr. soch.: V 20 t. St. Petersburg: Izd. P.P. Sojkina, 1905. T. 15. S. 109—143.

Сведения об авторах:

Шафранская Элеонора Федоровна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской литературы Московского городского педагогического университета. E-mail: shafranskayaef@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4462-5710; elibrary SPIN 5340-6268

Гарипова Гульчир Талгатовна — доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры русской и зарубежной филологии Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых. E-mail: ggaripova2017@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-7675-2570; elibrary SPIN 1926-8676

Bio Note:

Eleonora Fedorovna Shafranskaya is a Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Russian Literature Department Moscow City University. E-mail: shafranskayaef@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4462-5710

Gulchira Talgatovna Garipova is a Doctor of Philosophy (in philology), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian and Foreign Philology Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs. E-mail: ggaripova2017@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-7675-2570

DOI 10.22363/2618-897X-2022-19-1-50-65

Научная статья

Российско-немецкий шансон как продукт эмиграции

Е.И. Зейферт

Российский государственный гуманитарный университет,
Российская Федерация, Москва, 125993, ул., Миусская площадь, д. 6
Московский государственный лингвистический университет,
Российская Федерация, Москва, 119034, Остоженка, 38, с. 1
✉ elena_seifert@list.ru

Аннотация. Теория шансона как творческого направления недостаточно разработана, хотя шансоноведение в последнее время, несомненно, укрепляет свои позиции. Исследователи воспринимают шансон расширительно (песни направленности городского песенного фольклора) и узко («блатная» лирика). Цель исследования — изучение российско-немецкого шансона, задачи — наблюдения над творчеством Вадима Кузема и Виктора Гагина, многоаспектный анализ лирического цикла Сони Янке «Из песенного блокнота». Правомерность выделения российско-немецкого шансона подтверждается попыткой «национально-географического деления» русскоязычного шансона, предложенной М. Дюковым. Российско-немецкий шансон — явление, сформировавшееся в период третьего этапа массового переселения, т.е. в полной мере учитывающее все генетические наслоения субкультурного этноса. С. Янке в своей стилизации под «блатную» шансонную песню касается различных сторон быта и бытия российских немцев в Германии. Автор статьи применяет структурно-описательный, историко-типологический и сравнительно-исторический методы исследования. Результаты исследования можно перенести на весь российско-немецкий шансон. Лирический герой страдает от маргинальности и стремится «врасти» в новое и пока чужое для него общество. Явное отличие российско-немецкого шансона от русского — в особом коллективном субъекте (типе российского немца), стремящемся породниться с отчуждающим его миром (в отличие от культивирующего мир изгоев героя русского «блатного» шансона). Асоциальность героя российско-немецкого шансона принципиально отличается от асоциальности героя русского шансона. Осмысление российско-немецкого шансона выявляет парадокс: обращение российских немцев к маргинальной «блатной» песне есть не что иное, как попытка освобождения от маргинальности своего этноса. Российско-немецкая стилизация под «блатную» песню не отличается романтикой: этнической картине российских немцев не свойственна типично русская оппозиция «высокого» и «низкого».

Ключевые слова: литература российских немцев, шансон, Вадим Кузема, Виктор Гагин, Соня Янке

© Зейферт Е.И., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

История статьи: дата поступления в редакцию: 01.11.2021; дата принятия к печати: 07.01.2022

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: *Зейферт Е.И.* Российско-немецкий шансон как продукт эмиграции // Полилингвальность и транскультурные практики. 2022. Т. 19. № 1. С. 50–65. DOI 10.22363/2618-897X-2022-19-1-50-65

Research Article

Russian-German Chanson as a Product of Emigration

E.I. Seifert

Russian State University for the Humanities,
Russian Federation, Moscow, 125993, bld. 6, Miusskaya Square
Moscow State Linguistic University,
Russian Federation, Moscow, 119034, bld. 38, Ostozhenka St.,
✉ elena_seifert@list.ru

Abstract. The theory of chanson as a creative direction has not been sufficiently developed, although the study of chanson has undoubtedly been strengthening its positions recently. Researchers perceive chanson broadly (songs of the direction of urban song folklore) and narrowly (“thieves” lyrics). The purpose of the research is to study the Russian-German chanson, the tasks are to observe the works of Vadim Kuzema and Viktor Gagin, a multifaceted analysis of the lyric cycle of Sonya Jahnke “From a Song Notebook”. The legitimacy of the allocation of the Russian-German chanson is confirmed by the attempt of the “national-geographical division” of the Russian-speaking chanson, proposed by M. Dyukov. Russian-German chanson is a phenomenon that formed during the third stage of mass migration, that is, it fully takes into account all the genetic layers of the subcultural ethnos. S. Janke, in her stylization as a “thug” chanson song, concerns various aspects of the life and life of Russian Germans in Germany. The author of the article applies structural-descriptive, historical-typological and comparative-historical research methods. The research results can be applied to the entire Russian-German chanson. The lyrical hero suffers from marginality and seeks to “grow” into a new and still alien society for him. The clear difference between Russian-German chanson and Russian is in a special collective subject (a type of Russian German) striving to become related to the world that alienates him (as opposed to the hero of the Russian “thug” chanson cultivating the world of outcasts). The asocial character of the hero of the Russian-German chanson is fundamentally different from the asocial character of the hero of the Russian chanson. Comprehension of the Russian-German chanson reveals a paradox: the appeal of Russian Germans to a marginal “thug” song is nothing more than an attempt to free themselves from the marginality of their ethnic group. Russian-German stylization under the “thieves” song is not distinguished by romance: the ethnic picture of Russian Germans is not characterized by the typically Russian opposition of “high” and “low”.

Key words: literature of Russian Germans, chanson, Vadim Kuzema, Victor Gagin, Sonya Janke

Article history: received: 01.11.2021; accepted: 07.01.2022

Conflict of interests: none

For citation: Seifert, E.I. “Russian-German Chanson as a Product of Emigration”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 19 (1), 50—65. DOI 10.22363/2618-897X-2022-19-1-50-65

Введение

Обоснование темы многопланово: с одной стороны, шансон нуждается в теоретизировании, кодификации; с другой — совершенно не изучен российско-немецкий шансон, не определено его место в российско-немецкой литературе и искусстве в целом.

Теория шансона как творческого направления недостаточно разработана, хотя шансоноведение в последнее время, несомненно, укрепляет свои позиции. Из ранних работ, касающихся шансона, широкоизвестна работа А. Терца «Отечество. Блатная песня» [1. С. 2—118]. Изучение шансона в 1990-е годы заметно активизировалось: по мере его выхода из культурного «подполья» легализуется и его изучение, носящее, впрочем, в основном обзорный, а не аналитический характер. Авторами крупных работ являются М. Шелег (известный шансонье), Р. Никитин, И. Ефимов, М. Дюков, Д. Петров, А. Иванов, В. Солдатов. М. Дюковым составлен «Путеводитель по русскому шансону», где, в частности, имеется раздел «Жанр и структура» [2. С. 126—130]. Через серию очерков панорама русского шансона представлена в книге Р. Никитина «Легенды русского шансона» [3]. Печатных исследовательских трудов по шансону немного: статьи бытуют в основном в Интернете, в рукописях, в самиздатовских сборниках. В свет выходят песенники (пока не академические) с шансонными песнями и нотами [4—10]. Жанры, ставшие истоками шансона, исследуются в диссертациях [11; 12].

Шансон нуждается в монографическом теоретическом обосновании. Подобным исследованием в девяностые и нулевые годы занимался В. Солдатов. В своей работе я, в частности, опираюсь на статьи В. Солдатовой и данные, полученные в ходе переписки и личной беседы с ним [13. С. 12—17; 14. С. 2—5]¹.

Исследователи воспринимают шансон расширительно (песни направленности городского песенного фольклора) и узко («блатная» лирика). Таким образом, шансон можно подразделить на «блатной» и «не блатной», учитывая при этом промежуточные образования.

Жанр «блатной» песни очень демократичен и вмещает в себя произведения разного уровня, в том числе массового производства [15. С. 79].

Шансон — творческое направление, а не жанр. Внутри него бытуют свои жанры (шансонная эстрадная песня, «блатная» песня) и жанровые разновидности (см., к примеру, классификацию (по выражению В. Солдатовой, индуктивную группировку) шансонных песен, предложенную М. Дюковым: «эмигрантская, ресторанная, тюремная, лирическая, хулиганская (жиганская), студенческий, солдатский фольклор, песни-переделки официоза, матерные частушки» [2. С. 128]).

¹ Также использовались материалы: Беседы с В. Солдатовым от 6 ноября 2005 г. о специфике шансона. Диктофонная запись. Москва // Личный архив Е. Зейферт.

Шансон нередко связывают с жанром отчасти и потому, что устоялось неформальное название для русского шансона, синоним понятия «русский шансон», — «жанр» (Р. Никитин). Само название «шансон» по отношению к русской «блатной» песне является своего рода эвфемизмом, востребованным в подцензурное советское время.

В интервью, данном мне для петербургского журнала «ШансонъР», рассуждая о корнях мирового шансона и русского шансона в частности, В. Солдатов говорит о его народных истоках: «Шансонами во Франции вначале называли хоровые крестьянские песни, в отличие от романсов, имевших письменное, литературно-поэтическое происхождение. Затем крестьяне, переселяющиеся в города, принесли с собой эту народную песенную культуру, а уличные и кафешантантные шансонье (то есть «песняры» в прямом переводе) развили ее. Лучшие песни фольклоризировались и создали то песенное поле, которое составило городской песенный фольклор. Новые шансонье ориентировались на него, придав песням вкус и очарование хорошей поэзии. Они стали эхом народных проблем и чаяний, сохранили национальное своеобразие французской песни, в то время как эстрадное коммерчество пошло по пути англо-американского космополитизма (массовой поп-культуры). Подобный процесс проходил и в России, правда, несколько позже и по-своему. Французская песня трижды оказывала сильное влияние на русскую. В конце XVIII — начале XIX века это было влияние романса. В конце XIX — начале XX века песенки интимного содержания, получившие название шансонеток, перекочевали со своей стилистикой в другие культуры, в том числе русскую. Здесь они постепенно скорреспондировались с русскими народными песнями городских окраин, «жестоким» романсом, особенно в цыганском исполнении, песенками одесских, питерских и иных куплетистов, ресторанной музыкой» [14. С. 2]. Шансоновед определяет жанрово-стилевые признаки шансона («сюжетность песен, их тесная связь с конкретными жизненными ситуациями, позициями и переживаниями людей (если коротко — это песни «за жизнь»); мелодичность на основе многонациональной российской народной мелодики; использование в стихах стилистики городской разговорной речи с ее характерными оборотами и отчасти жаргонизмами; подчиненность музыкального сопровождения содержанию и структуре песенных текстов; неакадемизированные и даже непевческие голоса «людей из народа», поющих не столько для демонстрации вокала или возбуждения двигательной активности слушателей, сколько для передачи душой и сердцем содержания и чувственного наполнения песенных историй»), добавляя, что «музыка к песням русского шансона может быть любой: народной, эстрадной, классической, с джазовой основой или рок-интонациями, инструментальной или хоровой, монодической или полифонической, выдержанной в одном стиле или комбинированной, но всегда сопровождающей, не заглушающей пение и эмоционально контрапунктирующей с тем, о чем в каждый момент поет исполнитель» [14. С. 2].

Предметом обсуждения на сайте шансона Vlatata.com стала дипломная работа Т. Потаниной, выполненная под руководством М. Олейника (г. Курган), автор которой на основе статей В. Солдатова и других исследований развивает жанро-

вые признаки «русского шансона», обозначая среди них ярко выраженную сюжетность (действие сосредоточено на одном эпизоде, предыдущие причины события опускаются, рассказ начинается сразу с действия, с факта, ведется с минимумом объяснений или дополнений), народность сюжета (песни о народе и для народа; под народом понимается большая часть населения, не идентифицированная с политикой и интеллектуальной элитой), драматичность (обязателен кульминационный пункт действия, события передаются в самых напряженных, действенных моментах, все, что не относится к действию, снимается), маргинальность тематики (реализация драматизма сюжета возможна лишь в пограничной ситуации) и др.

В шансоне текст доминирует над музыкой, что дает дополнительные основания для литературоведческого анализа.

В своей работе я говорю о российско-немецком шансоне, заявляя о нем как об особой шансонной разновидности. **Целью статьи** является изучение российско-немецкой шансонной песни как продукта эмиграции в Германию. Правомерность его выделения подтверждается попыткой «национально-географического деления» русскоязычного шансона, предложенной М. Дюковым: североамериканский шансон (Геннадий Норд, Вилли Токарев), европейский шансон (Настя и Владимир Поляковы, Вадим Кузема), русский шансон («певцы, поющие в России»), армянский шансон (Бока, Жанна) и др. Внутри североамериканского и европейского шансона идет подразделение по странам (Канада, США; Франция, Германия, Польша). Мы рассматриваем русскоязычный шансон как особое явление, однако склоняемся к мнению, что у русскоязычного и нерусскоязычного шансона есть общий протожанр.

Как известно, российские немцы пережили три массовых переселения. Ощущение асоциальности, территориальной разобщенности, «геттоизация» российских немцев [16. С. 41], наложившие отпечаток на их национальную идентификацию, не могли не найти отражения в российско-немецкой литературе. В первую очередь охватывая содержательные уровни текстов, питая мотивно-тематическое поле поэзии и прозы, маргинальность российско-немецкого этноса проникла в глубинные, а именно в жанровые слои литературы. С одной стороны, реализовался поиск в различных жанрах признаков, способных передать тяготы, выпавшие на долю народа. К примеру, масштабность, историзм произошедших с российскими немцами трагических событий нашли отражение в жанровом «просторе» романа (Бельгер Г. Дом скитальца), повести (Райзер А. Старое Евангелие от Иоанна) и поэмы (Варкентин И. Du, eine Sowjetdeutsche (Ты, советская немка)), страдания представителей народа-изгнанника — в элегических ситуациях (Пфейфер А. Elegie (Элегия)), излияние ностальгических чувств — в апелляции к конкретному адресату в дружеском послании (Шмидт Э. Aus einem Brief an eine Freundin (Из письма к подруге)), потребность в духовном спутнике — в свойстве песни постоянно сопровождать человека в его бедах и радостях (Бек А. Lied des nicht am Sonntag Geborenen (Песня не в воскресенье родившегося)) и др. С другой стороны, возникли попытки (нередко и бессознательные) трансформировать отдельные жанры с целью более эффективного отражения в них проблем пересе-

ленцев. Одним из таких жанровых явлений и становится, по нашей терминологии, песня российско-немецкого шансона.

Российско-немецкий шансон — явление, сформировавшееся в период третьего этапа массового переселения, т.е. в полной мере учитывающее все генетические наслоения субкультурного этноса.

Российские немцы-переселенцы пишут тексты для песен самого широкого стилевого диапазона: к примеру, И. Бер работает в творческом направлении авторской песни («Когда печальный пароход...»), А. Дёрфлер — в стилях «техно», «поп», «рок-н-ролл» («Диск-жокей», «Я и ты», «Мистер Рок-н-ролл»). В российско-немецкой среде распространены так называемые аусзидлеровские песни, т.е. песни на переселенческую тематику (авторы и исполнители В. Кузема (Чартер на Ганновер), В. Гергенредер (Я потерял друзей, работу, имя...), О. Ай (альбом «Караганда — моя столица»), автор текстов С. Дель (Земляки) и др.). Обследование показало, что аусзидлеровские песни, хотя и представлены различными направлениями, явственно тяготеют к шансону.

Шансон в российско-немецкой культуре утверждается в Германии на самом рубеже XX—XXI веков, в конце массового переселения российских немцев, как своеобразное итоговое выражение сложностей адаптации на исторической родине.

Материалом исследования послужили тексты Вадима Куземы, Виктора Гагина и Сони Янке. Применялись структурно-описательный, историко-типологический и сравнительно-исторический **методы исследования**.

Обсуждение

Известным шансонье — российским немцем является Вадим Кузема, автор текстов, музыки и исполнитель собственных песен, обладатель мелодичного, нетипичного для шансона тембра голоса.

В. Кузема (фамилия Кузема украинская, немкой была мать шансонье, урожденная Юнкер) родился в 1962 году в Казахстане. Вырос на Украине. Окончил Донецкий политехнический институт, работал горным мастером. В начале 1990-х занимался частным бизнесом. В 1997 году эмигрировал на историческую родину. Живет в Берлине. Автор CD-сборников «Чартер на Ганновер»¹ (2000), «Берлинские славянки» (2001), «Переселенцы» (2002), «Пятая колонна» (2003) и др. Такие шансонные тексты В. Куземы, как «Чартер на Ганновер», «Ost-west эмигрант», «Пятая колонна», «Эмиграции след», «Берлинские славянки», «Русские свадьбы в Германии», «Переселенцы», «Русская Германия» являются прямым отражением жизни «аусзидлеров» в Германии и любимы публикой. Песни Вадима Куземы исполняют также Ирина Штайнберг, Наталья Маас, Лора Григ, Олег Тригер, Виктор Леер. Свои шансонные песни В. Кузема определяет как «рассказы в стихах под музыку о жизни немцев».

¹ Чартер на Ганновер — специальный рейс компании «Люфтганза», которым ежедневно на постоянное место жительства в Германию улетало бесплатно 300 российских немцев. Таким рейсом вылетели в Германию родители В. Куземы.

Показательно утверждение В. Куземы, что он начал писать и петь песни именно в эмиграции. На вопрос корреспондента Радио Шансон о начале творческого пути шансонье отвечает: «Толчком, конечно, послужила эмиграция. Здесь при переезде теряешь все одновременно — квалификацию, язык, культуру, общественное положение. И тогда, мне кажется, организм человека мобилизуется в каком-то одном направлении в стремлении восстановиться хотя бы в своих глазах» [17]. Корреспонденту журнала «Вне закона» В. Кузема объясняет начало своего творчества практически так же: «Язык чужой. Нужно все начинать сначала. Начал писать песни. Писал о том, что увидел. Сначала были, в основном, песни об эмиграции, какие-то о себе, но, в основном, песни об общих настроениях переселенцев. Моими слушателями в Германии как раз и стали люди, которые либо недавно приехали и помнят еще жизнь на родине, либо те, кто давно живет здесь, но никак не может привыкнуть к новой жизни. Потом появился альбом “Переселенцы”. Он шуточный, но почти все песни отражают ту или иную сторону жизни Германии» [18. С. 20—21].

Доказательством того, что российско-немецкий шансон возникает как следствие эмиграции, является и тот факт, что российские немцы, пришедшие к шансону в СНГ, в большей степени тяготеют к русскому, а не к российско-немецкому шансону. Примером может послужить творчество российского немца, живущего в Германии с 2000 года, — Виктора Гагина.

В. Гагин родился в 1954 году в поселке близ Воркуты. В студенчестве жил в Ленинграде, с 1994 года — в Череповце. Основатель клуба самодеятельной песни «Баллада» (Воркута). Дважды лауреат Всероссийского фестиваля авторской песни имени Валерия Грушина. Контекст творчества В. Гагина и его поздний отъезд на историческую родину (формирование его шансонного творчества началось задолго до эмиграции) определяют «русскость» его шансона. Песня В. Гагина, помимо поэтики «песни неволи», опирается на творческий опыт А. Галича, А. Городницкого, В. Высоцкого, Б. Окуджавы. Специфика творческой судьбы приводит В. Гагина как к русскому шансону, так и к сохранению элементов бардовской традиции в творчестве с сохранением признаков российско-немецкой ментальности.

Творчество В. Куземы и В. Гагина требует отдельного исследования с учетом музыкальной и исполнительской сторон их творчества. Шансон этих авторов заведомо рождается как синтетическое явление искусства.

Артист шансона нередко принимает сценическое имя (Михаил Круг, Катя Огонёк, Анатолий Полотно и пр.). Это делается с целью привлечения внимания слушателя и (или), в прежнее время, конспирации [15. С. 41]. Отдельные российско-немецкие шансонье принимают характерные сценические имена: так, известно творчество шансонье, выступающего под псевдонимом Русак (русак — название, употребляемое в российско-немецкой и уже немецкой среде в Германии по отношению к переселенцам из России). Характерен псевдоним другого известного шансонье-переселенца — Александр Немец. Однако большинство российско-немецких авторов и исполнителей шансона сохраняют свои фамилии — быть может, с целью подчеркнуть этничность. Заметим, что псевдоним Русак также этнический.

Российско-немецкий шансон специально не изучался. Для исследования жанрового лица российско-немецкого шансона наиболее результативно обращение к «массовым» авторам.

Предметом нашего исследования станет стихотворный цикл Сони Янке «Из песенного блокнота» [19]. Цикл состоит из 16 песен, последняя из которых («Прощай, моя любовь, я уезжаю») по жанрово-стилевым чертам не принадлежит к шансону.

Соня (Зоя) Янке родилась в 1954 году в Кустанайской области. Выросла на Кубани. Окончила Дзезказганский педагогический институт, работала учителем русского языка и литературы, корректором, журналистом в различных газетах Казахстана и России. С 1990 года проживает в Германии. Сама С. Янке не поет, выступает только автором текстов. Ее песни в Германии исполняют Игорь Чуднов (псевдоним Вася Пряников), группа «Максибит» (руководитель Максим Дергунов) и др.

В своих текстах поэтесса не использует помету «шансон». На вопрос о том, считает ли С. Янке себя представителем шансона, при личном контакте с автором статьи поэтесса ответила: «Не знаю, никогда не задумывалась, просто писала тексты — и все»¹. Это указывает на бессознательное тяготение С. Янке к жанровым возможностям шансона: она выражает потребность своей души, а не искусственно привлекает черты шансона, к примеру, калькируя русский шансон на российско-немецкой почве. С. Янке отмечает, что исполнители ее песен (И. Чуднов), а также другие поэты-песенники (И. Бер) указывали на принадлежность ее песенного творчества к шансону. «Мне Вася Пряников прямо заявил: “Да у тебя чистый шансон, у тебя и имя шансонное: “Соня” — сссонн — как часть шансона”. Сама я не знала, что пишу шансон»².

Также, как и В. Кузема, С. Янке отмечает, что обратилась к шансону именно в Германии: «В России тексты песен не писала. Они появились только на новой родине»³. Важно, что поэтесса заведомо пишет не стихотворения, а именно песни, что подчеркивает обязательную синтетическую природу шансона: «Тексты песен появились с легкой руки Константина Фишера, графика-дизайнера (см. обложку диска Васи Пряникова), с которым мы осуществляли в Ульме (Ulm) один рекламный проект. Он предложил мне написать кое-что для исполнителя Васи Пряникова, которому Фишер оформлял очередной CD»⁴.

Лирический герой песен С. Янке — тип российского немца-переселенца. Показательно, что поэтесса относит российских немцев к особому народу: «Когда ж добьется мой народ признанья, / Чтоб полноправным стать в своей земле?» С. Янке называет своих соплеменников «нашими», «русаками», «аусзидлерами», «переселенцами», «российскими немцами», «Spät-переселенцами» («поздними переселенцами»), «племенем изгоев» и «немецкими цыганами».

¹ Письмо С. Янке к Е. Зейферт от 4 июня 2005 г. по поводу истории создания стихотворного цикла «Из песенного блокнота». Мемминген — Караганда // Личный архив Е. Зейферт.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

Поэтесса изображает переселенцев в контрасте с коренными германскими немцами («местные», «фрицы»), подчеркивая их зависимость от последних: Германия устанавливает для переселенцев место проживания («Зовут нас наши родичи на Bayern поселиться. / «Нельзя!» — чиновники спешат нам подписать запрет»), размер социального пособия и пр. В отдельных случаях поэтесса прямо показывает отличие российского и германского менталитетов: «Там надо шпыхать по-немецки / И улыбаться всем подряд. / А мы привыкли по-простецки / Всех костерить...» Из России русланддойче, как явствует из шансона С. Янке, привезли нежелание работать («На фрицев я горбить не собираюсь, / Не стану здесь я им за дурака...») и в то же время способность, имея высокую квалификацию, не гнушаться черной работой («Мы профессии любые / Здесь готовы выполнять. / Научили нас в России / все сносить и не роптать»; «Ты учитель или доктор, / Или, может, инженер, — / Тут работу по призванью / Не получишь...»). Автор показывает противостояние коренных немцев и российских немцев, маргинальное положение последних («им вершки, нам корешки»), даже выражая устами лирического героя полушутливое желание совершить в Германии переворот («Аусзидлеры прям сходу / Взяли власть в свои бы руки. / Заправляли б Бундестагом, / Коля б взяли на поруки. / Научили бы по-русски / Местных немцев говорить...»). Однако на протяжении всего цикла, усиливающееся к финалу, явственно ощущается желание героя «врасти» в Германию, стать «своими», «настоящими» немцами: «Эх, не будем горевать, / Слезы лить напрасные. / Делом можем доказать, / Ждут нас дни прекрасные».

С. Янке касается различных сторон быта и бытия российских немцев в Германии, как то: распределение переселенцев «по параграфам» («нас на параграфы с тобою поделили: / Я получил четвертый, ты — седьмой»), языковые курсы («на шпрахах отсидев свои мгновенья»), социальные субсидии («Я в социале четко отмечаюсь, / На хлеб и соль хватает мне пока») и др.

Исследуемые тексты воссоздают различные конкретные ситуации: непонимание в семье из-за недостатка денег («Иди работать, милая жenuля»), наличие у Ленина сберегательной книжки в швейцарском банке («Ах, деньги, денежки»), телефонный разговор лирического героя с матерью («Телефонный разговор»), поездку «русаков» в Париж («Хочу в Париж»), шутливый проект «Как стать миллионером, откладывая “пфенишки” из социального пособия» («Разбогатеть смогу я без труда»), посещение языковых курсов («Учи язык, земляк-переселенец») и др. Временной масштаб изображения варьируется от относительно краткой поездки в Париж («Неделя, будто сон, / Так быстро пролетела...») до обзора двухсотлетней истории российских немцев («Жили-были наши предки / на германской на земле...» — «Мы ж теперь идем на Запад...»).

Шансон в узком значении имеет тенденцию к «блатному» стилю. «Блатной» — значит «свой», близкий по духу, посвященный... противостоящий гнетущей силе государства» [7. С. 3] (в узких значениях: 1) принадлежащий к уголовному миру; 2) имеющий связи у вышестоящих с целью получения благ или покровительства [7. С. 3]). Но если русская «блатная» песня теряет «все координаты» (А. Синявский), то российско-немецкая, наоборот, стремится их обрести, найти место героя в социуме.

Песни С. Янке принадлежат к «блатному» шансону, что в первую очередь выдает их язык. Соня Янке апеллирует к таким составляющим «блатного» стиля, как использование суффиксов с уменьшительно-ласкательным («кошелечек», «закончик», «суммушка», «капиталистик», «пивчишко») и пренебрежительным («женка», «собачонка», «версенка» и др.) значениями, просторечных форм («далеча», «шас»), намеренно искаженных слов (см. сдвиги ударений: «хабс», «сызнóва», «не сумы́слом», «пóжить»; изменение слов: «на фрицев я *горбить* (здесь и далее курсив наш. — Е.З.) не собираюсь» — здесь окказиональное «горбить» использовано вместо жаргонного «горбатиться»), грубых («едрена мать», «черт тебя дери») и грубоватых, к примеру, жестко императивных («кому сказал, закрой-ка кошелечек») выражений и др. Специфическая шансонная лексика нередко выносится на сильные рифменные позиции.

Характерно, что уменьшительно-ласкательные значения приобретают слова определенных тематических групп, обозначающие предметы, которые лирический герой желал бы иметь в достатке, — к примеру, это деньги («денежки»), еда («сухарик»), напитки («пивчишко»), машины («Мерсик»), а также явления, от которых лирический герой зависит, под которые пытается подстроиться, — закон («закончик»), за границу («за граничку»). Уменьшительно-ласкательный модус в словах с семантикой денег у С. Янке встречается многократно, в разнокорневых словах: «кошелечек», «денежки», «суммушка», «монеточки», «пфенишки» и др.

Уменьшительно-ласкательное значение получают не только существительные, но и относящиеся к ним прилагательные («черственький сухарик»).

Шансон тяготеет к передаче естественной разговорной речи, поэтому песни С. Янке пересыпаны разговорными элементами типа «ну а теперь», «заскучала что-то», «вот», «пряма» и пр. Наблюдается хаотизм передачи мысли, намеренность которого нередко подчеркнута лексически: «Так вот, дружки мои, это о чем я? / Ага. Так, значит, дело в ней, в жене» и др.

Важный элемент «блатного» стиля — жаргонизмы — у С. Янке заслуживает особого внимания. Поэтесса использует специальное арго «русаков», возникшее на стыке двух языков — русского и немецкого. Введение своеобразной российско-немецкой «фени» доказывает подсознательное желание российских немцев быть понятными для «посвященных».

Жаргонные слова, используемые в воровской речи и в «блатном» песенном жанре описаны в [20]. Однако отдельного внимания заслуживает этнический компонент жаргонной лексики.

Российско-немецкие жаргонизмы нередко рождаются на базе немецких слов, но подчиняются грамматическим законам русского языка, поскольку бытуют в основном в русской речи аусидлеров. С. Янке показывает разные уровни жаргонизации немецких слов в речи переселенцев — от варваризмов («Я буду *Herr*'ом называться, / Ты будешь важной *Frau* пряма»; Вася Пряников, исполняя этот текст, произносит «*Herr*'ом» через «е», а не через «э», внося уничижительный оттенок) до слов, в которых немецкий корень полностью подчиняется русской грамматике («шпрехать» — от немецкого *sprechen* — говорить) и даже дает производные («амтовские» (чиновники) — от немецкого *das Amt* — учреждение, ведомство). Преобладает транслитерация немецких корней кириллицей и грамматическая

ассимиляция немецких слов русскими («но цинзов набежало все ж...» [der Zins — процент] и др.), что объясняется односторонним художественным билингвизмом С. Янке (владея и русским и немецким языками, в творчестве поэта используется в основном русский язык), притом что в качестве варваризмов у С. Янке зачастую употребляются широко известные слова (Herr — господин, Frau — госпожа, Vaterland — историческая родина, родина отцов), все же встречается и ряд не распространенных в широком обиходе слов (Altenheim — дом для престарелых, Fremde — чужие). Без знания обоих языков понять отдельные контексты с использованием жаргонизмов невозможно: это еще раз указывает на особого адресата подобных песен, а именно российских немцев в Германии.

Понимание смысла российско-немецких окказионализмов и жаргонизмов для человека, не владеющего, помимо русского, немецким языком, усложняется наслоением неожиданно проявляющихся омонимичных форм русского языка, например: «И если день за днем так стойко *шпарить*, / Разбогатеть сумею поскорей», где окказионализм «шпарить» восходит к немецкому глаголу sparen — экономить, копить, а не к русскому слову «шпарить» с его значениями «обливать кипятком» или «быстро, энергично производить какое-либо действие».

Безусловно, не все жаргонизмы «русаков» отталкиваются от немецких корней. Однако С. Янке практически не прибегает к лексически русским жаргонизмам, не привлекая этот значимый компонент русского шансона.

С. Янке не культивирует специфические мотивы, питающие «блатную» лирику (к примеру, мотивные поля тем «Тюрьма», «Спиртное»), но прямо или косвенно касается их. Так, тюремные ассоциации вызывают отдельные воссоздаваемые С. Янке ситуации, например, гиперболизированная скудость питания («Я кружку чая спитого согрею, / Налью его я в старый термосок. / К нему найдется черственький сухарик, / Надыбаю я сахар у друзей»), строгие запреты («Нельзя!» — чиновники спешат нам подписать запрет») и др. Тюремные аллюзии возникают и благодаря многозначности лексики: «Придется все ж два годика, куда пошлем, *сидеть*». К тюремной лирике восходит, к примеру, и монолог, обращенный к матери («Телефонный разговор»): герой стремится к матери, но отделен от нее расстоянием («Здравствуй, мама дорогая, / Я звоню издалека»), у него очень редко появляется возможность общения с матерью («Что звоню я раз в полгода, / Ты прости мне наперед»). Сама свобода, полученная в результате переселения в Германию, может восприниматься как тюрьма: «Хороши *свободы нуты*». «“Тюремная субкультура” оказывает огромное влияние на все сферы жизни нашего общества... правила и законы “тюремного кодекса” вместе с жаргоном и ритуалами уже давно вышли на волю и там продолжают жить, пронизывая все слои общества» [21. С. 3—4].

Мотивы спиртного возникают в песнях С. Янке неоднократно («Держи стакан, тебе пивка плеснем...», «Поди сюда, пивчишком угощу...»), однако не претендуют на доминантность, являясь скорее неким декором, атрибутом, бессознательно взятым из шансона. Традиционную русскую водку заменяет пиво — типичный немецкий напиток, однако герои песен пьют его не из пивной кружки, а из стакана, обычно предназначенного для водки. Даже на таком микроуровне проявляет себя российско-немецкая ментальность С. Янке.

«Пение “блатных” — исключительно сольное пение» [7. С. 7]. Генетические причины сольности «блатного» шансона кроются в невозможности петь хором в условиях тюрьмы, социальной изоляции. «Это исторически сложившаяся традиция. Никакое хоровое пение не могло быть допущено в стенах тюрьмы. И на воле — тоже. Свидетельство волчьей природы вора, его антиколлегальности, тюремные навыки» [7. С. 8]. В шансонном же творчестве С. Янке герой в основном собирательный (российские немцы), тексты зачастую написаны от 2-го лица («мы»): «*Нам Deutschland* мать, а *Russland* — мачеха»; «Теперь *мы*, слава Богу здесь, / Но в этом мало радости» и др.

Для сравнения приведем некоторые данные по русскому шансону, полученные в результате обследования 15 русских «блатных» шансонных песен, взятых из сборника «Блатные песни» [8. С. 6—20, 188—211], и исследуемых песен С. Янке.

В этом материале при абсолютном лидерстве субъекта «я» (встречается 98 раз) местоимение «мы» используется всего 6 раз (2 раза: «мы» — ээки, 2 раза: «мы» — подельники, 1 раз: «мы» — преступник и жертва; 1 раз: «мы» — тюремщики). У С. Янке коллективный субъект «мы» встречается 87 раз при использовании «я» в 59 случаях. Преобладает «хоровой» голос, некий собирательный солист, что отличает песни Янке от русской «блатной» лирики.

С. Янке сохраняет «мужское лицо» шансона. Не только среди исполнителей, но и среди слушателей шансона преобладают мужчины; последнее доказано А. Ивановым и В. Солдатовым в результате проведенного ими опроса посетителей Рунета [13. С. 12—16]. В песнях С. Янке нет строк от лица женщины — в стихах от 1-го лица единственного числа мужчина обращается к «женуле», «Мане», «маме», «любимой». Единственный встречающийся в цикле случай обращения женщины к мужчине (последнее стихотворение цикла — «Прощай, моя любовь, я уезжаю») к шансону не относится.

В то же время в эстрадной российско-немецкой шансонной песне у В. Куземы немало субъектных ракурсов от женского лица. Об этом говорит сам певец: «У меня большое количество песен, написанных от женского лица. Не знаю, может быть, я в прошлой жизни был женщиной, но все признают, что тексты написаны со знанием дела. И однажды у меня возникла мысль предложить мои песни певицам, живущим в Германии, с которыми мы работаем иногда на концертах. Сначала я включал по несколько песен в мои номерные альбомы. А затем выпустил отдельный альбом “Лучшие голоса Германии поют новые песни Вадима Куземы”. Там песни исполнили не только Наташа Маас и Лора Григ, но и Юлия Демпе из Берлина» [18. С. 21]. Данное обстоятельство — большое количество песен от женского лица — объясняется меньшей жесткостью «блатной» эстрадной шансонной песни в сравнении с «блатной» эстрадной.

В целом эстрадная шансонная песня В. Куземы в сравнении со стилизацией под «блатную» песню у С. Янке менее эпатажна, менее резка, почти не арготируется, социальный протест по требованиям жанра слегка сглажен.

Русской «блатной» субкультуре «всегда сопутствовали некий романтизм и сентиментальность» [6. С. 5]. Российско-немецкая стилизация под «блатную» песню не отличается романтикой: этнической картине российских немцев не свойственна типично русская оппозиция «высокого» и «низкого». Если русские песни, по

А. Синявскому, передают «природный максимализм в запросах и попытках достичь непостижимого», «бродяжничество», «страсть к переменам», «риск и жажду риска», «вечную судьбу-долю, которую не объедешь», то российско-немецкий «блатной» шансон — стремление к осуществимому, желание оседлости, определенности, безопасность, веру в стабильность (счастье). Если в русских песнях «мало привязанности к жизни и ее предметам, но много привязанности к какому-то безграничному разгулу, к стремлению унести куда-то вместе со звуками» (Н. Гоголь), то российско-немецкая песня, стилизованная под «блатную», привязана к конкретике и быту.

Герой русской «блатной» песни концептуально асоциален, это неприкаянная личность, испытывающая симпатию к своему миру изгоев: «Где блатные — там и я, / Все блатные — жизнь моя» («Мама, я жулика люблю»); «И живу без нужды и без горя» («Из далека Колымского края»), «Куда ни бреду я — все против шерсти, / Движения супротив...» (Новиков А. Бурлак). Человек в русском «блатном» шансоне гордится своими удальскими проделками, преступлениями. У такого героя нет стремления покинуть свой мир, где царит культ нелегальности. Русская тоска, сопряженная с русским разгулом, жажда риска, бродяжничество как естественный образ жизни пронизывают русский шансон. Не так — у С. Янке. Ее герой страдает от своей маргинальности и стремится «врасти» в новое и пока чужое для него общество. Традиционное для шансона обращение «братишка» («Не вешай, братишка, на стену гитару...») герой С. Янке использует не только по отношению к себе подобным, но и по отношению к «другим». Лирический герой С. Янке в отличие от героя русского шансона не желает быть чужим среди своих: «Хотя ведь местным всем уже знакомо, / Что с ними мы родня — братишки по крови».

Исследование творчества живущих в Германии переселенцев не немецкого происхождения (Я. Боярский, Г. Кричевский и др.) не обнаруживает в их песнях ярко выраженных мотивов интеграции в немецкое общество.

М. Шелег отмечает, что единственное, что отвергает всеядный жанр «блатной» песни, — это политика [15. С. 79]. Точнее, песни о политике в русском шансоне есть («Товарищ Сталин» Ю. Алешковского, «Стенка» А. Новикова), но они нетипичны. У С. Янке в российско-немецкой стилизации под «блатную» песню наблюдается прямая апелляция к политике. Поэтесса даже описывает воображаемую революцию: «Аусзидлеры бы сходу / Взяли власть в свои бы руки...» («Хороши свободы пути»). В этом также отличие российско-немецкого шансона от русского.

Корни российско-немецкого шансона целесообразно искать в песенном творчестве первых поколений германских немцев, эмигрировавших в Россию, и советских немцев, депортированных в отдаленные районы СССР, — в поэзии лагеря, трудармии, депортации. В поиске могут быть полезны источники по культурной среде ГУЛАГа [22—25].

Заключение

С. Янке принадлежит к массовой литературе, представители которой даже на бессознательном уровне бережно копируют признаки жанра. Поэтесса апелли-

рует к таким чертам шансона, как синтетичность (тексты предназначены для пения под музыку), простота и разговорность лексики, использование искаженных слов и жаргонизмов (но только российско-немецких), изображение конкретных ситуаций, асоциальность лирического героя и др. Отдельные специфические темы шансона (к примеру, тюремная) затрагиваются косвенно, метафорически.

Обращение к синтетическому, литературно-музыкальному жанру облегчает восприятие произведения широкой публикой, что усилено и простотой музыкального сопровождения, не ориентированного на знатока музыки, и предельным демократизмом текста (передача житейских ситуаций, доступность и разговорность лексики).

Явное отличие российско-немецкого шансона от русского — в особом собирательном субъекте (типе российского немца), стремящемся породниться с отчуждающим его миром (в отличие от культивирующего мир изгоев героя русского «блатного» шансона). Таким образом, асоциальность героя российско-немецкого шансона принципиально отличается от асоциальности героя русского шансона.

Своим возникновением российско-немецкая шансонная песня указывает на стремление российских немцев подчеркнуть своеобразие родного этноса.

На первый взгляд представляется, что глубина социальных переживаний даже в массовой литературе получает способность преобразовать жанр. Однако это не так. У С. Янке первична не апелляция к жанру (при написании текстов поэтесса не осознавала принадлежности их к шансону), а желание излить душу: эмоции С. Янке обрастают шансонными признаками, подсознательно копируемыми ею из арсенала культурной памяти. В основе переживаний лежит желание ощутить себя в Германии как на родине, изжить историческую маргинальность, улучшить бытовые условия жизни. Российско-немецкий шансон, по всей вероятности, не калька русского шансона, а исконно российско-немецкое явление, получившее силу под влиянием тягот эмиграции и, безусловно, попавшее под влияние русского шансона.

Создание цикла шансонных песен у С. Янке (подобная цикличность наблюдается и в альбомах шансонье) доказывает не единичность и случайность обращения к шансону, а множественность и закономерность, длительное излияние переживаний в адекватной форме.

Осмысление российско-немецкого шансона выявляет парадокс: обращение российских немцев к маргинальной «блатной» песне есть не что иное как попытка освобождения от маргинальности своего этноса.

Список литературы

1. Терц А. Отечество. Блатная песня // Синтаксис. Нью-Йорк, 1979. № 4. С. 2—118.
2. Дюков М. Путеводитель по русскому шансону. Жанр и структура // Шансон. Вольная песня. № 1. 2005. С. 126—130.
3. Никитин Р. Легенды русского шансона. Иллюстрированная история «русского шансона». М.: Нота-Р, 2002.
4. Блатная лира. Сборник песен / сост. Я. Вайскопф, нотн. запись песен В. Маневича. Иерусалим, 1981.

5. Песни неволи. Сборник / сост. Ю.П. Дианов, А.Д. Мучник, Т.Н. Фабрикова. Воркута, 1992.
6. *Жиганец Ф.* Блатная лирика. Сборник. Ростов-на-Дону: Феникс, 2001.
7. Блатная песня. Сборник / ред. И. Топоркова. М.: ЭКСМО, 2001.
8. Блатные песни. Цыпленок жареный. М.: ЭКСМО, 2005.
9. Владимирский централ. Песенник / ред.-сост. А.И. Денисенко. Новосибирск: Мангазея, 2003.
10. Русский шансон. Песни для души / сост. Н. Альбемас. М.: Сталкер, 2005.
11. *Акимов Т.М.* Народные удалые песни в устном бытовании и художественной литературе конца XVIII — первой половины XIX в.: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Л., 1964.
12. *Шомина В.Г.* Поэзия тюрьмы, каторги и ссылки (народные песни и стихи второй половины XIX — начала XX вв.): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1966.
13. *Иванов А., Солдатов В.* Жанры, стили и шансон. О современных жанрово-стилевых предпочтениях в песенном искусстве // Шансон+. Стильные песни. № 3. 2006. С. 12—16.
14. *Зейферт Е.И.* Интервью с Виктором Солдатовым: Истоки русского фольклора в городском песенном фольклоре // ШансоньеР. Журнал о русском шансоне. 2006. № 1 (3). С. 2—5.
15. *Шелег М.* Аркадий Северный. Грани жизни. М.: ЭКСМО, 2004.
16. *Бельгер Г.К.* Геттоизированная литература обречена // Книголюб. Книжное обозрение Казахстана. № 10 (77) 04. Алматы. 2004. С. 13—17.
17. Гостевая книга Радио Шансон. — Электронные текстовые данные. URL: http://gb.chanson.ru/gba_220.shtml (Дата обращения: 20 мая 2006 г.).
18. *Счастливица Я.* Вадим Кузема: «Мне помогла донбасская закалка» // Вне закона. № 42 (452). 16 октября 2006. С. 20—21.
19. *Янке С.* Наедине. Стихи. Песни. Мемминген, 2004.
20. *Воривода И.П.* Сборник жаргонных слов и выражений, употребляемых в устной и письменной речи преступных элементов. Алма-Ата, 1971.
21. *Абрамкин В.Ф., Чесноков В.Ф.* Тюремный мир глазами заключенных. 1940—1980-е гг. М.: Муравей, 1998.
22. *Джекобсон М., Джекобсон Л.* Песенный фольклор ГУЛАГа как исторический источник (1917—1939). М.: Современный гуманитарный университет, 1998.
23. *Джекобсон М., Джекобсон Л.* Песенный фольклор ГУЛАГа как исторический источник (1940—1991). М.: Современный гуманитарный университет, 2001.
24. Запрещенные песни / сост.: А.И. Железный, Л.П. Шемета, А.Т. Шершунов / ред. А.Т. Шершунов. М.: Современная музыка, 2002.
25. Фольклор и культурная среда ГУЛАГа. Сборник / сост. В.С. Бахтин, Б.Н. Путилов. СПб., 1994.

References

1. Terts, A. 1979. "Otechestvo. Blatnaya pesnya". In Sintaksis. N'yu-York. Print. (In Russ.)
2. Dyukov, M. 2005. "Putevoditel' po russkomu shansonu. Zhanr i struktura". Shanson. Vol'naya pesnya 1: Moscow. Print. P. 126—130. (In Russ.)
3. Nikitin, R. 2002. Legendy russkogo shasona. Illyustrirovannaya istoriya «russkogo shasona». Moscow: Nota-R publ. Print. (In Russ.)
4. Blatnaya lira. Collection of Songs. 1981. Edited by Ya. Vayskopf, songs recording by V. Manevich. Iyerusalim. Print. (In Russ.)
5. Pesni nevoli. Collection of songs. 1992. Composed by Yu.P. Dianov, A.D. Muchnik, T.N. Fabrikova. Vorkuta. Print. (In Russ.)
6. Zhiganets, F. 2001. Blatnaya lirika. Collection of songs. Rostov-na-Donu: Feniks publ. Print. (In Russ.)
7. Blatnaya pesnya. Collection of Songs. 2001. Edited by I. Toporkova. Moskow: EKSMO publ. Print. (In Russ.)

8. Blatnyye pesni. Tsyplonok zharenyy. 2005. Moscow: EKSMO publ. Print. (In Russ.)
9. Vladimirskiy tsentral. Pesennik. 2003. Edited by A.I. Denisenko. Novosibirsk: Mangazeya publ. Print. (In Russ.)
10. Russkiy shanson. Pesni dlya dushi. 2005. Composed by N. Al'bemas. Moscow: Stalker publ. Print. (In Russ.)
11. Akimova, T.M. 1964. Narodnyye udalye pesni v ustnom bytovanii i khudozhestvennoy literature kontsa XVIII — pervoy poloviny XIX v. Thesis of Candidate Diss. On Philology. Leningrad. Print. (In Russ.)
12. Shomina, V.G. 1966. Poeziya tyur'my, katogi i ssylki (narodnyye pesni i stikhi vtoroy poloviny XIX — nachala XX vv.). Thesis of Candidate Diss. On Philology. Moscow. Print. (In Russ.)
13. Ivanov, A., and V. Soldatov. 2006. "Zhanry, stili i shanson. O sovremennykh zhanrovo-stilevykh predpochteniyakh v pesennom iskusstve". *Shanson. Stil'nyye pesni* 3: 2—16. Print. (In Russ.)
14. Seifert, Ye.I. 2006. "Interv'yu s Viktorom Soldatovym: Istoki russkogo fol'klora v gorodskom pesennom fol'klоре". *Shanson'yeR. Zhurnal o russkom shansone* 1(3): 2—5. Print. (In Russ.)
15. Sheleg, M. 2004. *Arkadiy Severnyy. Grani zhizni*. Moscow: EKSMO publ. (In Russ.)
16. Bel'ger, G.K. 2004. "Gettoizirovannaya literatura obrechena". *Knigolyub. Knizhnoye obozreniye Kazakhstana* 10 (77): 4. Print. P. 13—17. (In Russ.)
17. Gostevaya kniga radio «Shanson». 2006. URL: http://gb.chanson.ru/gba_220.shtml. (In Russ.)
18. Schastlivtseva, Ya. 2006. "Vadim Kuzema: 'Mne pomogla donbasskaya zakalka'" // *Vne zakona* 42 (462): 20—21. Print. (In Russ.)
19. Janke, S. 2004. *Nayedine. Stikhi. Pesni*. Memmingen. Print. (In Russ.)
20. Vorivoda, I.P. *Sbornik zhargonnykh slov i vyrazheniy, upotreblyayemykh v ustnoy i pis'mennoy rechi prestupnykh elementov*. Alma-Ata. Print. (In Russ.)
21. Abramkin, V.F., and V.F. Chesnokov. 1998. *Tyuremnyy mir glazami zaklyuchonnykh. 1940—1980-ye gg*. Moscow: Muravei publ. Print. (In Russ.)
22. Jakobson, M., and L. Jakobson. 1998. *Pesennyy fol'klor GULAGa kak istoricheskiy istochnik (1917—1939)*. Moscow: Sovremenniy Gumanitarniy Universitet publ. Print. (In Russ.)
23. Jakobson, M., and L. Jakobson. 2001. *Pesennyy fol'klor GULAGa kak istoricheskiy istochnik (1940—1991)*. Moscow: Sovremenniy Gumanitarniy Universitet publ. Print. (In Russ.)
24. *Zapreshchonnyye pesni*. 2002. Composed by A.I. Zheleznyy, L.P. Shemeta, A.T. Shershunov. Edited by A.T. Shershunov. Moscow: Sovremennaya muzyka publ. Print. (In Russ.)
25. *Fol'klor i kul'turnaya sreda GULAGa. Collection of works*. 2004. Composed by V.S. Bakhtin, B.N. Putilov. Saint Petersburg. Print. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Зейферт Елена Ивановна — доктор филологических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета, ведущий научный сотрудник Московского государственного лингвистического университета. E-mail: elena_seifert@list.ru
ORCID: 0000-0001-8117-7091

Bio Note:

Elena Ivanovna Seifert is a Doctor in Philology, Professor of Russian State University for the Humanities, Leading research fellow of Moscow State Linguistic University. E-mail: elena_seifert@list.ru
ORCID: 0000-0001-8117-7091

DOI 10.22363/2618-897X-2022-19-1-66-76

Научная статья

Языковая экспрессия в романе Адама Мекебаева «Тайник в степи» и проблема ее передачи в переводе на русский язык

А.Ж. Жаксылыков

Казахский национальный университет им. аль-Фараби,
Казахстан, 050040, Алматы, проспект Аль-Фараби, 71

✉ aslanj54@mail.ru

Аннотация. Жанр исторического романа, в котором реконструируется историческое прошлое, предполагает особую работу писателя с языком — главным средством материализации, воплощения и детализации изображаемой исторической действительности. Художественная материализация предметного мира эпохи, воссозданная в исследуемом романе, осуществляется автором произведения через описание предметов быта и интерьера, верований и суеверия, способа хозяйствования, этики и речевой культуры, отношения между сословиями и проч. Выраженная фразеологизмами, идиоматическими выражениями, диалектными словами, в том числе устаревшими, реконструкция окружающей действительности и духовно-психологическая сфера, внутренний мир героев требует особого внимания переводчика. Цель статьи — подвергнуть осмыслению и описанию этнолингвистические единицы (фразеологизмы, идиомы, диалектные слова, реалии), встречающиеся в историческом романе Адама Мекебаева «Тайник в степи», и обосновать их перевод на русский язык. Автор статьи является автором перевода романа на русский язык.

Ключевые слова. Исторический роман, повествователь, концептуализация, экспрессивность, коллизия, персонаж, асимметрия, маркер

История статьи: дата поступления в редакцию: 17.10.2021; дата принятия к печати: 03.01.2022

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: Жаксылыков А.Ж. Языковая экспрессия в романе Адама Мекебаева «Тайник в степи» и проблема ее передачи в переводе на русский язык // Полилингвильность и транскультурные практики. 2022. Т. 19. № 1. С. 66—76. DOI 10.22363/2618-897X-2022-19-1-66-76

© Жаксылыков А.Ж., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Linguistic Expression in the Novel by Adam Mekebaev “Hiding-place in the Steppe” and the Problem of Its Transmission in Russian Translation

A.Zh. Zhaksylykov

Kazakh National University named after al-Farabi,
71, Al-Farabi Avenue, Almaty, 050040, Kazakhstan
✉ aslanj54@mail.ru

Abstract. The genre of the historical novel, in which the historical past is reconstructed, implies a special work of the writer with language — the main means of materializing, embodying and detailing the depicted historical reality. The artistic materialization of the objective world of the historical period, recreated in the novel under study is carried out by the author of the work through a description of household items and interior, beliefs and superstitions, the way of managing, ethics and speech culture, relations between estates, etc. Expressed by phraseological units, idiomatic expressions, dialect words, including obsolete reconstruction of the surrounding reality and the spiritual and psychological sphere, the inner world of the characters requires special attention of the translator. The purpose of the article is to comprehend and describe the ethnolinguistic units (phraseological word combination, idioms, dialect words, realities) found in Adam Mekebaev’s historical novel “A Cache in the Steppe”, and to substantiate their translation into Russian. The author of the article is the author of the translation of the novel into Russian.

Key words: Historical novel, narrator, conceptualization, expressiveness, collision, character, asymmetry, marker. character, asymmetry, marker

Article history: received: 17.10.2021; accepted: 03.01.2022

Conflict of interests: none

For citation: Zhaksylykov, A. Zh. 2022. “Linguistic Expression in the Novel by Adam Mekebaev “Hiding-place in the Steppe” and the Problem of Its Transmission in Russian Translation”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 19 (1), 66–76. DOI 10.22363/2618-897X-2022-19-1-66-76

Введение

Исторический роман — это жанр, который работает на стратегию виртуального перемещения во времени, как правило, в прошлое. Моделирование исторического прошлого с максимальной достоверностью социально-психологических, этнокультурных параметров и реалий — сверхзадача любого произведения классического реализма. При этом язык художника играет особую роль в данном моделировании, так как он является главным средством материализации, воплощения и детализации изображаемой исторической действительности. На язык художника возлагается задача не только описать, представить, *проговорить* события прошлого, но и реконструировать предметный мир эпохи, *семантизировать* в соответствии с историческим и культурным фоном психологические, менталь-

ные штрихи; *привязать* индивидуальный психологический процесс к обычаям, нравам, нормам эпохи, к этнической среде, существовавшим сословным отношениям. Поэтому язык художника с максимальной степенью естественности не только описывает и комментирует, не только изображает среду, внутренний процесс в душе человека, но и воссоздает реалии, архетипы мышления и психологии человека. В этом особая пластическая, изобразительно-выразительная роль языка умелого повествователя, мастера, реконструирующего историческую эпоху. Классический пример удачной художественной реконструкции эпохи прошлого языком художника — роман А. Толстого «Петр Первый».

В казахской литературе есть романы высокой художественно-исторической достоверности, в частности «Путь Абая» М.О. Ауэзова, «Кочевники» И. Есенберлина, «Вешние снега» М. Магауина и др. К этому жанровому ряду можно присоединить роман Адама Мекебаева «Тайник в степи» (в казахском оригинале «Құпия қойма» — А.Ж.) [1].

Высокая степень эстетической (изобразительно-выразительной) достоверности в романе Адама Мекебаева совершенно очевидна. Она обусловлена задачей писателя: воссоздать портрет эпохи столетней давности в национально-исторической действительности казахов, реконструировать социально-психологические и бытовые реалии казахов прибрежий Сырдарьи, показать трагедию голодомора 30-х годов XX века в микрообразе одной или двух семей, с максимальной степенью убедительности проявить психологические коллизии гибнущих от голода людей. Писатель добивается своей цели, попутно решив сюжетную проблему немалой сложности: изображение особо напряженных (в условиях надлома всего национального мира) отношений между сильными мира сего и слабыми, обреченными людьми. Этот эстетический параметр — обрисовка напряженных, на грани критических, социальных и психологических отношений между главными героями произведения, драматизация всей вербальной сферы коммуникации (монологов и диалогов, внутренней речи, несобственно-прямой речи), ее концептуализация, — и выделяет этот роман в современной казахской литературе. Высокая степень когнитивного напряжения и экспрессивности языка романа неизбежно приводит к тому, что текст произведения становится полем полемических (семантических) стратификаций, движения концептов, образующих особую контекстуальную зону. В значительной мере это семантическое движение этнолингвистических единиц и маркированной (этнокультурной) лексики, формирующих значимую концептосферу. Именно она и говорит об особой позиции писателя по отношению к большой и сложной исторической теме.

Обсуждение

В историческом романе, значительно сдвинутом по объекту изображения в прошлое, архаизация языка, функциональное использование вербальных историзмов неизбежны, это входит в задачу художника. Однако насыщение текста произведения архаизмами, историзмами и диалектными словами должно быть сбалансировано чувством меры, так как нарративный план произведения все-таки обращен к современному читателю, автор заинтересован в том, чтобы все

семьи и концепты были прочитаны, поняты и расшифрованы. Поэтому в мета-тексте эстетически достоверного произведения функционально значимые архаизмы и историзмы, во-первых, обладают структурной уместностью, корректностью, своевременностью, во-вторых, они находятся в паттернах реконструируемых отношений, которые и предстают объектами заинтересованного изображения. Эффективность и корректность в употреблении архаизмов и историзмов проявляется в том, что они функционально рассредоточены в тексте и служат главным образом для изображения быта и обычаев степных людей. Особенность использования упомянутых единиц заключается в том, что они предстают своего рода языковыми кластерами, к которым тянется множество нитей социально-политических, экономических, идеологических, психологических отношений, ставших объектом художественного изображения. Несомненно, подобными единицами являются слова — казахские эквиваленты русской политической и социальной лексики из политического русского лексикона 20—30-х годов XX века такие, как *кампеске* (конфискация), *кемсамол* (комсомол), *каменес* (коммунист), *актевес* (активист), *болыс* (волостной), *калектеп* (коллектив), *калхоз* (колхоз), *пешир* (писарь), *белсенді* (уполномоченный, начальник), *абақты* (тюрьма), *ауылкенес* (аульский совет), *кіші Қазан* (малый Октябрь), *дала алпауыттары* (степные феодалы), *Қазан төңкерісі* (Октябрьская революция), *итжеккенге айдау* (отправить в ссылку), *қыстау* (зимовка), *шахар* (город) и др. Этот политический и социальный лексикон, насыщенный русизмами, призван обрисовать параметры колониальной эпохи, когда происходит глобальный надлом традиционной степной цивилизации, аульские люди вынуждены говорить на смешанном языке, постепенно трансформирующемся в своего рода бытовой суржик, который заменял полноценный национальный язык в течение многих десятилетий. Русизмы употребляют не только персонажи романа, получившие какое-то образование в царское время (писарь Туктибай, волостные, баи), но и новые начальники эпохи коллективизации (уполномоченные, активисты, комсомольцы, нарочные, милиционеры). Русизмы и политический лексикон не только характеризуют аульский, разношерстный типаж, они в целом несут печать кризисной эпохи, когда некоторые слова начинают аккумулировать в себе масштабный и целостный смысл, запечатлевая отношение всего народа к происходящей исторической смене социальных устоев. Например, таким словом, вобравшим в себя тревогу и страх всего народа перед социально-политическими реформами и новациями, стало слово *кампеске* (конфискация). Наверное, не было казаха в 30-х годах XX века, да и позже, который не вздрагивал бы, услышав это слово. Ведь оно ассоциируется с голодомором, массовой гибелью народа.

Архаизация стиля романа также ощущается в другом вербальном слое текста, где представлены реалии старого быта, поговорки, отражающие предрассудки, верования, суеверия аульчан, специализацию (физиологически) эвфемизированных действий; слова, отражающие (архетипически маркированную) мимику и жесты степных людей. В этот ряд можно включить большое количество фразеологизмов, фольклорных выражений, коранических интертекстов, слов мусульманского книжного происхождения, терминов старого календаря, промысловых терминов степняков и т.д. Приведем примеры.

Сильные мира сего нередко определяются устаревшим фразеологизмом *шын-жыр балак шұбар төс шонжар* (эвфемизм, характеризующий сановных людей с эполетами, перепоясанных золотыми лентами, шнурами, с орденами и медалями на груди); *қатын-балаға талшық қылар тамақ тауып беру* (найти пропитание семье); *беттің арын белбеуге түйіп* (завязав гордость в узелок); *атала-жарма ішін, жықпа-жығылмамен жан созған отбасы* (семья, спасавшаяся мучной похлебкой и объедками с чужого стола); *қаратаяқ кедей* (голытьба); *жалғыз тұяқ* (единственный отпрыск); *қарамды батырар ем* (скрылся бы, сбежал). Последнее выражение характерно для языка казаха-степняка: *қара* — тень, черный силуэт вообще является заменителем слова *тело* и участвует в большом количестве словосочетаний, выражающих значения ‘показаться’, ‘скрыться из виду’, ‘завиднеться’, ‘попасться на глаза’, ‘мелькнуть’, ‘замаячить’ и др. Оно, несомненно, является архетипом перцепции номада в большом степном пространстве, маркером визуального восприятия, передающим подсознательную реакцию на силуэт скота, любую завидневшую тень. Слово *қара* нередко выступает мифологемой или идеологемой, несущей печать целой системы древних, духовных представлений: *қара шанырақ* (священный кров), *қара жілік* (берцовая, опорная кость), *қара құс* (затылок).

Продолжим список лексем и выражений: *далада тірлік, тіршілік көзі құрып* (в степи пропал, исчез источник (глаз) жизни); *сәскелік жерде жеке үй отырыуының (сәске — шаблонная мера времени — около десяти часов утра, в данном контексте определяется расстояние, которое можно проехать на лошади с раннего утра до десяти часов); екі-үш бала ошақтағы отқа бұттарың қақтап* (в буквальном смысле — сидеть возле очага и греть свои зады); *тұқымымызға тұз егейін деген екен* (в прямом значении — посыпать солью поросль жизни, в образном — искоренить потомство, молодое поколение); *антұрғандар* (проклятые, отверженные); *тұйыққа тіреліп тұрғанын* (осознать себя в тупике, в безвыходной ситуации); *қатын-балаң тісінің суын сорып отырғанда* (в прямом значении — семья сосет сок своих зубов, в образном — голодает); *жазмыштан озмыш жоқ* (древнетюркское книжное выражение — предначертанного судьбой не избежать); *білтелі шам* (фитильная лампа); *әпербақан белсенділер* (живодеры-начальники); *емешең үзілер етжақының* (кровные родичи, готовые отдать жизнь ради тебя); *қаратаяқ белсенділер* (горлопаны-начальники с кнутами); *ініңе су құйып, үнінді өшірер* (в прямом значении — залить водой твою нору, прервать твой голос; в образном — уничтожить тебя и твой род); *талшық қылу* (питаться) [2. С. 3—16]. Почти все эти выражения и лексеммы являются компонентами старого казахского языка, в современном языковом обиходе они употребляются крайне редко, в основном они используются в языке произведений исторического или риторического жанра.

Стилизация старого языка осуществляется и за счет применения большого количества пословиц и поговорок. Как ни парадоксально, они появляются в речи отрицательного персонажа романа — писаря Туктибая. В традиционной поэтике казахского народа, в том числе в литературе, фольклорный критерий — мышление мифопоэтическими образами, употребление паремий — признак положительного героя. Однако этот принцип словно перевернут в романе Адама Мекебаева, и это не случайно, ибо главный герой показан в плане инволюции, т.е. деградации. Он движется от планки нормального среднего человека, семьянина,

труженика, до уровня зверя, причем маниакального, зараженного жадой убийства и обогащения. И всему причиной — голодомор, обнаживший и заостривший животные инстинкты человека. В языковой стихии народа есть, конечно, всякое, в том числе и формулы неписаных правил с «темным смыслом». Именно эти формулы вспоминает Туктибай, когда сознательно решает вступить на путь зла, идти тропой не спасения гибнущих людей, а насилия, грабежа и убийства.

Эта сюжетная коллизия повествовательно обрамляется и подчеркивается формами языковой архаизации: герой нравственно движется не в будущее, а в прошлое, этот путь ведет его к самому темному и дикому началу в человеке — к зверю. Знаменательно, что в предкульминации романа, еще будучи далеким от убийства, но уже начав грабить слабых и беззащитных, Туктибай отказывается от Бога, отрекается от Духа, и это происходит в состоянии помутнения, бреда. Туктибай теряет свою семью, жену и сына, и эта потеря приводит его к ожесточению, к еще большему эгоизму и одиночеству. Отрицательный генезис героя, т.е. нравственная деградация, которая приводит к полному краху, к отчуждению от общества и жестокой гибели, параллельно сопровождается по тексту романа пословицами и поговорками, которые словно сопровождают этому движению, символически оттеняя его скрытый духовный смысл.

Туктибай выбирает зло не импульсивно, в бессознательном порыве, а вполне осознанно, следуя своей темной логике. Выбирая зло, разрешая себе насилие, воровство, грабеж, он отказывается от борьбы с истинной причиной катастрофы — политикой властей. В отличие от большинства персонажей романа ему дано понимание масштаба и сути происходящих событий. Однако тюремные застенки отбили у него желание противостоять политике властей, бежать же за границу он не может ввиду отсутствия средств. Поэтому весь его недюжинный ум, все способности направляются в иное русло — бороться за выживание любыми средствами. Туктибай оправдывает себя сложившимися обстоятельствами, дескать, в такой ситуации, когда борешься за выживание, нет греха, соответственно, нет и суда. В условиях массовой гибели людей нравственное начало образованного человека опускается до уровня примитивного дикарского инстинкта — хорошо все, что помогает тебе выжить. Однако против кого может направить Туктибай всю свою хитрость, знание психологии людей, жестокость, умение брать за горло, устраивать ловушки и терпеливо ждать жертву? В романе показано, что большинство людей, живущих в степном крае, наивных, честных, богобоязненных, — потенциальные жертвы Туктибая. Кроме того, его жертвами выступают и такие же, как он сам, обнищавшие местные дельцы, доведенные невзгодами до отупения, и не обладающие такой изворотливой логикой хищника.

Художественная особенность романа в том, что Туктибай выбирает себе жертву путем логического анализа, понимая ее психологию, просчитывая каждый возможный шаг, предугадывая повороты событий. При этом он решительно отказывается от альтернативы — объединения с другими людьми, в частности с тем же бием Оримбаем, колхозниками или одиночками-рыбаками ради совместного выживания. Он словно бы следует безошибочной логике — волчьей, и она подсказывает ему путь бирюка. Одиночество Туктибая, выбравшего путь зверя и пришедшего в конце концов к роковому финалу, когда ни ад, ни рай, ни сама сырая земля не принимают его, выбрасывая из своего лона, закономерно. В изображе-

нии процесса перерождения Туктибая в изгоя, бирюка, волка в образе человека — сильная сторона романа Адама Мекебаева, мастера прозы.

Приведем примеры идиоматических выражений, пословиц, поговорок из текста романа, которые работают на общую концепцию произведения.

Зачастую идиоматические выражения выполняют роль маркеров, обозначающих черты эпохи: *ит басына іркіт тогелген тоғыншылық заман еді* (время, когда даже морды аульных псов лоснились от жира — перевод наш — А.Ж.); *мүмкін өлмегенге өлі балық дегендей бір нәрсеге табан тигізерміз* (говорят, на безрыбье и рак рыба, вдруг терпеливому воздастся хоть малой долей); *қызыл көрген қарға-құзғын осы маңның аспанына айналар болса, қыбыр еткенді қиырдан баққан белсенділер жетіп келер* (воронье, почуявшее запах мертвечины, слетится с округи, будет кружить в воздухе, и тогда актевесы, следящие за местностью с холмов, почуют неладное и прискачут); *ант-су ішіп, аузын қу шөппен сүртсін* (отбрешется, глазом не моргнет); *сақтықта қорлық жоқ* (береженного бог бережет); *аш адамның аранын ашып, апшысың қуыра түсті* (ослабленные люди... еще сильнее оголодали, впад в мрачное состояние); бірақ қазір заман «*жұтқан жұтамайдынікі*» ғой. Тек, табылса бітті, онда *ақ түйенің қарны жарылды* дей бер [2. С. 3—30] (говорят же: «Кто съел, тот и цел», сейчас время именно таких людей. Лишь бы нашлось, тогда, считай, праздник наступил и на нашей улице (перевод наш — А.Ж.).

Ақ түйенің қарны жарылды — эта редуцированная поговорка казахов отражает старинный, забытый обычай жертвоприношения в связи с радостной вестью о счастливом событии, например рождении сына: казах, услышавший такую весть, должен был принести в жертву верблюда.

Продолжим перечень примеров:

Үмітсіз шайтан демекші (говорят, не имеет надежды только шайтан); *жүрген аяққа жөргем ілігер* (кто ищет, ждет того удача); *қазан ауызы жоғары деп, үмітпен келеміз* (идем на авось, вдруг, найдется, чем обмануть желудок); *бір-екі шабақ адамның құны, атанның пұлы емес қой* (ведь речь идет о паре-другой чебаков, а не о выкупе за верблюда); *ойы онға, санасы санға бөлініп келе жатқан* (мысли ее сталкивались и разлетались в круговерти); *жаны мұрнының ұшына келді* (от страха душа ушла в пятки).

Последнее выражение, архетипическое по сути, обнажает семантическую асимметрию подобных выражений у европейских и азиатских народов. Если европейские (христианские) народы представляли душу в виде сгустка света, то доисламские казахи — в виде мухи (шыбын жан), обнаруживается и полярность представлений о выходе души из тела в аффективных ситуациях: у русских душа уходит в пятки, у казахов душа-муха стремится в ноздри.

Продолжим перечень: *жер сипап қалу* (остаться ни с чем); *тай шаптырымдай ашық аланы бар* (с обширной белой пустошью посредине, хоть байгу устраивай по кругу); *алыстан арбалаганша, жақыннан дорбала* (лучше синица в руках, чем журавль в небе); *байтал түгі бас қайғы* (не до жиру, быть бы живу); *сүт пісірмей уақыт* (время, нужное, чтобы сварить молоко); *аузынан ақ май ақтарылған талылар* (богатеи же, которые как сыр в масле катались); *түске дейін емініп отырып алды* (сидел, плача и канюча, до обеда); *кекірігі азып отырмаса да, әзірше қаразықтан құралақан емес сияқты көрінді маған* (не скажешь, что отрыжкой несет от него, но и как будто не бедствует он); *көктен іздегені жерден табылғандай* (увидев заветную

цель, к которой стремился столько дней); *Өрімбай, бір кездері құба төбел қонды, билікке араласудан қалып көрмеген дуалы ауыздылардың қатарында жүретін* (Оримбай в лучшие для них времена был, как говорится, нос крючком, борода клочком); *қанасын қақ жарып шыққан құлыны* (дорогому сыночку, вскормленному плоть от плоти собственной пуповиной); *ер арыса — аруақ, ат арыса — тулақ* (мужчина исхудает — живой аруах, лошадь исхудает — костяк); *бүлінгеннен бүлдіргі алма* (не бери у сраженного бедой и крохи); *ізімді басатын, шанырағымның отын сөндірмейтін жалғызым* (мой отпрыск, наследник моего шанырака, который продолжил бы род мой); *ұрпақсыз қалған тірліктің құны көк тиын* (жизнь без сына и ломаного гроша не стоит) [2. С. 30—80].

Последнее выражение особенно значимо с точки зрения философии произведения. Как и все традиционные степняки, Туктибай видит смысл жизни в продолжении рода. В этом архетипическом плане для героя наследник, отпрыск — абсолютная и несомненная ценность, ради которой стоит жить даже в невероятных страданиях. Вместе с тем эгоистическая узость и ограниченность натуры Туктибая заключается в том, что ради спасения своего сына он готов принести в жертву чужих детей. Что он и делает, ограбив семью соседа, забрав у нее последнее зерно. Таким образом, архетипическое, корневое в жизни человека, если идет вразрез с общечеловеческим, теряет смысл, дегуманизируется. Оно становится чем-то иллюзорным, эфемерным. Только коллективное, общечеловеческое оправдывает и поддерживает канонические принципы и ценности человека традиционного социума, придавая им высший смысл. В романе мы видим: упорно лелея мечту об отпрыске, даже после потери своей семьи, Туктибай продолжает идти тропой обмана и грабежа. Убив Кабыша и завладев его женой, Туктибай оправдывает это злодеяние *высокой* целью — желанием получить отпрыска, которого якобы должна родить ему Мадина, жена убитого. Однако и этой мечте не суждено сбыться, ибо мир, против которого он, совершая преступления, пошел, отторгает его как нечто полностью *чужое, инородное*. Таким образом, мотивная, внутренняя связь романного мира полностью замыкается в системе архаических духовных ценностей традиционного социума, она в нем получает развитие, семантическое раскрытие и смысловое обобщение до уровня общечеловеческих символов и знаков.

В романе показан убогий быт обнищавших людей в почти диких условиях — в землянках (*жеркене*), вырытых в песчаной почве, наполовину укрытых в грунте для защиты от суровой снежной зимы. Посуда, инструменты, инвентарь, используемый степняками, их одежда — все это неизменные атрибуты вековой традиционной этнокультуры. Кабыш, промышляющий рыбной ловлей на скованных льдом озерах, протоках и старицах, использует пешню (*суймен*), для земляных работ применяет мотыгу (*кетпен*). Туктибай, рыскающий по зимней степи в поисках еды, носит за поясом боевой топорик — *айбалту*, оружие поистине средневековое. Оримбай, бывший бий (третьейский судья) ходит с кинжалом (*кездік*), прикрепленным к поясу, инкрустированному серебром. На льду озера беднякам, Кабышу и Мадине, то и дело встречаются диковатого вида мужики с трезубцами (*шанышқы*) в руках, бесполезными для работы, это, конечно, оружие.

Интерьер, убранство, обиходные вещи богатого дома могут включать следующие предметы: *кілем* (ковер), *тұс киіз* (войлочный гобелен), *қамқа тон* (шуба из

меха), *кийм-кешек* (разная одежда), *сандық* (сундук), *кебеже* (войлочный короб), *киіз-тулақ* (кошмы), *шақша* (табакерка), *қын* (ножны), *қылыш* (сабля), *қалқан* (щит), *дулыға* (шлем), *сауыт* (панцырь), *кітап* (книги), *шуда* (верблюжья шерсть), *қобдиша* (шкатулка), *тенге* (монеты), *сырға* (серьги) и т.д.

Известно, что до XX века казахи-степняки использовали старинные единицы измерения расстояния и времени. Для обозначения времени дня часто используются коранические термины — время того или иного намаза. Это, конечно, корректно и уместно для исторического романа. Время также определяется понятиями, связанными со скотоводческими циклами: например, время, нужное для того, чтобы сварить молоко, время, нужное для того, чтобы сварить мясо, время, нужное для того, чтобы заварить чай. Расстояние определяется также старинными мерами: расстояние полета стрелы, расстояние овечьего перехода, расстояние конного перехода, расстояние, на котором слышен крик человека и т.д.

Одежда аульных казахов долины Сырдарьи также имела свои отличия: *бокебай* — пуховая шаль, *дамбал* — штаны (исподнее), сапоги с длинными голенищами назывались саптама, подшитые союзки сапог — *жұлығ*, войлочные носки — *байпақ*, головной убор мужчин, как правило, — *тымақ*, это слово известно всем казахам, но *далбай* — легкая летняя шапка — это, скорее всего, диалектное слово. Степной колорит присырдарьинских равнин также создается описанием пустынной природы, чаще всего используются фитонимы: *қарабарақ* (вид кустарника), *қоянсүйек* (акация), *жыңғыл* (тамариск).

Адекватная передача смыслов при переводе с одного языка на другой требует от исследователя формирования базовых пресуппозиций [5—12].

Заключение

Таким образом, текстовое, стилизованное обрамление в историческом романе носит целостный, системный характер. В изобразительном плане оно охватывает все уровни произведения: быт и убранство жилища, верования и суеверия, этику и мир природы, промыслы, инструменты и оружие, одежду, скот, речевой этикет и отношения между сословиями, женские украшения и т.д. При этом самым значимым объектом изображения в историческом романе является духовно-психологическая сфера: процессы внутреннего мира героев и напряженные, критические моменты в духовной жизни человека, когда определяется поворот судьбы, т.е. метаплан, который и является внутренним стержнем, опорой всей архитектоники произведения. В метаплане произведения соединены и замкнуты все важнейшие смыслы и семантические линии. С этой точки зрения в романе «Тайник в степи» ключевую роль играет предкульминация: сцены ограбления Туктибаем семьи Жиенкула, возвращения Туктибая с зерном домой и обнаружения умерших жены и сына, их погребения, последующей горячки и временного безумия Туктибая, диалога с духом умершей матери Жиенкула.

Этот важнейший сюжетный узел связывает все решающие линии романа. Однако для нас эти сцены значимы внутренним, философско-антропологическим, не проявляющимся открыто смыслом. Ритуальная подоплека этих событий намечена не только в нарративном плане, т.е. в тексте автора-повествователя. Дело в том, что первым, кто замечает иррациональную, магическую подоплеку роковых

событий, выступает сам Туктибай, т.е. преступник. Напав на незащищенную семью, забрав зерно у старухи и малых детей (самого Жиенкула и жены дома не было), Туктибай подвергается страшному ритуальному проклятию старухи, причем мать Жиенкула просит Туктибая оставить хотя бы часть зерна и обещает благословить его за это. Однако Туктибай забирает все зерно, обрекая на гибель несчастную семью, и убегает. Тогда-то он и слышит произнесенное вдогонку проклятие. Теперь он осознает, что вступил в отношения ритуального преступления и наказания. Эти отношения суть архаические и пронизаны суевериями. Как архаический человек, Туктибай знает, что виновен, наказание неизбежно, демоны кары неизбежно явятся за его душой. Возвращаясь с зерном, он уже полон недобрых предчувствий, и его ожидания оправдываются. Дома он находит оледеневшие трупы жены и сына, и решает, что это несчастье — результат проклятия старухи. На самом деле читатель понимает, что женщина и мальчик погибли от голода задолго до данного преступления Туктибая. Однако в повествовании актуализированы иррациональная логика и подсознание героя. Психика героя все же травмирована до такой степени, что суеверные ожидания и страхи берут верх. Трансфизическое поглощает рациональное, архаическое, мистериальное в сюжете становится доминантным, трансформируя социальный план, смыслы метатекста оказываются на авансцене. В результате мистический диалог Туктибая с духом умершей старухи выглядит вполне оправданным, художественно уместным. Он обусловлен не только измененным сознанием героя, находящегося в инфернальном психологическом состоянии, но и логикой парадигматических отношений в сюжете. Таким образом, совершив преступление, помня, что подвергся ритуальному проклятию, Туктибай, как архаический человек знает, что кара неизбежна и ждет встречи, если не с демоном, то с Духом мести, так оно и происходит. Знаменательно, что в диалоге с Духом мести Туктибай проявляет неуступчивость, упорство, он далек от раскаяния. Еще большее упорство проявляет он в ту же ночь, встретившись с самим собой *иным*, т.е. персонификацией собственной совести. В диалоге с совестью он также отказывается признать вину и раскаяться, он сознательно переходит на сторону зла, отрекается от Бога. Таким образом, мистический диалог Туктибая с демоном и Духом совести в романе обыгран в ритуально-архаической форме и по сути означает мистерию духовного выбора (инициацию) человека, когда он окончательно выбирает ту или иную сторону главных сил метамира. Как известно, такая сюжетная парадигматика существовала в мировой литературе и антропологической культуре задолго до мировых религий, христианства и ислама. Она уходит корнями в жреческие религии и шаманизм. Этот мистический сюжет является зоной самого архаического и мифологического в романе Адама Мекебаева «Тайник в степи».

Список литературы

1. *Мекебаев А.* Тайник в степи. Алматы: Дәуір, 2020.
2. *Мекебай-ұлы А.* Құпия қойма. Алматы: Қазақпарат, 2011.
3. *Елубаев С.* Одинокая юрта. Алма-Ата: Балауса, 1992.
4. *Михайлов В.* Хроника великого джута. Алматы: Жалын, 1996.
5. *Алексеева И.С.* Текст и перевод. Вопросы теории. М.: Междунар. отношения, 2008.

6. *Бойко Б.Л.* Проблемы непереводаемости (на материале военных текстов) // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2010. № 1. С. 3—15.
7. *Болдырев Н.Н.* Перевод как проблема выбора когнитивных доминант. Вып. XXXIV: Cognition и Communicatio в современном глобальном мире. Материалы VIII Международного конгресса по когнитивной лингвистике 10—12 октября 2018 года. МГУ имени М.В. Ломоносова; Неолит Москва, 2018. С. 33—37.
8. *Бузаджи Д.М.* Переводчик прозрачный и непрозрачный // Мосты. 2009. № 2 (22). С. 31—38.
9. *Бузаджи Д.М., Гусев В.В., Ланчиков В.К., Псурцев Д.В.* Новый взгляд на классификацию переводческих ошибок. М.: Всероссийский центр переводов, 2009.
10. *Воюцкая А.А.* Процесс принятия решения в переводе: приемлемость и предпочтительность // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2018. № 3. С. 3—16.
11. *Емельянова Я.Б.* Лингвострановедческая компетенция переводчика: теория и практика. 2-е изд. Н. Новгород: Стимул-СТ, 2010.
12. *Иванов Н.В.* Пять аспектов природы перевода // Вестник Московского университета. — Серия 22. Теория перевода. 2017. № 2. С. 20—48.

References

1. Mekebaev, A. 2020. *Tainik v stepi*. Almaty: TOO RPIK «Dәuir» publ. Print. (In Russ.)
2. Mekebai-ұлы, А. 2011. *Құпия қоима*. Almaty: Қазақпарат publ. Print. (In Kaz.)
3. Elubaev, S. 1992. *Odinokaya yurta*. Alma-Ata: Balausa publ. Print. (In Russ.)
4. Mikhailov, V. 1996. *Khronika velikogo dzhuta*. Almaty: Zhalyн publ. Print. (In Russ.)
5. Alekseeva, I.S. 2008. *Tekst i perevod. Voprosy teorii*. M.: Mezhdunar. Otnosheniya publ. Print. (In Russ.)
6. Boiko, B.L. 2010. “Problemy neperevodimosti (na materiale voennykh tekstov)”. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 22. Teoriya perevoda 1*: 3—15. Print. (In Russ.)
7. Boldyrev, N.N. 2018. “Perevod kak problema vybora kognitivnykh dominant”. Vol. XXXIV: Cognition i Communicatio v sovremennom global’nom mire Proceedings. Oct., 10—12, 2018. Moscow. Moscow: MGU publ. Pp. 33—37. Print. (In Russ.)
8. Buzadzhi, D.M. 2009. “Perevodchik prozrachnyi i neprozrachnyi”. *Mosty 2 (22)*: 31—38. Print. (In Russ.)
9. Buzadzhi, D.M., Gusev V.V., Lanchikov V.K., Psurtsev D.V. 2009. *Novyi vzglyad na klassifikatsiyu perevodcheskikh oshibok*. Moscow: Vserossiiskii tsentr perevodov publ. Print. (In Russ.)
10. Voyutskaya, A.A. 2018. “Protsess prinyatiya resheniya v perevode: priemlemost’ i predpochtitel’nost’”. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 22. Teoriya perevoda 3*: 3—16. Print. (In Russ.)
11. Emel’yanova, Ya.B. 2010. *Lingvostranovedcheskaya kompetentsiya perevodchika: teoriya i praktika*. 2-nd edition. N. Novgorod: Stimul-ST publ. Print. (In Russ.)
12. Ivanov, N.V. 2017. “Pyat’ aspektov prirody perevoda”. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 22. Teoriya perevoda 2*: 20—48. Print. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Жаксылыков Аслан Жамелевич — доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии и мировой литературы КазНУ им. аль-Фараби. E-mail: Aslanj54@mail.ru
ORCID: 0000-0002-0115-1244

Bio Note:

Aslan Zhamelevich Zhaksylykov is a Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Philology and World Literature, KazNU named after al-Farabi, E-mail: Aslanj54@mail.ru
ORCID: 0000-0002-0115-1244

ЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ LANGUAGE IN PROCESS

DOI 10.22363/2618-897X-2022-19-1-77-85

Научная статья

Генезис языковой политики Республики Беларусь

А.А. Лавицкий

Белорусский государственный педагогический университет,
Республика Беларусь, 220050, Минск, ул. Советская, 18
Международный университет «МИТСО»,
Республика Беларусь, 210015, Витебск, ул. М. Шагала, д. 8А
✉ anton_lavitski@mail.ru

Аннотация. Проблемы языковой политики многогранны, допускают вариативность подходов к оценке ее эффективности и соответствия национально-этнической модели общественных отношений. Значимость вопросов формирования и развития правовых инструментов регулирования языкового ландшафта и защиты языка подтверждается наличием внушительного числа международных нормативных актов. Однако основные юридические механизмы в данной сфере находятся в плоскости ответственности национального законодательства. Автор рассматривает опыт Республики Беларусь, которая, в отличие от других союзных республик бывшего СССР, сумела сохранить государственное двуязычие. Исследованы нормативно-правовые акты, регламентирующие современную государственную языковую политику Беларуси. **Методология** работы включает общенаучные методы обобщения и систематизации, логический и сравнительно-сопоставительный анализы. До 1990-х годов современный белорусский язык не имел формального статуса государственного языка (конституции республики лишь закрепляли нормы его использования наравне с русским во всех сферах официально-делового общения). На рубеже 1980—1990-х годов проблемы регулирования языковых вопросов были включены в политическую повестку. Первые законодательные акты суверенной Беларуси закрепляли государственное моноязычие и были ориентированы на форсированный переход к белорусскоязычной коммуникации. Белорусизация в стране была наиболее эффективной в сфере общего среднего и дошкольного образования, однако не смогла всецело вытеснить русский язык из общественно-политического дискурса и, разумеется, бытового общения. Продвижение национального языка переросло в политический лозунг, не поддержанный общественностью: на референдуме 1995 года были приняты поправки в конституцию о придании русскому языку статуса государственного. Данные изменения нашли отражение в других нормативных актах. Опыт выстраивания языковой политики Республики Беларусь явля-

© Лавицкий А.А., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

ется уникальным для постсоветского пространства: страна, находящаяся в авангарде националистических позиций моноязычия начала 1990-х годов, сумела в течение небольшого по историческим меркам периода независимости и суверенитета пройти достаточно серьезный путь гармонизации языковой ситуации, юридически нормализовав процессы социального коммуникативного взаимодействия и сохранив черты национальной лингвистической идентичности. Современный языковой ландшафт Беларуси характеризуется очевидным доминированием русского языка практически во всех сферах коммуникативного взаимодействия. При этом белорусский язык как язык титульной нации функционально выполняет роль не столько средства общения, сколько символа национальной самоидентичности.

Ключевые слова: языковая политика, белорусский язык, русский язык, государственный язык, белорусско-русский билингвизм

История статьи: дата поступления в редакцию: 14.04.2021; дата принятия к печати: 14.06.2021

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: Лавицкий А.А. Генезис языковой политики Республики Беларусь // Полилингвильность и транскультурные практики. 2022. Т. 19. № 1. С. 77—85. DOI 10.22363/2618-897X-2022-19-1-77-85

Research Article

Genesis of the Republic of Belarus Language Policy

A.A. Lavitski

Belarusian State Pedagogical University,
18, Sowetskaya Str., Minsk, 220050, Republic of Belarus
International University «MITSO»,
8A, M. Shagal Str., Vitebsk, 210015, Republic of Belarus
✉ anton_lavitski@mail.ru

Abstract. The problems of language policy are multifaceted, they allow for variability of approaches to assessing its effectiveness and compliance with the national-ethnic model of social relations. The importance of the formation and development of legal instruments for regulating the linguistic landscape and protecting the language is confirmed by the presence of an impressive number of international normative acts. However, the main legal mechanisms in this area are in the plane of responsibility of national legislation. In this regard, the experience of the Republic of Belarus, which, in contrast to other union republics of the former USSR, has managed to preserve state bilingualism seems to be interesting. The research was carried out on the normative legal acts regulating the modern state language policy of Belarus. The methodology of the work included general scientific methods of generalization and systematization, logical and comparative analysis. Until the 1990s, the modern Belarusian language did not have the formal status of the state language (the Constitution of Soviet Belarus only enshrined the norms of its use on a par with Russian in all spheres of official business communication). At the turn of the 1980s and 1990s, the problems of regulating language issues were included in the political agenda. The first legislative acts of sovereign Belarus consolidated the state monolingualism and were focused on a forced transition to Belarusian-language communication. Belarusianization in the country was the most effective in the sphere of general secondary and preschool education, but it could not

completely «oust» the Russian language from the socio-political discourse and, of course, everyday communication. The promotion of the national language grew into a political slogan that was not supported by the public: at the 1995 referendum, amendments to the Constitution were adopted to give the Russian language the status of a state language. These changes were reflected in other normative acts. The experience of building the language policy of the Republic of Belarus is unique for the post-Soviet space: the country, which is at the forefront of the nationalist positions of monolingualism in the early 90s of the last century, managed, during a period of independence and sovereignty that was short by historical standards, to go through a fairly serious way of harmonizing the language situation, legally normalizing the processes social communicative interaction and retaining the features of national linguistic identity. The modern linguistic landscape of Belarus is characterized by the obvious dominance of the Russian language in almost all spheres of communicative interaction. At the same time, the Belarusian language as the language of the titular nation functionally plays the role of not so much a means of communication as a symbol of national self-identity.

Key words: language policy, Belarusian language, Russian language, state language, Belarusian-Russian bilingualism

Article history: received: 14.04.2021; accepted: 14.06.2021

Conflict of interests: none

For citation: Lavitski, A.A. 2022. “Genesis of the Republic of Belarus Language Policy”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 19 (1), 77–85. DOI 10.22363/2618-897X-2022-19-1-77-85

Введение

Республика Беларусь — государство с уникальным для стран бывшего СССР языковым ландшафтом. Дело в том, что статус русского языка как государственного наравне с национальным языком официально закрепила лишь белорусская конституция. В силу определенных исторических и геополитических условий русский язык играет важную роль в жизни белорусского народа начиная с конца XVIII века. Русский язык в Беларуси — это не только средство общения, но и неотъемлемая часть духовного кода народа. Доминантное положение этого языка прослеживается практически на всех институциональных уровнях. Исключением, пожалуй, можно считать сферу культуры, где белорусский язык по понятным причинам не может быть заменен. Однако отсутствие паритета в использовании государственных языков не вызывает серьезной общественной озабоченности или напряженности в гражданских отношениях.

Следует, однако, отметить, что активное использование русского языка во всех сферах общественной и бытовой коммуникации привело к функциональным изменениям родного языка титульной нации. Так, несмотря на то, что по данным последней всеобщей переписи (2019 г.) 60,3% населения Беларуси считает родным именно белорусский язык, коммуникативная функция для него не первична. Прежде всего, он несет символическую функцию. Во многом именно наличие собственного языка предопределяет национальную самоидентификацию белорусов. Полагаем, что это отнюдь не свидетельство малозначительности роли белорусского языка в обществе. Наоборот, наш язык, как и лингвокультура в целом, является символом национального единства и белорусской «самасвядомасці»

(самосознания), этнического самоопределения. Это еще одна особенность коммуникативного пространства Беларуси, требующая дополнительного научного описания.

Очевидно, что сложившуюся коммуникативную ситуацию в определенной мере предопределила государственная языковая политика, которая, с одной стороны, в Беларуси достаточно стабильная и последовательная, а с другой — прошла определенные этапы своего становления и, действительно, выкристаллизовалась как результат общественного запроса.

Указанные факты свидетельствуют об актуальности темы статьи об истоках и развитии языковой политики Республики Беларусь, позволившей стране стать уникальной билингвальной площадкой, где язык титульной нации уступил позиции коммуникативной доминанты, взяв на себя иную фундаментальную функцию — символа этнической (само)идентификации. Кроме того, предпринятый аналитический обзор будет небезынтересен в рамках изучения особенностей функционирования русского языка за рубежом, так как чаще всего данная проблема рассматривается в русле исследования вопросов преподавания русского языка как иностранного или его статуса как языка этнического меньшинства.

Цель и методы исследования

Цель настоящего исследования — представить генезис языковой политики Республики Беларусь.

Материалом исследования послужили нормативно-правовые акты белорусского законодательства, регламентирующие государственную языковую политику в период с 1990 года по настоящее время. Методологическую базу исследовательской работы составили общенаучные методы обобщения и систематизации, логический и сравнительно-сопоставительный анализы.

Результаты и их обсуждение

Тот факт, что язык является саморазвивающейся системой, не лишает его статуса особого объекта системы государственного правового регулирования. Речь идет о понятии языковой политики, когда язык рассматривается как средство реализации социально-идеологических установок. В Лингвистическом энциклопедическом словаре дается следующее определение понятия языковой политики: «Языковая политика — совокупность идеологических принципов и практических мероприятий по решению языковых проблем в социуме, государстве» [1. С. 598]. Мы полагаем, что представленная трактовка не совсем верна, так подходит к рассмотрению вопроса односторонне.

В языковой политике следует выделять две ипостаси языка: во-первых, как ключевого элемента регулирования открытого коммуникативного взаимодействия; во-вторых, как особой культурной единицы — артефакта, требующего юридической защиты. В первом случае реализуется инструментальная функция языка, т.е. он используется для решения вполне конкретных политико-идеоло-

гических задач. Как культурный объект язык воплощается в виде национального символа и носителя этнокультурных знаний.

Языковая политика является значимым элементом государственного устройства. По меткому замечанию У.М. Бахтикиреевой, «непродуманная и неадекватная... языковая политика и языковое планирование подтачивают государственную систему изнутри подобно ржавеющей шестеренке в механических часах, постепенно подвергающей коррозии всю часовую систему» [2. С. 242]. Нередко именно языковой вопрос стоит в авангарде национально-политических процессов: «Парад суверенитетов в бывших советских республиках начался с принятия законов о языке. В балканском кризисе немаловажную роль играют и языковые отношения. Сепаратистские устремления в канадской провинции Квебек тесно связаны с борьбой за упрочение позиций французского языка» [3. С. 8].

Формируют языковую политику не только внешние условия, под которыми мы понимаем собственно нормативно-правовое обеспечение, но и сам язык как часть лингвокультуры. Дело в том, что, с одной стороны, язык непосредственно включен в систему идеологических государственных установок, с другой стороны, никто не может отменить «право носителей языка на его использование применительно к своим целям и требованиям» [4. С. 7]. Второе положение лежит в основе международного права и отражено в ряде международных правовых актов, таких, например, как Европейская хартия региональных языков и языков меньшинств, Европейская культурная конвенция, Рамочная конвенция по защите прав национальных меньшинств и др. Сразу оговоримся, что Беларусь ратифицировала данные правовые акты, хотя они, очевидно, больше относятся к правовому инструментарию защиты этнических меньшинств, нежели к юридическим нормам реализации языковой политики.

Для понимания языковой политики современной Беларуси следует сделать небольшой исторический экскурс. Современный белорусский язык долгое время имел «статус сироты» [5. С. 38] и был формализован как государственный символ только после Октябрьской революции (до этого времени старобелорусский язык был официальным языком только в Великом княжестве Литовском в XIII–XIV веках). Формальность статуса объясняется отсутствием юридического понятия «государственный язык». В Декларации о провозглашении независимости Советской Социалистической Республики Белоруссия, а также в последующих конституциях страны (временной 1918 года и 1919, 1927 годов) устанавливалось «полное равноправие белорусского, еврейского, русского и польского языков». В Конституции БССР 1937 года в данную норму были включены только белорусский и русский языки. Но при этом вплоть до последней редакции Основного закона (1978 год) в формулировках статей, касающихся вопросов языка, допускались определенные исключения. Например, разрешалось вести судопроизводство не только на белорусском или русском, но и «на языке большинства населения данной местности».

Несмотря на то, что языковая политика СССР была достаточно продуманной и позволяла сохранять этническое самосознание в союзных республиках [6. С. 27], в конце 1980-х годов националистические амбиции местных политических элит нередко толкали их на одиозные решения в данной сфере. Не стала исключением и Беларусь, где именно в это время началось «Второе белорусское возрождение»

(термин Н.Б. Мечковской) [7. С. 299]. Так, в 1989 году не без согласия политических верхов создается Таварыства беларускай мовы імя Францішка Скарыны (Общество белорусского языка имени Франциска Скорины), а за полгода до принятия Декларации о государственном суверенитете (27 июля 1990 года) 26 января вступает в силу Закон о языках Белорусской ССР, где только за белорусским языком закрепляется статус государственного. Полная реализация норм закона была рассчитана на десять лет. Именно за этот период планировалось, что население станет в совершенстве владеть национальным языком страны, белорусизации в первую очередь подверглись официально-деловая коммуникация, сфера образования и культуры. Практическим шагом в реализации Закона стала принятая Советом Министров в сентябре 1990 года программа развития белорусского и других национальных языков. В результате уже через год значительно расширилось число школ и классов с белорусским языком обучения, власти смогли «белорусизировать» около 80% всех дошкольных учреждений. А вот из-за неоднозначной реакции интеллигенции, неготовности обеспечить образовательный процесс на белорусском языке и даже банального нежелания это делать перейти на белорусский язык в высшей школе не удалось.

Белорусизация начала 1990-х годов в конечном счете превратилась в политическую акцию, перешла в популистский лозунг. Языковой вопрос стал определенным политическим лейтмотивом национального обособления от «русского мира». Это подтверждает тезис, что данный вопрос можно рассматривать и как «ключ к расшифровке сознания субъектов политического процесса» [8. С. 225].

Программа реализации белорусизации в области языка имела достаточно радикальный характер и не была поддержана в обществе. Даже ярые приверженцы продвижения идеи государственного моноязычия спустя несколько лет после начала реализации программы всеобщей белорусизации отмечали, что «русский язык по-прежнему доминирует во всех сферах политической и общественной жизни республики: в сферах науки, культуры, делопроизводства, обслуживания, в эпиграфике, в средствах массовой информации и т.д.» [9. С. 213]. Думается, это была вполне адекватная реакция на то, что С.Т. Золян описал так: «...там, где пропадает русский (язык — *А.Л.*), он не замещается иным, там образуется вакуум» [10. С. 380].

Общественное противодействие форсированному всеобщему переходу на белорусский язык отражали многочисленные социологические исследования, согласно данным которых от 60 до 75% населения хотели придания статуса государственному русскому языку. А по результатам общегосударственного референдума 1995 года за это проголосовали 83,3% избирателей. Именно эта поправка к конституции стала отправной точкой оформления действующих принципов языковой политики Беларуси.

Только три года спустя конституционное изменение нашло отражение в Законе о языках, который допускает варьирование в использовании языков: например, «учебная и воспитательная работа в общеобразовательных школах ведется на белорусском и (или) русском языках», однако «руководители и другие сотрудники системы образования должны владеть белорусским и русским языками».

С началом 2000-х годов принятого на общенациональном плебисците решения и отмеченного выше Закона готовятся все нормативно-правовые акты. Так, За-

кон о государственной службе требует от служащих «владение государственными языками Республики Беларусь», Закон об обращениях граждан и юридических лиц закрепляет право на выбор государственного языка для обращения как в государственные, так и иные учреждения и организации, с обязательным получением ответа на языке заявителя. Кодекс РБ об образовании дает родителям право выбирать язык обучения, а государство гарантирует реализовывать это право посредством сети учреждений образования.

Все это стало следствием качественно высокого уровня устойчивости русского языка в Республике Беларусь. Так, по данным проведенного в 2020 году комплексного исследования об использовании в государственно-общественной сфере, в образовании и научной коммуникации русского языка в постсоветских странах интегральный показатель его устойчивости в Беларуси составил 25,00 пунктов. При этом следующая в рейтинге страна — Казахстан — имеет суммарный индекс 14,29 [11].

Заключение

Критический обзор процессов формирования белорусской государственной языковой политики в аспекте развития национального законодательства показывает, что вопросы его нормализации во многом были связаны с политическими процессами конца 1980 — начала 1990-х годов. Подъем национальных идей в отдельных моментах перерастал в националистические позиции, среди которых было и стремление любым способом отделиться от «русского мира». Очевидным инструментом реализации этого направления стал белорусский язык, который форсированно вводился во все сферы официальной коммуникации, образование, культуру и т.д. Однако отсутствие общественного запроса на белорусизацию повлияло на эффективность в продвижении национального языка.

После принятия на общереспубликанском референдуме поправки, закрепляющей статус государственного и за русским языком, белорусский язык окончательно потерял свое влияние и сегодня практически вытеснен из официально-деловой коммуникации, образования, оставшись лишь в сфере культуры. При этом изменилось и его функциональное значение: доминирующую роль заняла символическая функция. Белорусский язык сегодня — это особый сакральный символ национального самоопределения и этнической самоидентификации белорусов.

Список литературы

1. *Дешериев Ю.Д.* Языковая политика // Лингвистический энциклопедический словарь / глав. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990.
2. *Бахтикиреева У.М.* К вопросу о роли языка в национальных конфликтах // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире / отв. ред. А.Н. Биткеева, В.Ю. Михальченко. М.: Институт языкознания РАН, 2014. С. 241—245.
3. *Фадеев В.В.* Языковая политика и культура мира // Лесной вестник. 2001. № 3. С. 9—10.

4. Золян С.Т. Русский язык в Армении в контексте его функционирования в мире: опыт междисциплинарного исследования. Ч. I: Правовые инструменты развития и защиты. Ереван: Издательство РАУ, 2018.
5. Wexle P. Belorussification, Russification and Polonization Trends in the Belorussian Language 1890—1982 // Sociolinguistic Perspectives on Soviet national languages: Their Past, Present and Future. Berlin; New York; Amsterdam: Mouton de Gruyter, 1985. P. 38—45.
6. Khalidov A.I. Ecolinguistic Problems of the North Caucasus in the Context of Language // Journal of Siberian Federal University: Humanities and Social Sciences. 2017. Issue 10. № 1. P. 25—39.
7. Мечковская Н.Б. Языковая ситуация в Беларуси: этические коллизии двуязычия // Russian Linguistics. 1994. Т. 18. С. 299—322.
8. Костюк М.Е. Государственная языковая политика России: проблемы формирования и перспективы реализации // Вестник Российской нации. 2010. № 4—5 (12—13). С. 224—237.
9. Конюшкевич М.И. Языковая ситуация в Белоруссии и особенности функционирования русского и белорусского языков // Язык в контексте общественного развития / ред. В.М. Солнцев, В.Ю. Михальченко, Т.Б. Крючкова. М.: АРС, 1994. С. 211—215.
10. Золян С.Т., Акопян К.С. Русский язык в Армении: история и современный статус // X Годичная научная конференция: социально-гуманитарные науки. Ч. III. Ереван: Изд-во РАУ, 2016. С. 373—382.
11. Индекс положения русского языка в мире: индекс глобальной конкурентоспособности (ГК-Индекс), индекс устойчивости в странах постсоветского пространства (УС-Индекс) / сост. А.Л. Арефьев и др. / под ред. М.А. Осадчего. М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2020.

References

1. Desheriev, Ju.D. 1990. “Jazykovaja politika”. In *Lingvisticheskiĭ jenciklopedicheskiĭ slovar’*. Chief editor V.N. Jarceva. Moscow: Sovetskaja jenciklopedija publ. Print. (In Russ.)
2. Bahtikireeva, U.M. 2014. “K voprosu o roli jazyka v nacional’nyh konfliktah”. Language policy and language conflicts in the modern world. Chief editor A.N. Bitkeeva, V.Ju. Mihal’chenko. Moscow: Institut jazykoznanija RAN publ. Print. Pp. 241—245. (In Russ.)
3. Fadeev, V.V. 2001. Language policy and culture of the world. *Forets Bulletin* 3: 9—10.
4. Zoljan, S.T. 2018. *Russkij jazyk v Armenii v kontekste ego funkcionirovanija v mire: Opyt mezhdisciplinarnogo issledovanija. Part I: Pravovyje instrumenty razvitija i zashhity*. Erevan: Izdatel’stvo RAU publ. Print. (In Russ.)
5. Wexler, P. 1985. Belorussification, Russification and Polonization Trends in the Belorussian Language 1890—1982. *Sociolinguistic Perspectives on Soviet national languages: Their Past, Present and Future*. Berlin; New York; Amsterdam: Mouton de Gruyter, 1985. 38—45. Print.
6. Khalidov, A.I. 2017. Ecolinguistic Problems of the North Caucasus in the Context of Language. *Journal of Siberian Federal University: Humanities and Social Sciences* 10 (1): 25—39.
7. Mechkovskaja, N.B. 1994. Language situation in Belarus: Ethical collisions of bilingualism. *Russian Linguistics* 18: 299—322.
8. Kostjuk, M.E. 2010. State language policy of Russia: problems of formation and prospects for implementation. *Bulletin of the Russian nation* 4—5 (12—13): 224—237.
9. Konjushkevich, M.I. 1994. “Jazykovaja situacija v Belorussii i osobennosti funkcionirovanija russkogo i belorusskogo jazykov”. In *Jazyk v kontekste obshhestvennogo razvitija*. Edited by V.M. Solncev, V.Ju. Mihal’chenko, T.B. Krjuchkova. Moscow: ARS publ. Print. 211—215. (In Russ.)
10. Zolyan, S.T., and Akopyan, K.S. 2016. “Russkij jazyk v Armenii: istorija i sovremennyj status”. In *Desjataja Godichnaja nauchnaja konferencija: Social’no-gumanitarnye nauki [Tenth Annual Scientific Conference: Social Sciences and Humanities]*. Part III. Yerevan: RAU Publishing House, 2016. P. 373—382. (In Russ.)

11. Index of the position of the Russian language in the world: the index of global competitiveness (GC-Index), the index of sustainability in the countries of the post-Soviet space (S-Index). 2020. Comp. A.L. Aref'ev, D.A. Gorbatova, V.A. Zhil'cov, S. Ju. Kamysheva, E.V. Koltakova, I.A. Maev, M.A. Osadchij, M.N. Ruseckaja, A.S. Hehtel', M.I. Jaskevich; Edit. M.A. Osadchego. Moscow, ARS publ. Print. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Лавицкий Антон Алексеевич — кандидат филологических наук, доцент, докторант Белорусского государственного педагогического университета, заведующий кафедрой иностранных языков и межкультурных коммуникаций Международного университета МИТСО. E-mail: anton_lavitski@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9102-4440>

Bio Note:

Anton Alexeevich Lavitski is a PhD (Philology), Associate Professor of Belarussian State Pedagogical University, Head of Department of Foreign Language and Cross-Cultural Communication of International University «MITSO». E-mail: anton_lavitski@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9102-4440>

DOI 10.22363/2618-897X-2022-19-1-86-97

Научная статья

Языковые проявления экстремизма в аспекте национальных законодательств Российской Федерации и Республики Беларусь

А.Л. Дединкин

Международный университет «МИТСО»,
Республика Беларусь, 210015, Витебск, ул. М. Шагала, д. 8А
✉ alexanderdedinkin@yandex.by

Аннотация. В условиях глобализации общества информация становится не просто суммой необходимых человечеству знаний, а средством манипуляции сознанием миллионов людей, способом разжигания розни и вражды. Вербальные преступления совершаются как в отношении прав и свобод человека, так и против мира и безопасности человечества. В последние годы как в России, так и в Беларуси участились вербальные правонарушения экстремистского толка. Для белорусского и российского лингвоправового дискурса это достаточно новое явление, интерес к которому предопределил цель данного исследования — изучить феномен вербального экстремизма в аспекте национальных законодательств Российской Федерации и Республики Беларусь. В качестве фактических данных были использованы конфликтогенные тексты экстремистского характера, изученные в аспекте их соответствия нормам уголовного законодательства (ст. 130 Уголовного кодекса Республики Беларусь и ст. 280 и 282 Уголовного кодекса Российской Федерации). Методология работы включает метод параметризации, логико-лингвистический, сравнительно-сопоставительный и лексико-семантический анализ. Объектом исследования является вербальный экстремизм. В проведенном исследовании внимание было уделено как теоретическому изучению феномена вербального экстремизма, так и практическому анализу конфликтогенных текстов. Общими признаками вербального экстремизма являются: абстрактность, повышенный эмоциональный фон передаваемой информации, псевдоневовлеченность человека в его распространение. Основным механизмом возбуждения (разжигания) розни является использование высказываний о превосходстве или исключительности доминантной группы в сопоставлении с биологической, социальной, нравственной дефективностью или порочностью рецессивной группы. Вербальным механизмом возбуждения (разжигания) вражды является формирование дефективного или враждебного образа рецессивной группы, когда представителям данной группы приписывается либо желание вести иждивенческий образ жизни за счет членов доминантной группы, либо они обвиняются в изначальной враждебности к доминантной группе, в подготовке тайных планов по ее уничтожению. Полученные результаты свидетельствуют о том, что в белорусском и российском законодательствах отражается схожее понимание категории вербального экстремизма.

© Дединкин А.Л., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

ма, что свидетельствует о постепенной гармонизации законодательных систем России и Беларуси в части оценки преступлений против мира и безопасности человечества.

Ключевые слова: экстремистский текст, вербальный экстремизм, речевое манипулирование, речевая агрессия, доминантная группа, рецессивная группа

История статьи: дата поступления в редакцию: 01.11.2021; дата принятия к печати: 07.01.2022

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: *Дединкин А.Л. Языковые проявления экстремизма в аспекте национальных законодательств Российской Федерации и Республики Беларусь. 2022. Т. 19. № 1. С. 86—97. DOI 10.22363/2618-897X-2022-19-1-86-97*

Research Article

Linguistic Manifestations of Extremism in the Aspect of National Legislation of the Russian Federation and the Republic of Belarus

A.L. Dziadzinkin

International University «MITSO»
bldg. 8A, M. Shagal Str., Vitebsk, 210015, Republic of Belarus
✉ alexanderdedinkin@yandex.by

Abstract. In the context of globalization of society, information becomes not just the sum of knowledge necessary for mankind, but a means of manipulating the consciousness of millions of people, a way of inciting hatred and enmity. Verbal crimes are committed against both human rights and freedoms and against the peace and security of mankind. In recent years, both in Russia and in Belarus, verbal offenses of an extremist nature have become more frequent. For the Belarusian and Russian linguistic and legal discourse, this is a fairly new phenomenon, the interest in which predetermined the purpose of this study — to study the phenomenon of verbal extremism in the aspect of the national legislation of the Russian Federation and the Republic of Belarus. The factual data were conflictogenic texts with extremist focus that were analyzed from a legal standpoint (Article 130 of the Criminal Code of the Republic of Belarus and Articles 280 and 282 of the Criminal Code of the Russian Federation). The methodology of the research comprises the method of parametrization and logical-linguistic, comparative and lexical-semantic analyses. The object of the research is verbal expressions of extremism. In this study, attention was paid to both the theoretical study of the phenomenon of verbal extremism and the practical analysis of conflictogenic texts. Common signs of verbal extremism are: abstractness, heightened emotional background of transmitted information, pseudo-non-involvement of a person in its dissemination. The main mechanism of sowing (inciting) discord is the use of expressions stating the superiority or exclusiveness of the dominant group as compared to the biological, social or moral defectiveness or depravity of the subgroup. The verbal mechanism of sowing (inciting) hatred is creation of defective or hostile images of the subgroup, when its members are attributed either a desire to lead parasitic lifestyles at the expense of the members of the dominant group, or they are accused of innate hostility to the dominant group and conspiring its destruction. The results obtained indicate that the Belarusian and Russian legislation reflects a similar understanding of the category of verbal extremism, which

indicates the gradual harmonization of the legislative systems of Russia and Belarus in terms of assessing crimes against the peace and security of mankind.

Key words: extremist text, verbal extremism, speech manipulation, speech aggression, dominant group, recessive group

Article history: received: 01.11.2021; accepted: 07.01.2022

Conflict of interests: none

For citation: Dziadzinkin, A.L. 2022. “Linguistic Manifestations of Extremism in the Aspect of National Legislation of the Russian Federation and the Republic of Belarus”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 19 (1), 86—97. DOI 10.22363/2618-897X-2022-19-1-86-97

Введение

На современном этапе развития общества информация становится не просто суммой необходимых человечеству знаний [1. С. 824], а средством манипуляции сознанием миллионов людей, способом разжигания розни и вражды. Вербальные преступления совершаются как в отношении прав и свобод человека (к примеру, оскорбление или клевета), так и против мира и безопасности человечества (речь идет о различных проявлениях вербального экстремизма) [2. С. 313].

Правовая составляющая вербального экстремизма отображена в Законе РБ от 04.01.2007 № 203-З «О противодействии экстремизму» и Законе РФ от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». При этом в правовом поле Союзного государства России и Беларуси сам термин «вербальный экстремизм» (как и выражения «язык вражды», «риторика ненависти») не употребляется. Действительно, в данном случае его нельзя рассматривать как вид экстремизма наравне с религиозным или национальным. Связано это с тем, что зачастую проявления обозначенных видов экстремизма реализуются посредством именно речевой деятельности. Кроме того, в правовом понимании категория «вербальный экстремизм» не отражает объекта девиантного воздействия.

Ученые, в отличие от законодателей, выделяют вербальный экстремизм. Данное понятие (или его синонимичные варианты: «словесный», «лингвистический», «языковой», «речевой») присутствует в работах М.В. Аблина, О.В. Артемьевой, М.С. Власова, Д.В. Морозова, Т.В. Романовой, Н.А. Сергиенко, С.С. Фолимонова и др. [3. С. 213]. Кроме этого, термин «вербальный экстремизм» широко применяется лингвистами в экспертной практике.

Цель настоящего исследования — изучить феномен вербального экстремизма в аспекте национальных законодательств Российской Федерации и Республики Беларусь. В качестве фактических данных были использованы конфликтогенные тексты экстремистского характера, изученные в аспекте их соответствия нормам уголовного законодательства (ст. 130 Уголовного кодекса Республики Беларусь и ст. 280 и 282 Уголовного кодекса Российской Федерации). Методологическую базу исследовательской работы составили метод параметризации, логико-лингвистический, сравнительно-сопоставительный и лексико-семантический анализ. Объектом исследования является вербальный экстремизм.

Обсуждение

Границы вербального экстремизма целесообразно определять посредством указания на вербальные правонарушения, среди которых пропаганда превосходства или неполноценности граждан, публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, реабилитация нацизма, распространение заведомо ложных сведений о положении государства, оскорбление представителя власти.

Терминологизация лексемы «вербальный экстремизм», как и любого другого юрислингвистического понятия [4. С. 195], возможна только с опорой на действующее законодательство. Именно так к данному вопросу подходит целый ряд российских исследователей. К примеру, В.А. Грушихина в состав вербального экстремизма включает «случаи проявления лицами ненависти и вражды по мотивам пола, расы, национальности, языка, происхождения при публичных выступлениях на митингах, в сети Интернет, СМИ с использованием слов (выражений)» [5. С. 48]. «Перечислительный» способ определения вербального экстремизма представлен в работе Е.И. Галяшиной: «... это целенаправленный акт публичной передачи сообщений в форме устных или письменных речевых высказываний, которые призывают или подстрекают к осуществлению, инициируют, провоцируют или руководят противоправными действиями экстремистского толка; оправдывают или обосновывают их; пропагандируют нацистскую или сходную с ней до степени смешения символику и атрибутику; направлены на возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды либо ненависти, включая передачу информации языковыми средствами в публичных выступлениях, печатных изданиях, средствах массовой информации (радио, телевидение)» [6. С. 18].

Вербальные правонарушения имеют ряд специфических характеристик: полиадресность, масштабность последствий, непроверенность используемых данных, а также самотиражируемость информации. Таким образом, основное отличие вербального экстремизма в том, что это не конкретное действие, а процесс, имеющий отложенную цель и длительный период реализации.

В рамках классификации вербального экстремизма выделяют пропагандистский и агитационный тексты, эксплицитную и имплицитную речевую агрессию [7. С. 98].

Пропагандистский текст включает информацию, которая направлена на формирование лишь тех или иных идеологических установок и может не выражаться в осуществлении конкретных противоправных действий. Агитационный текст, в свою очередь, содержит призыв к этим действиям. Таким образом, пропагандистский текст обычно предшествует агитационному, поскольку экстремистская деятельность не может осуществляться без определенных убеждений.

Эксплицитная речевая агрессия в экстремистском тексте понимается как резкая форма агрессии. К языковым средствам, которые употребляются при выражении данного типа агрессии, относят экспрессивно окрашенную лексику, инвективы, грубо-просторечные слова и словосочетания, жаргонную лексику, а также высказывания, демонстрирующие открытую враждебность к реципиенту: угрозу или оскорбление. Имплицитная речевая агрессия в экстремистском тексте

предполагает более мягкое проявление агрессии. К средствам выражения данного типа речевой агрессии относят: намеки, «искажение фактов», «неправомерное обобщение», «иронические замечания», «скрытые угрозы», а также пассивные формы коммуникации — «перебивание» или «лишение слова».

Каждый из видов вербального экстремизма имеет свои отличительные черты, но общими признаками в данном случае являются: абстрактность (невывявленность конечной цели), повышенный эмоциональный фон передаваемой информации, псевдоневовлеченность человека в его распространение (обладатель экстремистской информации потенциально может стать не только ее носителем, но и ретранслятором).

Как белорусское, так и российское законодательство имеет аналогичный подход к пониманию проявления вербального экстремизма, что свидетельствует о постепенной гармонизации законодательных систем России и Беларуси в части оценки преступлений против мира и безопасности человечества:

Белорусское законодательство

- 1) разжигание расовой, национальной, религиозной либо иной социальной вражды или розни, политической или идеологической вражды, вражды или розни в отношении какой-либо социальной группы;
- 2) пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности;
- 3) публичные призывы к экстремистским действиям и публичное оправдание таких действий.

Российское законодательство

- 1) возбуждение расовой, национальной или религиозной розни, а также социальной розни, связанной с насилием или призывами к насилию;
- 2) пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности;
- 3) публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности или совершению указанных действий.

Отметим, что в российском законодательстве речь идет о возбуждении розни, а в белорусском — о розне и вражде. Безусловно, эти понятия следует различать. Под *рознью* мы понимаем существенные различия между объектами, их противоположность и несовместимость, под *враждой* — отношения и действия, которые мотивированы чувством неприязни или ненависти.

Также обратим внимание на отличия таких понятий, как *возбуждение* (в российском законодательстве) и *разжигание* (в белорусском законодательстве). Возбуждение розни или вражды, в отличие от их разжигания, на наш взгляд, не обязательно является умышленным. Для обоснования наличия признака разжигания розни или вражды необходимо доказать умысел в действиях автора экстремистского текста. Таким образом, разжигание розни или вражды — это осознанная провокация автора экстремистского текста.

Адресатами экстремистского дискурса являются, как правило, потенциальные единомышленники («друзья», «свои»), среди которых распространяется «воз-

буждающая» информация в отношении противников. «Чужие» («враги») являются объектами экстремистского воздействия. Таким образом, «свои» составляют доминантную, а «чужие» — рецессивную группу.

Возбуждать или разжигать рознь в экстремистских текстах — значит содействовать тому, чтобы представители доминантной группы понимали противоположность и несовместимость своих интересов с членами рецессивной группы. Тем самым между группами должно формироваться непреодолимое отчуждение.

Основным механизмом возбуждения или разжигания розни является использование высказываний о превосходстве или исключительности доминантной группы в сопоставлении с биологической, социальной, нравственной дефективностью или порочностью рецессивной группы.

Наиболее эффективно данный механизм осуществляется посредством распространения среди единомышленников соответствующих креолизованных текстов:

а) визуальный компонент — фашистский солдат (представитель «арийской расы») улыбается и кормит котенка (слева), а дети негроидной расы несут распятого на кресте котенка (справа); вербальный компонент (пояснительная надпись) — «Почувствуй разницу!»;

б) визуальный компонент — девушки славянской внешности отдыхают на природе (слева), и представители кавказских народов пасут отару овец (справа); вербальный компонент (пояснительная надпись) — «Каждому свое!»;

в) визуальный компонент — безоружные футбольные болельщики (вверху) и экипированные сотрудники милиции (внизу); вербальный компонент (пояснительная надпись) — «Слава — нам, позор — ментам».

Возбуждать (разжигать) вражду в экстремистских по содержанию текстах — значит содействовать тому, чтобы представители доминантной группы начали борьбу (в физической или вербальной форме) с рецессивной группой. Существуют два основных вербальных механизма возбуждения вражды, которые наиболее ярко отражаются в креолизованных текстах.

1. Формирование дефективного (неполноценного) образа рецессивной группы, когда представителям данной группы приписывается физическое или нравственное уродство, желание вести иждивенческий образ жизни за счет членов доминантной группы:

а) визуальный компонент — цыгане с детьми попрошайничают; вербальный компонент (комментарии) — «получают пособия на своих детей за счет наших работяг», «не хотят работать», «не знают нашего языка»;

б) визуальный компонент — изображены молодые люди в черных майках; вербальный компонент — надписи на майках: «Дагестан», «Чечня», «Азербайджан»; пояснительная надпись «Понаехали...».

2. Формирование враждебного образа рецессивной группы. К примеру, представители данной группы обвиняются в изначальной враждебности к доминантной группе, в подготовке тайных планов по ее уничтожению.

Что касается публичных призывов к экстремистским действиям, то здесь необходимо согласиться с позицией М.А. Осадчего [8. С. 29], который полагает, что вербальная составляющая призыва в наиболее общем виде характеризуется следующими лингвистическими признаками: наличием в высказывании вербаль-

ного императива; наличием в высказывании образа способа совершения действия; наличием в высказывании образа объекта действия; наличием в высказывании образа адресата.

Определим вербальную составляющую призывов экстремистского содержания, направленных на возбуждение вражды или розни по тому или иному признаку, например:

а) высказывание «Суки, быдло, резать их, убивать!»:

присутствуют вербальные императивы «убивать» и «резать», выраженные формой инфинитива; образ способа совершения действия является конкретным (убийство); образ объекта действия имеет максимальную степень проявления (из контекста видно, что речь идет о сотрудниках правоохранительных органов); образ адресата призыва характеризуется нулевой конкретностью (адресатом являются все читатели информационного ресурса).

Таким образом, перед нами сильный действенно-объектный призыв;

б) креолизованный текст: визуальный компонент — изображение расстрела человека из автомата; вербальный компонент (пояснительная надпись) — «Скажи кавказской оккупации “нет”! Ответ должен быть жесток!».

В данном креолизованном тексте: присутствует вербальный императив «Скажи “нет”!», выраженный императивной формой глагола и предикативом «нет»; образ способа совершения действия является конкретным (расстрел как «жесткий ответ»); образ объекта действия имеет максимальную степень проявления (речь идет о кавказской «оккупации»); образ адресата призыва характеризуется нулевой конкретностью.

Таким образом, перед нами сильный действенно-объектный призыв.

При подготовке заключения эксперту-лингвисту необходимо определить, по какому признаку осуществлялось возбуждение (разжигание) розни или вражды. Целесообразно выделять следующие признаки:

— национальный (к примеру, в отношении евреев — «пархатые», «жиды», «компромисс с евреями невозможен»);

— расовый (в отношении неевропеоидных рас: «Или мы, или они. Белый, очнись! счет идет на дни», «Будь белым! Бей первым!», «Место негров в тюрьме!»);

— религиозный (к примеру, сравнение пророка Мухаммеда с неграмотным);

— языковой (к примеру, в отношении цыган — «говорят по-тарабарски»);

— социальный (к примеру, в отношении такой социальной группы, как «сотрудники милиции» — «мусора», «акабы», «менты»; мигрантов — сравнение их с насильниками и террористами);

— идеологический (к примеру, в отношении сторонников левой идеологии — перечеркнутый лозунг «Слава коммунизму!»).

Экстремистский текст является реализацией персуазивной коммуникации, где речевая манипуляция становится основой взаимодействия. Вербальный экстремизм как вид экстремистской деятельности нацелен на результативность воздействия на личность. Анализ фактического материала (прецедентные случаи проявления экстремистского дискурса в русскоязычном коммуникативном пространстве; данные, полученные автором статьи в процессе проведения судебных лингвистических исследований) показывает, что авторы экстремистских текстов

используют целый ряд способов манипуляции, применяя соответствующие языковые приемы:

1) подмена понятий, когда вместо реальных виновников происшествия (возможно, представителей доминантной группы) обвиняются «чужие». К примеру, в войнах и терактах авторы экстремистских текстов безапелляционно обвиняют, как правило, мигрантов:

Мигранты — это инородная мразь. Не будет мигрантов — наша земля будет чистой, наши поля будут хлебными, наши женщины будут счастливыми. Мир станет лучше. Теракты прекратятся;

2) деаксиологизация символов. Примерами могут служить карикатуры на пророка Мухаммеда или перечеркнутые изображения символов ислама — полумесяца и звезды с пояснительными надписями: «Стоп, ислам!» и т.д.;

3) вербализация негативных характеристик, когда авторы экстремистских текстов приписывают членам рецессивной группы лишь отрицательные качества.

Цыгане занимаются грабежами, наркоторговлей, незаконным хранением оружия. Обычные занятия цыганок — гадание, попрошайничество и похищение детей. За отказ от гадания цыганки проклинают;

4) использование конструкций субъективизации информации в качестве аргументации. Изначально манипулятор использует категории «вероятно», «возможно», «скорее всего» (мусульмане, скорее всего, объявили новый джихад против христиан; китайцы, вероятно, хотят захватить наши земли, чтобы расширить свое жизненное пространство). После множественных упоминаний подобных конструкций последние становятся «обоснованными» утверждениями;

5) мифологизация текста с целью воздействия на эмоциональный мир реципиентов. К примеру, используется миф о мировом сионистском правительстве, существовании заговора, участниками которого являются евреи. Конечной целью такого заговора называется истребление белой расы:

Все евреи заодно, они склонны к заговорам, связаны круговой порукой и помогают своим по крови;

6) футуризация текстового содержания, когда авторы в экстремистском дискурсе при формировании образа врага информируют о «готовящихся провокациях» со стороны «чужих». К примеру, среди футбольных болельщиков распространяется информация об ожидаемых агрессивных действиях сотрудников милиции во время проведения ближайшего спортивного мероприятия:

Будьте внимательны! ОМОН с дубинками будет нападать со спины. Начнут всех валить по беспределу;

7) семантическая компиляция. При формировании образа врага авторы экстремистских текстов могут использовать неактуальные сюжеты применительно к текущим событиям. В креолизованных текстах зачастую наблюдается наложение на ранее демонстрируемое видео (к примеру, погромы, учиненные мигрантами в европейских городах) новой звуковой дорожки с необходимыми автору комментариями (к примеру, о необходимости изгнания мигрантов из страны);

8) указания на единение с аудиторией, когда авторы ссылаются, например, на коллективное мнение («общепризнано, что браки славянских девушек с “черными” приводят к вырождению белой расы...») или результаты псевдосоциологических исследований.

Таким образом, ключевым признаком экстремистского текста является оппозиционность доминантной и рецессивной групп («своих» и «чужих»).

Авторы экстремистских текстов в процессе воздействия на массы используют повышенный эмоциональный фон. Отсутствие рациональных доводов заменяется эмоциональностью способов и средств трансляции информации, что приводит к более ускоренному процессу принятия сообщения, поскольку не нужно тратить время на осознание логических связей. Использование различных средств выразительности создает качественный и четкий образ «врага». При этом отсутствие конкретных доказуемых фактов затрудняет и возможность опровержения утверждений, воспринимаемых как догмат.

Средства интимизации и диалогизации повествования оказывают сильное воздействие на адресата, который вовлекается в «беседу», становится соучастником группы «посвященных», допускается к чему-то, как он считает, запретному. Обращения, риторические призывы, императивные конструкции вместе с ориентацией на индивидуализацию сообщаемого провоцируют человека на ответную откровенность в выражении собственных мыслей и чувств, что в дальнейшем используется авторами экстремистских текстов для манипулирования.

Зачастую в экстремистских по содержанию текстах используются синонимические и антонимические ряды, посредством которых актуализируется рознь между единомышленниками и представителями «чужих», что способствует первоначально нетолерантному отношению к членам рецессивной группы, а затем и к разжиганию вражды и розни по тому или иному признаку.

Одновременно с созданием негативного образа одной группы формируется позитивный образ другой, что усиливает в сознании реципиента восприятие базовых характеристик каждой из противопоставленных групп, поляризуя их. Так, можно отметить, что не только тексты с отрицательной маркированностью имеют экстремистский характер, но и излишне позитивные образы могут преследовать ту же цель. В частности, постоянное повторение информации о величии расы или нации формирует параллельно с развитием возвышенных чувств и ложное чувство превосходства одной группы над другими, что может получить выражение в расизме, шовинизме и других проявлениях ксенофобии.

Помимо ярких эмоционально окрашенных противопоставлений имеет значение и количественный фактор. Чем чаще встречается однотипная информация, тем больше в нее начинает верить адресат. Часто пропагандисты создают не воздействующее сообщение, а просто много клонированной информации в различных источниках, что постепенно оказывает требующийся эффект узнавания и, как следствие, доверие и принятие факта достоверности. При этом за лексическими единицами в сознании индивида закрепляются негативные коннотации, которые «сопровождают» основную лексему. Например, за определенными национальными или религиозными группами закрепляются клише и стереотипы, которые всегда всплывают в памяти при номинировании этой группы лиц.

Информация, которая имеет манипулятивный характер, как правило, ориентирована на среднестатистического индивида, поэтому отличается упрощенностью как лексической, так и семантической. Экстремистские тексты не содержат в своем составе сложных синтаксических конструкций или терминологических окказионализмов, которые могли бы затруднить восприятие. Можно заметить, что среди группы риска чаще оказываются маргинальные личности, что предопределяет и выбор средств информирования.

Структура повествования чаще всего предполагает возможность тиражирования информации, что, в свою очередь, расширяет круг потенциальных адресатов, а значит, создает образ неопределенного субъекта, который должен понять смысл послания. При этом существуют сообщения и четко адресованные к определенным социальным группам, где авторы максимально используют реалии потенциального индивида и актуализируют профессиональную или идеологическую информацию, затемняящую восприятие смысла для иных субъектов.

Креолизованные тексты имеют значительно больший уровень воздействия по сравнению с однокодowymi. Поликодовые тексты, включающие в свой состав знаки различных семиотических систем, оказывают воздействие на реципиентов с разными типами восприятия информации, темперамента, возрастных и гендерных особенностей. Сочетание словесной части с графической, добавление статических и динамических изображений, звуковой составляющей обеспечивают одновременное воздействие сразу на несколько каналов восприятия информации.

Еще одна очень важная характеристика экстремистских текстов, позволяющая манипулировать адресатами, заключается в том, что информация в них должна быть максимально актуальной, без отсылки на события или явления, давно забытые общественностью. Экстремистские тексты содержательно следуют за новостными, они повторяют ключевую информацию, переосмысляя ее и расставляя необходимые для манипулятора акценты. Таким образом авторы добиваются узнаваемости сообщаемого и, что не менее важно, обеспечивают себе контингент приверженцев, т.к. это востребованный сектор информационного рынка.

Заключение

Вербальный экстремизм — это особая форма речевого манипулирования адресатом, при которой воздействие осуществляется как эксплицитно, так и имплицитно, способствуя совершению индивидом правонарушений, угрожающих общественной и государственной безопасности. В процессе информационного воздействия пропагандисты и агитаторы используют различные приемы и тактики, ориентированные на субъективные и социальные особенности восприятия информации, при которых возбуждается рознь или вражда между представителями различных групп по признакам социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности. Воздействие на адресата при этом предполагает со стороны манипулятора наличие определенного набора знаний о личности потенциального последователя, что позволит использовать его слабые стороны в процессе воздействия. Экстремистские тексты во многом имеют личностно ори-

ентированный характер, при этом не являясь субъективными, сохраняя возможность для их самотиражирования в процессе передачи от коммуникатора к реципиенту. Соответствующее белорусское и российское законодательства имеют схожие ориентиры в оценке сущности проявления вербального экстремизма, что свидетельствует о постепенной гармонизации правовых систем России и Беларуси в части оценки преступлений против мира и безопасности человечества.

Список литературы

1. *Маслова В.А.* Через синергетический союз лингвистики с другими науками — к новым проблемам и направлениям // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 3. С. 823—847. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-823
2. *Лавицкий А.А.* Русскоязычный правовой дискурс: правонарушение, совершаемое вербальным способом // Русистика. 2019. Т. 17. № 3. С. 300—314. doi:10.22363/2618-8163-2019-17-3-300-314
3. *Громова Н.С.* Вербальный экстремизм: к вопросу о границах термина // Вестник КГУ. 2017. № 3. С. 213—214.
4. *Маслова В.А., Лавицкий А.А.* Власть политическая и судебная: трансфер идей и терминов // Политическая лингвистика. 2019. № 6. С. 189—196. doi: 10.26170/pl19-06-24
5. *Грушихина В.А.* К вопросу о проблемах выявления вербального (словесного) экстремизма путем использования специальных знаний // Современность в творчестве талантливой молодежи. Вып. 17. Иркутск, 2016. С. 46—50.
6. *Галышина Е.И.* Лингвистика vs экстремизма: в помощь судьям, следователям, экспертам / под ред. проф. М.В. Горбаневского. М.: Юридический мир, 2006.
7. *Мокрецова В.М.* Распространение вербального экстремизма в информационном пространстве как угроза формирования современной личности // V Международный научный форум «Интегративный подход в профилактике зависимостей в молодежной среде в условиях цифровизации»: сб. научных статей. Ростов, 6—7 декабря 2018 года / отв. ред. Т.Т. Щелина. Ростов-н/Д: ЮФУ, 2018. С. 94—113.
8. *Осадчий М.А.* Русский язык в судебном процессе. М.: URSS, 2019.

References

1. Maslova, V.A. 2021. Through the Synergetic Union of Linguistics and Other Sciences — to New Challenges and Directions. RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics 12(3): 823—847. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-823 (In Russ.)
2. Lavitski, A.A. 2019. The Russian language legal discourse: offences committed verbally. Russian Language Studies 17(3): 300—314. doi:10.22363/2618-8163-2019-17-3-300-314 (In Russ.)
3. Gromova, N.S. 2017. Verbal extremism: on the question of the boundaries of the term. Bulletin of KSU 3: 211—214. Print. (In Russ.)
4. Maslova, V.A., Lavitski, A.A. 2019. Political and Judicial Power: Transfer of Ideas and Terms. Political Linguistics. No. 6 (78). P. 189—196. doi: 10.26170/pl19-06-24
5. Grushihina, V.A. 2016. K voprosu o problemah vyjavlenija verbal'nogo (slovesnogo) jekstremizma putem ispol'zovanija special'nyh znani. Sovremennost' v tvorchestve talantlivoj molodezhi. Vol. 17. Irkutsk: FGKOU VO VSI MVD RF publ. Print. Pp. 46—50. Print. (In Russ.)
6. Galjashina, E.I. 2006. Linguistics vs extremism: to help judges, investigators, experts / Ed. prof. M.V. Gorbanevsky. Moscow: Juridicheskij Mir Publ. Print. (In Russ.)
7. Mokrecova, V.M. 2018. "Rasprostranenie verbal'nogo jekstremizma v informacionnom prostranstve kak ugroza formirovanija sovremennoj lichnosti". In V International Scientific Forum "An integrative approach to the prevention of addictions among youth in the context of digitalization".

T.T. Shchelina (Editor-in-chief). Rostov, Dec., 6–7, 2018. Rostov-n/D: JuFU publ. Pp. 94–113. Print. (In Russ.)

8. Osadchij, M.A. 2019. *Russkij jazyk v sudebnom processe*. Moscow: URSS publ. Print. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Дединкин Александр Леонидович — кандидат исторических наук, доцент, директор Витебского филиала Учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет «МИТСО». E-mail: alexanderdedinkin@yandex.by
ORCID: 0000-0003-1029-0788

Bio Note:

Aliaksandr Leonidovich Dziadzinkin is a PhD., Director of Branch, Vitebsk Branch of the Federation's of Trade Unions Educational Institution of Belarus «International University «MITSO». E-mail: alexanderdedinkin@yandex.by
ORCID: 0000-0003-1029-0788

DOI 10.22363/2618-897X-2022-19-1-98-106

Research Article

Language Code Mixing in the Discourse of IT Companies

T.V. Poplavskaya , O.A. Choumanskaya

Minsk State Linguistic University,
21, Zaharova Str., Minsk, 220034, Republic of Belarus
 taniapoplavskaia@gmail.com

Abstract. The mixing of English with national languages in business communication is a consequence of global processes: the development of transnational corporations, modern technologies, the intensification of communication flows and the dominance of English in intercultural communication. Mixing and switching of language codes is quite often observed in the corporate media discourse of IT companies. For organizations in this sphere, English is the main language of business communication, but its use goes beyond professional slang and terminology, creating characteristic forms of language codes mixing. The purpose of the research presented in the article is to identify and analyze situations of mixing English and Russian in the corporate media discourse of IT companies. The research material was corporate media texts in Russian and English posted on the pages of official websites, corporate blogs and in the social networks Twitter and Facebook. In the analyzed texts in Russian, English inclusions (phrases, individual words and their parts) are often observed to denote work programs and tools, corporate events. As part of the professional slang of IT professionals, English words are transmitted using the Cyrillic alphabet and in accordance with the rules of Russian grammar. The influence of English on Russian media discourse in the IT field is also observed in the expansion of the meanings of some words. In Russian media texts, there are also phrases that are not typical for the Russian language, but represent a literal translation of English phrases. English-language sentences are used in Russian texts as mottos or slogans of the company, as congratulations or advice. As a result of the content analysis of the selected media texts, it was also found that along with the English language, the values typical for the discourse of American corporations are being borrowed. It was found that the value dominants of the corporate discourse of IT companies are “change” and “progress”, “success”, “equality”, “partnership”.

Key words: language code mixing, language code switching, corporate media discourse, globalization, English

Article history: received: 01.11.2021; accepted: 07.01.2022

Conflict of interests: none

© Poplavskaya T.V., Choumanskaya O.A., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

For citation: Poplavskaya, T.V., Choumanskaya O.A. 2022. “Language Code Mixing in the Discourse of IT Companies”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 19 (1), 98—106. DOI 10.22363/2618-897X-2022-19-1-98-106

Научная статья

Смешение языковых кодов в дискурсе ИТ-компаний

Т.В. Поплавская , О.А. Шуманская

Минский государственный лингвистический университет,
Республика Беларусь, 220034, Минск, ул. Захарова, 21
 taniapoplavskaia@gmail.com

Аннотация. Смешение английского языка с национальными в деловой коммуникации является следствием глобальных процессов: развития транснациональных корпораций, современных технологий, интенсификации коммуникативных потоков и доминирования английского языка в межкультурной коммуникации. Смешение и переключение языковых кодов достаточно часто наблюдается в корпоративном медиадискурсе ИТ-компаний. Для организаций этой сферы английский служит основным языком делового общения, но его употребление часто выходит за рамки профессионального сленга и терминосистемы, образуя характерные формы смешения языковых кодов. Цель представленного в статье исследования заключается в определении и анализе ситуаций смешения английского и русского языков в корпоративном медиаопосредованном дискурсе ИТ-компаний. Материалом исследования послужили русскоязычные и англоязычные корпоративные медиатексты, размещенные на страницах официальных сайтов, корпоративных блогов и в социальных сетях Twitter и Facebook. В проанализированных русскоязычных текстах достаточно часто наблюдаются англоязычные включения (словосочетания, отдельные слова и их части) для обозначения рабочих программ и инструментов, корпоративных мероприятий. Являясь частью профессионального сленга ИТ-специалистов, английские слова передаются при помощи кириллицы и в соответствии с правилами русской грамматики. Влияние английского языка на русскоязычный медиадискурс в сфере ИТ наблюдается и в расширении значений некоторых слов. В русскоязычных медиатекстах также встречаются словосочетания, не характерные для русского языка, но представляющие собой дословный перевод английских словосочетаний. Англоязычные предложения используются в русскоязычных текстах в качестве девизов или слоганов компании, как поздравления или советы. В результате контент-анализа отобранных медиатекстов было установлено, что вместе с английским языком происходит заимствование ценностей, характерных для англоязычного дискурса американских корпораций. Ценностными доминантами корпоративного дискурса ИТ-компаний являются «изменение» и «прогресс», «успех», «равенство», «партнерство».

Ключевые слова: смешение языковых кодов, переключение языковых кодов, корпоративный медиадискурс, глобализация, английский

История статьи: дата поступления в редакцию: 01.11.2021; дата принятия к печати: 07.01.2022

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Поплавская Т.В., Шуманская О.А. Смешение языковых кодов в дискурсе ИТ-компаний // Полилингвальность и транскультурные практики. 2022. Т. 19. № 1. С. 98—106. DOI 10.22363/2618-897X-2022-19-1-98-106

Introduction

English, as the dominant language of intercultural professional communication [1—5], vividly manifests itself in this quality in the corporate discourse of IT companies. As a language of international communication in the field of computer technology, it goes beyond the terminological system and professional slang, creating particular situations of mixing codes. It is displayed in:

- the inclusion of English lexical elements in a foreign-language text in their authentic spelling;
- the inclusion of English lexical elements in a foreign-language text in the spelling of the language of the text;
- changing the English-language lexical components according to the rules of the text language while maintaining the authentic spelling;
- changing the English-language lexical components in the spelling of the language of the text according to the rules of the language of the text;
- switching codes: English and foreign.

The material for the study was Russian and English media texts of Belarusian IT companies posted on the pages of official websites, corporate blogs, and on Twitter and Facebook social networks. The material also includes English media texts of 100 Polish IT companies posted on official websites. All of the texts were selected with the help of the continuous sampling method. The method of content analysis [6—9] was applied to determine culturally specific similarities and differences in the content of corporate media discourse of IT companies from different countries.

Discussion

A characteristic feature of the corporate media discourse of IT companies is the predominance of media texts in English. One hundred companies analyzed by us have English versions of their websites, 48 out of 57 corporate blogs contain texts in English, the main language of 45 official Twitter pages of companies is English, and only in two cases the main language of communication is Russian. Within the Facebook social network, the ratio of official pages in these languages is: 22 pages in Russian and 38 in English. Such a ratio of media texts in Russian and English, with the predominance of the latter, is explained by the specifics of the activities of IT companies. They are mainly focused on the western market. For them, English is the main means of communication with a foreign audience, including potential and actual clients and partners. The influence of the English language on the corporate media discourse of IT companies can also be traced in Russian-language publications posted on the official pages of the Facebook social network. In Russian media texts, English inclusions are often found. So, words in English are used as components of complex words or phrases in Russian: *Давайте вместе строить будущее технологий и digital-трансформации!* (Let's build the future of

technology and digital transformation together!); *представили проект — “HR в online”* (Presented the project — “HR in online”), *автоматизация основных HR-процессов* (automation of the main HR-processes); *наш .NET-разработчик Вадим Папко* (Our .NET developer Vadim Papko); *Salesforce-разработчик* (Salesforce Developer); *web-основы* (Web-bases); *winter mood во всех офисах* (winter mood in all offices); *CRM-система* (CRM system); *IT-мурал* (IT-mural); *демо-версия* (Demo version); *Agile-методологию* (Agile Methodology).

As a rule: the elements of the English language are used:

– to indicate work programs and tools: *NET-разработчик Вадим Папко рассказал о своем карьерном пути и наглядно показал, над чем сейчас работает* (NET developer Vadim Papko told about his career path and clearly showed what he is working on now); *понимание front- и backend разработки* (the understanding of front and backend development); *опыт работы с React and webpack* (Experience with React and webpack); *дух инноваций и профессионального развития сотрудников, достигаемый через наши Centers of Excellence* (The spirit of innovation and professional development of our employees, achieved through our Centers of Excellence); *Представленный продукт — модуль Web-portal* (The presented product is the Web-portal module); *Мы запустили внутрикорпоративное приложение SaM MeetApp* (We have launched the in-house SaM MeetApp); *выступит с докладом «Технология Open API — фундамент финансовой экосистемы»* (Will make a presentation “Open API technology — the foundation of the financial ecosystem”);

– to name internal corporate events: *Каждый год организаторы FIRST Global Challenge выбирают глобальную проблему, на решение которой должны быть направлены работы участников. В этом году конкурс прошел под названием Ocean Opportunities* (Every year, the organizers of the FIRST Global Challenge choose a global problem to address which the participants’ work should be focused on. This year’s competition was called Ocean Opportunities); *Сегодня в городе Киеве проходит BUM SME Banking Club Conference 2019 — VIII ежегодная международная банковская конференция по малому и среднему бизнесу* (BUM SME Banking Club Conference 2019 — VIII Annual International Banking Conference on Small and Medium Business is taking place in Kiev today); *...выступает Партнером семинара по искусственному интеллекту и машинному обучению Семинар A! Day’s, который стартовал сегодня в Минске* (acts as a Partner of the Artificial Intelligence and Machine Learning Workshop Workshop A! Day’s, which started today in Minsk); *Давайте посмотрим на эмоции наших детей на волшебном детском празднике Itransition Magic Family Day и сами на минуту окупем-ся в сказку* (Let’s take a look at the emotions of our children at the Itransition Magic Family Day, and for a moment we ourselves will plunge into a fairy tale); *«□ На прошлой неделе Инватекс запустил Open Doors and Minds Day»* (Invatex launched Open Doors and Minds Day last week).

As a part of the professional slang of IT specialists, English words are spelled by means of the Cyrillic alphabet and in accordance with the rules of Russian grammar: *Также приглашаем всех желающих 26 ноября на гостевую лекцию, посвященную современным технологиям и фреймворкам разработки front-end приложений* (We also invite everyone on November 26 to a guest lecture on modern technologies and frameworks for developing front-end applications); *Предварительный собеседования — отличный спо-*

собь быстро шортлистит кандидатов (Pre-interviews are a great way to quickly shortlist candidates); P.S. Если бы я была в брюках, то был бы полный рапорт))) Лучшие спичить стоя... (P.S. If I were in trousers, there would be a full report))) Better to have a speech while standing...).

English sentences are used in Russian texts as:

– mottoes or slogans of the company. Thus, the presentation text of SaM Solutions begins with the English slogan «Value of Talent. Delivered» followed by the main part of the text in Russian: *Компания SaM Solutions является одним из ведущих поставщиков услуг по ИТ-консалтингу и разработке программного обеспечения под заказ (SaM Solutions is one of the leading providers of IT consulting and custom software development);*

– a part of advice or recommendations: *Будьте терпеливы и идите к целям постепенно, всего и сразу не бывает. Как говорится, one step at a time (поспешишь — людей насмешишь) (Be patient and go towards your goals gradually, everything does not happen at once. As they say, one step at a time (hurry up — make people laugh));*

– congratulations: *Happy Programmer's Day! (С Днем Программиста!) Мы запустили внутрикорпоративное приложение SaM MeetApp. Сделано сотрудниками для сотрудников (Happy Programmer's Day! We launched the in-house SaM MeetApp. Made by employees for employees).*

The influence of the English language on the Russian-language media discourse in the IT field is also observed in the expansion of the meanings of some words. For example, the word *экспертиза* (expertise), defined in Russian as “consideration of some questions by experts to give an opinion”, is used in media texts of Belarusian IT companies in the meaning of competence: *Уже 25 лет вы вместе с нами на пути полного погружения в высококачественную инженерную экспертизу (For 25 years you have been with us on the path of complete immersion in high-quality engineering expertise). The addition of a new meaning was influenced by the English word expertise, defined as: professional competence, special knowledge and skills.*

In Russian-language media texts, there are phrases that are not typical for the Russian language, but represent a literal translation of English phrases. For example, the phrase *сделать событие* is a literal translation of the English make an event, and *сделать игру* is make a game: *Поэтому вместе с Айтиландия мы сделали событие, где ребята: *делали компьютерные игры (Therefore, together with Aitilandia, we made an event where the guys: *made computer games).*

An interesting feature of the English-language media texts of Belarusian IT companies is the use of a large number of cliché phrases that are repeated many times in texts of various topics and are placed in different media formats: corporate blogs, websites, social networks. These phrases are used to implement one of 6 themes found in the analyzed media formats: “Partnership”, “Quality”, “Progress and Change”, “Expertise and Professionalism”, “Success and Supremacy”, “Attitude to Work” (Table 1).

The listed topics are thematic dominants, or the most stable, regularly reproduced topics, transmitting information that is significant from the point of view of the addressee [10. P. 1], in the analyzed media texts [11].

“Partnership” is a hot topic for professional media discourse. It is defined as “a type of constructive interaction aimed at achieving a common goal with equality in the rights and obligations of the parties” [12]. In the media texts of Belarusian IT companies, this

topic raises the question of what should be the relationship between customers and employees for the successful implementation of projects. Partnerships based on equal sharing of duties and responsibilities seem to be the key to productive work: our main goal is a continuous development and advancement in a united team. The theme “Quality” is dedicated to showcasing the high quality of the company’s products: “We focus more of our attention on the quality and reliability of our software development services”. The topic “Expertise and Professionalism” includes a description of the high level of professionalism and competence of the company’s employees: “Our ultimate goal is to be a reliable partner where our software experts are an integral part of the client team. The topic “Progress and Change” is an integral part of the media texts of IT companies: change and progress are undoubtedly viewed as positive processes that contribute to the growth of well-being and the development of society: «We are a software development company constantly growing in numbers, quality and competence».

Table 1

The clichés used in the English media texts of Belarussian IT-companies

Topics	Clichés
Partnership	We’re here to help with, successful cooperation with, trusted technology partner, to help with digital transformation, a reliable (partner, team)
Quality	Reliable solutions, high quality products, to build powerful software tools, ensure product quality
Progress and Change	quickly respond to changing technical and business requirements, next-gen products, digital transformation, professional growth; build digital future
Expertise and Professionalism	Years of experience, highly qualified professionals, teams of skilled developers, decades of expertise, experienced team of...
Success and Supremacy	global customers, enterprises, providers, leaders, superior IT company, find recognition, leading software development expert, global leader
Attitude to Work	To be passionate about, we’re happy to (help, work with), make clients happy

“Success and Supremacy” is the natural consequence of professional, hard and honest work to meet the needs of our customers. The topic “Attitude to Work” reveals the attitude of representatives of the IT sphere to their work: the main characteristics are enthusiasm and passion for their work. Curiosity and a desire to cope with new and complex tasks overpowers in real IT professionals the fear and reluctance to take on difficult tasks: «we are a team of specialists passionate about everything related to technologies».

To determine whether the listed topics and the ways of their verbal representation are a characteristic feature of the media discourse of Belarussian IT companies or a general characteristic of the media discourse of companies in this sphere, a content analysis of the English-language media texts of Polish IT companies was carried out. As a result, the same themes and common cliché phrases used to implement them were discovered (Table 2).

Moreover, the frequency of reference to some of the topics coincides in the English-language texts of Polish and Belarussian IT companies. For example, the topics “Expertise and Professionalism” and “Progress and Change” (Table 3).

Table 2

The comparative analysis of the media texts of Polish and Belarussian IT-companies in the English language

Topics	English media texts of the Polish IT-Companies	English media texts of Belarussian IT-Companies
Partnership	SoftKraft has been a very reliable partner for us	We are a reliable team of developers who care about your business
Quality	...meticulous testing minimizes the risk of error and ensures a high quality of the final product	We develop high quality software
Progress and Change	Digital transformation in the world of Intelligent Enterprises	our development team will help you fast-forward your Digital Transformation
Expertise and Professionalism	Our experienced team will help you achieve your business goal	Our experienced team will turn those ideas into a reality
Success and Supremacy	global healthcare providers	Global Leaders in Software Development
Attitude to Work	We would be happy to work with SoftKraft again	We are happy to work with big companies

Table 3

The frequency of reference to the topics “Expertise and Professionalism” and “Progress and Change” in the media texts of Polish and Belarussian IT-companies, in Percentage Terms

Topics	Media Texts of Polish Companies, in Percentage Terms	Media Texts of Belarussian companies, in Percentage Terms
Expertise and Professionalism	22.85	25.60
Progress and Change	22.78	24.82

The dominance of the English language in the IT discourse inevitably leads to the borrowing of the realities of the English-speaking culture and the expansion of values related to this culture, in particular to the culture of the United States. Thus, researchers attribute “changes” and “progress”, “success”, “equality” to the national values of this country, which form the American system of value attitudes and worldviews [13; 14]. According to Charles Redding and Edward Steele, “change” in American culture is associated with progress, of course, aimed at the development of the welfare of society [15]. “Success” in US culture is invariably associated with power and wealth, it is encouraged and welcomed in society, and is an attractive trait of individuals or companies to a wide audience. “Partnership” in business, based on the separation of duties and responsibility for the overall result in team affairs, is seen as one of the manifestations of “equality”, the basic national value of the United States (<https://careercenter.lehigh.edu/sites/careercenter.lehigh.edu/files/AmericanValues.pdf>).

Conclusion

A characteristic feature of the corporate media discourse of IT companies is the dominance of the English language. It manifests itself: 1) in the quantitative ratio of Russian-language and English-language publications with a predominance of the latter; 2) interspersed with English words, phrases and sentences in a foreign language; 3) the

expansion of the meanings of foreign words under the influence of the English language; 4) a high degree of cliché. The predominance of the English language in the foreign language corporate media discourse seems to be part of a more global process: the expansion of the English-language culture and related values.

References

1. Kaplan, R.B. 2001. In *The dominance of English as a language of science: effects on other languages and language communities*. Berlin: Mouton de Gruyter: 3—26.
2. Kaplan, R.B. 2001. *English — the accidental language of science?* Berlin; New York: 3—26.
3. Crystal, D. 2003. *English as a global language*. Second ed. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
4. Hall, S., Hobson, D., Lowe, A., Willis, P. 1980. *Culture, media, language: working papers in cultural studies*. London: Hutchinson. Print.
5. Sing, S.C. 2017. English as a lingua franca in international business contexts: pedagogical implications for the teaching of English for specific business purposes. *Handbook of business communication: linguistic approaches*. Berlin: De Gruyter Mouton: 319—356.
6. Berelson, B. 1952. *Content analysis in communication research*. Glencoe: Free Press.
7. Holsti, O.R. 1969. *Content analysis for the social sciences and humanities*. Reading: Addison-Wesley.
8. Efimova, N.V. 2015. *Praktikum po kontent-analizu : ucheb.-metod. posobie*. Minsk: BGU publ. Print. (In Russ.)
9. Lasswell, H. 2007. *Pochemu kolichestvennyj metod [Why be Quantitative]*. *Politicheskaja lingvistika* 2 (22): 177—186. Print. (In Russ.)
10. Miatlushka, I.U. 2015. *Kul’turno-tematicheskie dominanty hudozhestvennogo diskursa i jazykovye sredstva ih realizacii (na materiale anglijskogo i belorusskogo jazykov) [Cultural and Thematic Dominants in Belles-Lettres Discourse and Language Means of their Representation (the English and Belarusian Languages)]* PhD diss., MSLU publ. Print. (In Russ.)
11. Choumanskaya, O.A. 2019. *Kontent-analiz anglojazychnogo mediadiskursa belorusskikh IT-kompanij [The Content-analysis of the Belarusian IT-companies discourse in the English language]*, 72—79. *Vestnik MGLU. 1. Filologija*. Print. (In Russ.)
12. Shigabedinova, G.M. *Partnerstvo kak konstruktivnoe vzaimodejstvie: teoreticheskaja jekspozicija problemy [Partnership as a constructive interaction: theoretical exposition of the problem]* <http://www.fundamental-research.ru/ru/article/view?id=33611>. Web. (In Russ.)
13. Doran, C.J. *Measuring mainstream US cultural values*. *J. of Business Ethics*. 2013. 117 (2): 261—280.
14. Perrucci, R., Perrucci, C.C. *The good society: core social values, social norms, and public policy*. *Soc. Forum*. 2014. 29 (1): 245—258.
15. Steele, Edward D. 1962. *The American Value System: Premises for Persuasion*. *Western Speech* 26 (2): 83—91.

Bio Notes:

Tat'yana Viktorovna Poplavskaya is a Doctor of Philology, Full Professor, Head of Speechology and Communication Theory Department, Minsk State Linguistic University. E-mail: taniapoplavskaia@gmail.com

ORCID: 0000-0002-3228-7750

Olga Anatol'evna Choumanskaya is a Senior Teacher of Speechology and Communication Theory Department, Minsk State Linguistic University. E-mail: olga.shumanskaya@gmail.com

ORCID: 0000-0002-4415-0014

Сведения об авторах:

Поплавская Татьяна Викторовна — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой речеведения и теории коммуникации Минского государственного лингвистического университета. E-mail: taniapoplavskaia@gmail.com

ORCID: 0000-0002-3228-7750

Шуманская Ольга Анатольевна — старший преподаватель кафедры речеведения и теории коммуникации Минского государственного лингвистического университета. E-mail: olga.shumanskaya@gmail.com

ORCID: 0000-0002-4415-0014

БИЛИНГВАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ BILINGUAL EDUCATION

DOI 10.22363/2618-897X-2022-19-1-107-116

Научная статья

Тематически ориентированные уроки русского языка «О стране, о родине, о человеке»: метапредметный аспект

С.В. Николаенко

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова,
Республика Беларусь, 210038, Витебск, Московский проспект, 33
✉ ns-lk@mail.ru

Аннотация. Гуманитарные знания и связанные с ними умения (учебные/внеучебные, в современной терминологии hard/softskills) в образовательном процессе при обучении или изучении языков берут на себя «ответственность» не только за познавательную активность носителя языка, но и его поведенческие сценарии, что обеспечивает актуальность представленной работы. Цель статьи заключается в определении методических установок для работы на тематически ориентированных уроках русского языка в учреждениях образования Республики Беларусь по сохранению региональных/национальных «мест и образов памяти», презентуемых в художественных и публицистических текстах. Материалом послужили тексты Марка Шагала, Роберта Рождественского, Давида Симановича, направленные на воспитание поколенческой траектории средствами языка.

Ключевые слова: содержательно-речевой аспект, когнитивная интерпретация, когнитивно-эмоциональный уровень, воспитание, социокультурное развитие, фоновая информация, Марк Шагал, Роберт Рождественский, Давид Симанович, художественный текст

История статьи: дата поступления в редакцию: 01.11.2021; дата принятия к печати: 07.01.2022

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: Николаенко С.В. Тематически ориентированные уроки русского языка «О стране, о родине, о человеке»: метапредметный аспект. 2022. Т. 19. № 1. С. 107–116. DOI 10.22363/2618-897X-2022-19-1-107-116

© Николаенко С.В., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Russian Language Classes through Thematic Learning “About the Country, about the Homeland, about the Human”: Metasubject Aspect

S.V. Nikolaenko

Vitebsk State University named after P.M. Masherov,
33, Moskovskij prospekt, Vitebsk, 210038, Republic of Belarus

✉ ns-lk@mail.ru

Abstract. In the educational process of acquiring or learning languages, humanitarian knowledge and related skills (both academic and extracurricular, also termed as hard and soft skills) are responsible for not only a native speaker’s cognitive activity, but also for their behavioral scenarios. This statement ensures the relevance of this research. The objective of the article is to determine methodological recommendations that can be used in Russian language classes at educational institutions of the Republic of Belarus which aim at preserving regional / national “places and images of memory” presented in fiction and journalistic texts. The material that is used in class comprises texts created by Marc Chagall, Robert Rozhdestvensky, David Simanovich that aim at educating the generational trajectory by means of the language.

Key words: meaningful verbal aspect, cognitive interpretation, cognitive emotional level, upbringing, socio-cultural development, background information, Marc Chagall, Robert Rozhdestvensky, David Simanovich, fiction text

Article history: received: 01.11.2021; accepted: 07.01.2022

Conflict of interests: none

For citation: Nikolaenko, S.V. 2022. “Russian Language Classes through Thematic Learning “About the Country, about the Homeland, about the Human”: Metasubject Aspect”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 19 (1), 107—116. DOI 10.22363/2618-897X-2022-19-1-107-116

Введение

Проблема организации уроков русского языка с тематическим единством по форме и содержанию существует не одно десятилетие. Описанию отдельного этапа урока и его единства в плане используемого дидактического материала, формируемых компетенций, воспитательной и образовательной функций посвящены работы многих ученых-методистов Беларуси и России (еще ранее и всего советского пространства). Об этом писал Ф.И. Буслаев. Невозможно не вспомнить его *метóду* и золотые правила обучения языку: «...чтобы определить преподавание языка, надобно, во-первых, определить самый предмет, т.е. языкознание, и, во-вторых, показать, каким образом этот предмет должен быть средством к воспитанию, и каким образом довести учащегося до основательного знания и сознательного действия» [1. С. 9]. И еще одно его золотое правило для воспитателя детей, «образующего разум для образования сердца, и вносящего светоч в души

еще новые, чтобы осветить их благоразумием и добродетелью. Нет ни одного предмета в обучении юношества, который, в руках несколько искусных, не мог бы служить средством к воспитанию. Всякий предмет приносит свою дань по своей собственной природе. Таким образом, великая обязанность и долг воспитателя состоят в том, чтобы собрать эти различные приношения, соединить их и поставить в преуспеяние чувств благородных, честных и великодушных» [1. С. 9]).

Обсуждение

Когнитивные интерпретации социокультурной информации

Российские ученые А.Д. Дейкина, Т.К. Донская, Н.А. Ипполитова, А.Ю. Купалова, Л.Г. Саяхова неоднократно обращали внимание учителей на необходимость включения в учебный процесс по русскому языку взаимосвязанных компонентов, тематически организующих образовательный и воспитательный аспекты урока (язык и наука, язык и человек, язык и здоровый образ жизни, язык и общество и т.п.). Белорусские методисты в рамках научной школы профессора Л.А. Муриной (А.М. Волочко, Т.В. Игнатович, С.В. Николаенко, Л.А. Худенко и др.) рассматривали данную проблему через формирование компетенций учащихся — языковой, речевой, коммуникативной, лингвокультурологической, социокультурной и риторической. Такое решение серьезной государственной проблемы воспитания гражданина как раз и направлено на формирование осознания, что русский язык как феномен культуры (национальной, русской и мировой) ориентирует на передачу учащимся материальных, социальных, духовно-нравственных и художественных ценностей.

Вместе с тем на современном этапе развития лингвистического образования необходимо помнить, что на учебных занятиях все чаще при организации тематически ориентированных уроков преподаватель сталкивается с проблемой отсутствия элементарных фоновых знаний. И поэтому, опираясь на классификацию фоновой информации, представленную в Словаре терминов межкультурной коммуникации [2], мы предлагаем работать с «долговременной (составляющей основу национальной и духовной культуры и передающейся из поколения в поколение) информацией [2. С. 433].

Какой внелингвистической информацией должны владеть учащиеся, чтобы, проходя этапы постижения и погружения в тексты (информационные, аналитические, комплексные), они смогли на когнитивно-чувственном уровне осознать следующие важные для формирования своих взглядов, идеалов, приоритетов *когнитивные интерпретации социокультурной информации*, формирующие сознательное отношение личности к стране, родине, человеку:

— *когнитивные элементы*, предусматривающие вычленение из текстов ключевых слов и выражений, обеспечивающих раскрытие темы и хранения информации в памяти (Шварц Фризель выделяет врожденные и культурно-приобретенные, частично осознанные и частично бессознательные эмоциональные компоненты знаний). Для методической составляющей работы с выбранными нами текстами учитывается формула анализа текста, применяемая для просмотрового, беглого, аналитического чтения: *знания* о событии (персонаже, лирическом герое, образе,

художественном времени и пространстве и под.) — *осознание* основной темы, главной идеи, философского, историко-культурного контекстов — *разработка* плана размышления (по установке преподавателя в устной или письменной формах речи) — логический *вывод*;

— *эмоциональные узлы*. Как пишет И.А. Солодилова, «эмоциональное рассматривается как вторичное по отношению к логическому, периферийное по отношению к центру, пассивное по отношению к активному. Без когнитивных процессов не существует никаких эмоций» [3. С. 1349]. К таким «узлам» при работе с текстом мы отнесем *воспоминания, переживания* (как автора текста, так и учащегося), которые во вторичном тексте, создаваемом учащимся в жанре сочинения, миниатюры, эссе, отзыва, рассказа и др., могут быть нестандартно оформлены с привлечением современных невербальных маркеров цифрового смарт-контента, особой пунктуации и речевых художественно-выразительных средств (эпитетов, экспрессивной лексики, превосходной степени, активного и пассивного залога и т.д.);

— *репрезентация образа мира и самого себя через оценку*. С методической точки зрения необходимо задействовать психолого-дидактические установки на социальное развитие личности: адекватное поведение в различных ситуациях, использование языковых средств в дискуссии, аргументированность, доказательность, уважение различных нравственных позиций, следование социальным правилам, что в итоге и является выбором жизненного сценария.

Социокультурное содержание коммуникативного материала

В этом плане продуктивным, на наш взгляд, является использование социокультурного содержания уроков русского языка, где социокультурное комментирование текста, составление социокультурных паспортов и социокультурной характеристики школы/класса/социальной группы/региона/страны в целом позволяет комплексно и тематически представить коммуникативный материал, включающий различные содержательные речевые аспекты:

- 1) ситуативный — выяснение эстетико-культурного и социально-политического контекстов речи;
- 2) классификационный — выявление жанровой принадлежности;
- 3) аргументативный — определение основной мысли, способов ее доказательства, соотношения рациональных и эмоциональных доводов;
- 4) структурный — определение композиционных особенностей речи, способов развертывания материала;
- 5) стилистический — характеристика стиля речи, оценка наиболее ярких риторических средств и эффекта от их использования» [4. С. 15].

Особенно важной при этом становится и работа с текстом, «базирующимся на социокультурном содержании и имеющим общественно ориентированный и значимый контент. Такое содержание текста является важным способом социокультурного развития учащихся. Выполняя задания и упражнения, в которых синтезированы коммуникативная деятельность школьников с познавательно-исследовательской, учащиеся могут упражняться не только “в языке”, но и “в речи”, объединив лингвистические и речевые навыки. Иными словами, триада “гово-

рающий — текст — слушающий” представляется следующим образом: субъект-субъектные отношения триады (диада “человек — человек”), что позволяет школьникам передать эмоционально-чувственный опыт, приобретенный ими в процессе работы на текстом духовно-нравственной направленности. Текст выступает не только источником постижения духовных основ белорусского и русского народа, но и средством трансформации и их передачи путем различных речетворческих заданий» [5. С. 166].

Приведем пример работы на тематическом уроке русского языка с такой формой, как социокультурное комментирование текста. Дидактические материалы для урока представлены поэтическим обращением Марка Шагала «К моему городу Витебску», стихотворением Р. Рождественского «Марк Шагал», Д. Симановича «И сказал Шагал, чуть дыша...», отрывком из путевого очерка «Ветер скорости» К. Паустовского. Критериями отбора данных текстов послужил основной компонент (из трех), предложенный для определения прецедентности: *известность определенному лингвогеографическому сообществу* [6. С. 16].

Все предложенные тексты относятся к разным стилям, но преобладающим является художественный. Именно в работе по формированию жизненного сценария учащегося региональном художественном тексте критерий известности наиболее полно позволяет раскрыть методическими средствами потенциал школьника, предложить ориентиры, заложенные авторами текстов, по формированию гражданственности, гуманности, бесконфликтности. Текст М. Шагала «К моему городу Витебску» [7], обозначенный как поэтическое обращение, опубликован в нью-йоркской газете 15 февраля 1944 года. Витебск еще не освобожден (это произойдет лишь 26 июня 1944 года), лежит в руинах. Шагал знает об этом, и его текст полностью проникнут болью за то, что происходит на его родине.

Что ты только не вытерпел, мой город: страдания, голод, разрушения, как тысячи других братьев-городов моей родины.

Я счастлив и горжусь тобой, твоим героизмом, что ты явил и являешь страшнейшему врагу мира, я горжусь твоими людьми, их творчеством и великим смыслом жизни, которую ты построил.

Ты это даешь не только мне, но и всему миру.

Он очень давно покинул город, но его преследует память о своих детских и юношеских годах, о его чердаке, о тихом еврейском счастье, о Белле. Но Витебск забыл о нем на долгие годы (поэтому почти никто и не знал до середины 70-х годов XX века, что в доме, расположенном на окраине города, когда-то жил сам Шагал, обозначенный в советских справочниках и энциклопедиях как французский художник. Парадокс!!!). Поэтому и чувствуется в поэтическом обращении и тоска по городу своего детства, и переживание о настоящем, военном лихолетии. Так и произошло это заочное свидание с городом над Двиной. Утерянная родина. И о ней созданы гениальные художественные образы, которые помогали творить, возвращаться в свое любимое пространство и парить над ним. Черпать силы оттуда.

Ты думал: «Вижу — я этому мальчугану в сердце запал, но он все “летает”, он срысывается с места, у него в голове какой-то “ветерок”».

Я оставил на твоей земле — моя родина, моя душа — гору, в которой под рассыпанными камнями спят вечным сном мои родители.

Почему же я ушел так давно от тебя, если сердцем я всегда с тобой, с твоим новым миром, который являет светлый пример в истории?

Я не жил с тобой, но не было моей картины, которая не дышал бы твоим духом и отражением».

О шагаловских родных улицах, на которых якобы встречается автор с постапевшим лирическим героем, поэтически рассказано в сюжете стихотворения советского поэта-шестидесятника Роберта Рождественского «А вы не из Витебска?» [8]. Как перекликаются предыдущий шагаловский текст и стихотворение? О чем они? О ностальгии по родине, по чувствам и эмоциям, о витебском небе.

...Он в сторону смотрит.
Не слышит, не слышит.
Какой-то нездешней далекостью дышит,
пытаясь до детства дотронуться бережно...
И нету ни Канн,
ни Лазурного берега,
ни нынешней славы...
Светло и растерянно
он тянется к Витебску, словно растение...
Тот Витебск его —
пропыленный и жаркий —
приколот к земле каланчою пожарной.
Там свадьбы и смерти, моления и ярмарки.
Там зреют особенно крупные яблоки,
и сонный извозчик по площади катит...

«И в памяти надолго остается крылатое и афористичное: “А Вы не из Витебска?”» (Давид Симанович, «Поэты, которых люблю», из дневника).

Именно витебский поэт Давид Симанович посвятил Шагалу целый поэтический сборник [9], проникнутый теплотой и любовью и к великому земляку, и к своей малой родине, где

под небом

белорусским работал Репин,
и сияет, как добрый след,
его жизни «Осенний букет»,

сквозь тлен

старый Пэн берет меня в плен,
хоть холодных ветров торжество
над забытой могилой его,

Шагал

прямо с Замковой в небо взлетал,
зацепился за облака —
и остался тут на века,

Малевич

с Уновисом, с семьею левых,
Богу брат и дьяволу брат,
поднимал, как знамя, квадрат... (из стихотворения
«Мой Шагал, или Полет любви» 1988 года).

Сам текст полностью прецедентный, и он знаком не только жителям определенной местности, но и широкому национально-культурному сообществу (в приведенных примерах прецедентные имена заполнили все художественное пространство стихотворения: Репин, Пэн, Шагал, Малевич, Уновис, квадрат (Черный квадрат)). Все эти текстовые содержательные маркеры служат преподавателю помощниками для включения методических приемов (составление синквейнов, художественного образа страны/региона/города/села/школы, социокультурного комментирования, пример которого будет приведен ниже) в интегрированные уроки русского/белорусского языков с целью воспитания поколенческой преемственности, что и имеет большое значение в развитии взглядов и убеждений, основанных на ценностях и приоритетах белорусского общества и государства, белорусской национальной, русской и мировой культуры, в воспитании у учащихся ценностного отношения к стране, родине, человеку.

Социокультурное комментирование как вид учебной деятельности

Подробно разберем пример работы на уроках по формированию ценностного гражданского отношения к человеку, стране, родине по социокультурному комментированию текста, под которым мы понимаем анализ текста, где комментированию подлежат лингвистический и энциклопедический компоненты. Такому виду учебной деятельности мы дали поэтическое название «С чего начинается Родина?» (название известного стихотворения М. Матусовского).

Лингвистический компонент предполагает:

1) описание лексических единиц с национально-культурной семантикой (национально-маркированные языковые единицы, т.е. слова и словосочетания, обладающие национально-культурной семантикой. В таких словах школьник найдет сведения об уникальности материальной и духовной культуры белорусского народа). К таким единицам мы отнесем:

- безэквивалентную лексику (буслянка, закосіны, ночвы, поўня, прысак, саган, сырадой);
- фразеологизмы, происхождение которых связано с историей, культурой белорусов (атрымаць гарбуза; надзець гарохавы вянок; гула асмаленая);
- устойчивые эпитеты (ясная зорка, горкае гора, ніцая вярба);
- слова-символы (дуб — символ силы, папараць-кветка — символ счастья, валошкі — символ духовности, явар і каліна — символы мужского и женского начала жизни);
- названия предметов и явлений традиционного белорусского быта (дранікі, камы, лазня, круппнік, печ, чыгун);

2) установление тематической группы, к которой принадлежит та или иная лексическая единица;

3) определение социальных характеристик участников общения, указанных в тексте, и как они создают определенную атмосферу общения в триаде автор → текст → читатель. К таким социальным характеристикам относятся вербальные и невербальные средства: название, титулование, наличие диалектных, профессиональных особенностей, одежда, танец, музыкальные инструменты, место работы и проживания, род деятельности, соответствующие целям содержания текста и задачам общения, стилю и жанру речи;

4) выявление фоновых знаний, «спрятанных» в тексте, в отдельных его словах; обращение к источникам такой фоновой информации: произведениям народного творчества, фразеологизмам, литературным произведениям, истории, кино и телевидению;

5) рассмотрение социальных прецедентных феноменов, имеющих в тексте (фрагменты из литературных произведений, фразы из песен, кинофильмов, известные высказывания политических, религиозных и общественных деятелей, а также представителей литературы и искусства, девизы, рекламы, анекдоты и т.п.), их грамматическая оформленность;

б) определение в тексте ролевого репертуара, выполняемого героями, с установлением объема знаний о предмете речи, умений и навыков речевого и социального поведения.

Энциклопедический компонент связан прежде всего с определением «мест памяти» (термин В.В. Макарова), под которыми понимается установление в сознании людей единиц материального и духовного порядка, выдержавших испытание временем и превратившихся в символический элемент. Данный элемент может быть выявлен в четырех частях (фрагментах) текста:

– человеческих образах, имеющих социальную, национально-культурную, историческую значимость;

– событиях;

– топонимических названиях;

– диалогическом взаимодействии текста с другими объектами искусства (художественными текстами, произведениями живописи, архитектуры, музыки и др.).

Содержание социолингвистического комментирования зависит от возраста школьников, а также от типа предлагаемого для выполнения упражнения.

Заключение

В статье нами был представлен коммуникативный материал с тематическим ядром «Марк Шагал» (художественные тексты — поэтическое обращение и стихотворения, М. Шагала, Р. Рождественского, Д. Симановича). Данную работу с этой неизвестной школьникам социокультурной информацией преподаватель организует, например, при изучении курса морфологии. Используется следующий методический алгоритм, включающий когнитивно-эмоциональный компонент.

Шаг 1 — лингвистический. Найдите и прокомментируйте лексические единицы с национально-культурной семантикой. Составьте тематические группы слов.

Выпишите имеющиеся в тексте прецедентные феномены и грамматически оформите каждый из них.

Шаг 2 — эмоциональный. Дайте оценку собственным чувствам и эмоциям, выявленным вами событиям, фактам, незнакомым топонимическим названиям путем создания небольших связных текстов. Выполнение заданий помогает школьникам не только включиться в богатый и разнообразный мир материальной культуры Витебщины (ознакомление с произведениями М. Шагала и представителей витебской художественной школы), но и выявить лингвистические средства, с помощью которых передаются объекты мира материальной культуры, дополнить когнитивную базу с помощью работы с неизвестным, сформировать представление о социокультурном комментировании как эффективном средстве синтеза лингвистического и экстралингвистического (энциклопедического) компонентов при описании той или иной реалии. Это делает языковое образование процессом и результатом познавательной деятельности. Такая деятельность направлена на усвоение знаний разделов науки о языке (в данном случае «Морфологии») с целью обеспечения применения коммуникативных умений в различных сферах общения, понимания стилистических, жанроведческих основ, а также в меньшей степени данная деятельность направлена на социокультурное развитие учащихся, на овладение ими культурными ценностями белорусского народа. Невозможно не согласиться с А.Д. Дейкиной, которая утверждает, что «в родном языке есть все для чувства национальной гордости» [10. С. 13].

Таким образом, тематическое единство урока направлено на формирование у учащихся стойкой гражданской позиции, патриотизма, любви к родному краю, большой и малой родине путем включения этих понятий в социальный континуум посредством языкового материала.

Список литературы

1. *Буслаев Ф.И.* О преподавании отечественного языка. М.: Юрайт, 2019.
2. *Жукова И.Н., Лебедев М.Г., Прошина З.Г., Юзефович Н.Г.* Словарь терминов межкультурной коммуникации / под ред. М.Г. Лебедева и З.Г. Прошиной. М.: ФЛИНТА: Наука, 2013.
3. *Солодилова И.А.* К вопросу о соотношении понятий «эмоция» и «когниция» // Вестник Башкирского государственного университета. 2009. № 4. С. 1348—1351.
4. *Мурина Л.А.* Современная риторика: основы речевого общения: 11 класс: пособие для учащихся образовательных учреждений с белорусским и русским языками обучения. Минск: Народная асвета, 2010.
5. *Николаенко С.В.* Теория и практика социокультурного развития учащихся 5—11 классов: национально-культурный содержательный аспект в контексте обучения русскому языку: монография. Витебск: ВГУ им. П.М. Машерова, 2015.
6. *Брилева И.С., Вольская Н.П., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Красных В.В.* Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь: Вып. I. М.: Гнозис, 2004.
7. *Шагал М.* К моему городу Витебску // Стихи.ру. URL: <https://stihi.ru/2018/06/15/6495>.
8. *Рождественский Р.* Марк Шагал // РуСтих. URL: <https://rustih.ru/>
9. *Симанович Д.* Мой Шагал // Стихи.ру. URL: <https://stihi.ru/diary/vyuga62/2015-12-20>.
10. *Дейкина А.Д., Левушкина О.Н.* Методический потенциал лингвокультурологических характеристик текста в школьном обучении русскому языку // Русский язык в школе. 2014. № 4. С. 12—17.

References

1. Buslaev, F.I. 2019. O prepodavanii otechestvennogo yazyka. Moscow: Yurajt publ. Print. (In Russ.)
2. Zhukova, I.N., Lebed'ko, M.G., Proshina, Z.G. and Yuzefovich, N.G. 2013. Slovar' terminov mezhkul'turnoj kommunikacii. Eds. M.G. Lebed'ko and Z.G. Proshina. Moscow: Flinta: Nauka publ. Print. (In Russ.)
3. Solodilova, I.A. 2009. "K voprosu o sootnoshenii ponyatij «emociya» i «kogniciya»". Vestnik Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta 4: 1348—1351. Print. (In Russ.)
4. Murina, L.A. 2010. Sovremennaya ritorika: osnovy rechevogo obscheniya: 11 klass: posobie dlya uchastchikhsya obrazovatel'nykh uchrezhdenij s belorusskim i russkim yazykami obucheniya. Minsk: Narodnaya asveta publ. Print. (In Russ.)
5. Nikalayenka, S.V. 2015. Teoriya i praktika sociokul'turnogo razvitiya uchastchikhsya 5—11 klassov: nacional'no-kul'turnyj soderzhatel'nyj aspekt v kontekste obucheniya russkomu yazyku. Vitebsk: VGU imeni P.M. Masherova publ.
6. Brileva, I.S., Vol'skaya, N.P. Gudkov, D.B., Zakharenko, I.V. & Krasnykh, V.V. 2014. Russkoe kul'turnoe prostranstvo: lingvokul'turologicheskij slovar. Issue 1. Moscow: Gnosiz publ. Print. (In Russ.)
7. Chagall, M. K moemu gorodu Vitebsku. Web. <https://stihi.ru/2018/06/15/6495>.
8. Rozhdestvensky, R. Marc Chagall. Web. <https://rustih.ru/>.
9. Simanovich, D. Moj Chagall. Web. <https://stihi.ru/diary/vyuga62/2015-12-20>.
10. Dejkina, A.D., and Levushkina, O.N. 2014. "Metodicheskij potencial lingvokul'turologicheskikh kharakteristik teksta v shkol'nom obuchenii russkomu yazyku". Russkij yazyk v shkole 4: 12—17. Print. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Николаенко Сергей Владимирович — доктор педагогических наук, профессор, декан факультета гуманитаристики и языковых коммуникаций Витебского государственного университета имени П.М. Машерова. E-mail: ns-lk@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7749-6671

Bio Note:

Sergey Vladimirovich Nikolaenko is a Doctor of Pedagogical Sciences, professor, Dean of Faculty of Humanities and Language Communication of Vitebsk State University named after P.M. Masherov. E-mail: ns-lk@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7749-6671

DOI 10.22363/2618-897X-2022-19-1-117-123

Научная статья

Феномен культурной грамотности в условиях близкородственного билингвизма

О.В. Данич

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова,
Республика Беларусь, 210038, Витебск, Московский пр-т, 33

✉ odanich@mail.ru

Аннотация. Предметом исследования в статье является культурная грамотность в аспекте взаимосвязи культуры и образования, языка и культуры. Культурная грамотность рассматривается как система знаний и умений, необходимых человеку для того, чтобы уверенно ориентироваться в современном многополярном поликультурном мире людей, отношений, событий, традиций, ценностей и т.д. Цель статьи — выявить особенности феномена культурной грамотности в современной Беларуси. В статье анализируются основные направления в формировании и развитии культурной грамотности в условиях близкородственного белорусско-русского билингвизма, закрепленного в Республике Беларусь на законодательном уровне. Материалом для исследования является процесс гуманитарного образования детей младшего школьного возраста. Методы исследования — теоретические (анализ, сравнение, обобщение) и эмпирические (наблюдение, анкетирование, тестирование).

Ключевые слова: культурная грамотность, близкородственный билингвизм, гуманитарное образование, младшие школьники

История статьи: дата поступления в редакцию: 01.11.2021; дата принятия к печати: 07.01.2022

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: Данич О.В. Феномен культурной грамотности в условиях близкородственного билингвизма // Полилингвильность и транскультурные практики. 2022. Т. 19. № 1. С. 117–123. DOI 10.22363/2618-897X-2022-19-1-117-123

© Данич О.В., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

The Phenomenon of Cultural Literacy in the Context of Closely Related Bilingualism

O.V. Danich

Vitebsk State University named after P.M. Masherov,
33, Moskovskiy avenue, Vitebsk, 210038, Republic of Belarus
✉ odanich@mail.ru

Abstract. The subject of research in the article is cultural literacy in the aspect of the relationship between culture and education, language and culture. Cultural literacy is viewed as a system of knowledge and skills necessary for a person to confidently navigate in the modern multipolar multicultural world of people, relationships, events, traditions, values, etc. The purpose of the article is to reveal the features of the phenomenon of cultural literacy in modern Belarus. The article analyzes the main directions in the formation and development of cultural literacy in the context of closely related Belarusian-Russian bilingualism, enshrined in the Republic of Belarus at the legislative level. The material for the research is the process of humanitarian education of children of primary school age. Research methods — theoretical (analysis, comparison, generalization) and empirical (observation, questioning, testing).

Key words: cultural literacy, closely related bilingualism, liberal arts education, junior schoolchildren

Article history: received: 01.11.2021; accepted: 07.01.2022

Conflict of interests: none

For citation: Danich, O.V. 2022. “The Phenomenon of Cultural Literacy in the Context of Closely Related Bilingualism”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 19 (1), 117—123. DOI 10.22363/2618-897X-2022-19-1-117-123

Введение

Современная образовательная парадигма ориентирует процессы обучения и воспитания на формирование личности обучающегося, владеющего набором так называемых компетентностей XXI века: компетентностью мышления, компетентностью взаимодействия с собой и компетентностью взаимодействия с другими. В рамках данного исследования наш интерес фокусируется на последней из перечисленных компетентностей, поскольку владение ею предполагает в том числе способность комфортно и бесконфликтно существовать как в монокультурном, так и поликультурном социуме. Одним из инструментов формирования данной компетентности, по нашему мнению, является развитие культурной грамотности у обучающихся на всех ступенях получения образования. Условия близкородственного двуязычия в современной Беларуси, безусловно, накладывают отпечаток на этот процесс, который носит амбивалентный характер.

Цель данной статьи — выявление основных особенностей формирования культурной грамотности в современной Беларуси. Материалом для исследования мы

выбрали элементы образовательного процесса на I ступени общего среднего образования при изучении учебных предметов гуманитарного цикла. В процессе исследования использовались теоретические (анализ, сравнение, обобщение) и эмпирические (наблюдение, анкетирование, тестирование) методы исследования.

Результаты и их обсуждение

Билингвизм — сложное и многогранное явление, которое в последние десятилетия переосмысливается и трактуется в самых различных аспектах: лингвистическом, психологическом, педагогическом, социокультурном и др. В основном большинство исследователей трактуют билингвизм (или двуязычие) как владение двумя языками в той степени, которая позволяет свободно переходить от одного языка к другому в зависимости от коммуникативной ситуации. Тем не менее следует учитывать, что для билингва практически невозможна равная степень владения обоими языками: как показывает практика изучения языкового поведения носителей двух языков, билингвы думают на одном языке (который считают родным), в ситуациях неопределенности сначала формулируют мысль на родном языке, затем переводят на второй (например, при встрече с научными, официально-деловыми текстами). В большинстве случаев билингвы достаточно скромно оценивают свое знание второго языка, к тому же бесспорных критериев для определения уровня владения языками для двуязычных говорящих пока нет. В любом случае, можно утверждать, что постоянное переключение с одного языка на другой оказывает существенное влияние на формирование языкового сознания билингва.

Сам феномен билингвизма требует особого внимания, если учитывать взаимосвязь и взаимообусловленность языка и культуры, поскольку билингвы существуют в определенной социокультурной среде, которая осваивается, структурируется и присваивается ими особым способом. Можно согласиться с появившимся термином «бикультурная личность»: культура формирует как главные аспекты жизнедеятельности личности (языковые, национальные, религиозные), так и факультативные (увлечения, профессия, семья) [1]. В каждой личности эти аспекты проявляются произвольным образом, и отнести себя к определенной культуре билингв затрудняется, так как его среда существования — бикультурная.

«Культурный» конфликт может возникнуть в случае сосуществования двух антагонистических культур, например, арабской и еврейской, хорватской и сербской, в целом европейской и азиатской. В нашем же случае речь идет о проявлениях билингвизма и бикультурализма в условиях близкого родства.

Ситуация близкородственного русско-белорусского (или белорусско-русского?) двуязычия в современной Беларуси носит достаточно сложный характер. Позволим себе напомнить, что оба языка являются равноправными государственными языками, это закреплено на законодательном уровне, начиная с 1995 года, когда по результатам всенародного референдума более 80% голосовавших жителей страны согласились с приданием русскому языку равного статуса с белорусским. Сложность и неоднозначность современного билингвизма в Беларуси обусловлена несколькими факторами.

1. По официальным данным последней переписи населения, состоявшейся в 2019 году, белорусский язык считают родным 61% жителей и, соответственно, 39% склоняются в сторону русского (отметим явную тенденцию к расширению сферы влияния национального языка в сравнении, скажем, с результатами переписи 2009 года: тогда русский язык сочли родным 47% населения).

2. Белорусами себя считают 85% всего населения, причем независимо от этнической принадлежности: если гражданин Республики Беларусь, значит, белорус.

3. Языком неформального общения, т.е. языком, на котором разговаривают дома, русский язык назвали около 71% жителей страны.

Таким образом, мы наблюдаем ситуацию естественного близкородственного билингвизма, характерную для большинства населения страны. Это привело к формированию особой «неконфликтной» бикультурной среды, в которой существуют белорусы. По словам белорусского лингвиста Е.Е. Иванова, «...в современной Беларуси сложилась парадоксальная ситуация, когда русский язык в качестве средства коммуникации воспринимается как “свой”, однако в качестве носителя культурно значимых смыслов осознается как “чужой”» [2. С. 60]. В такой ситуации трудно однозначно идентифицировать себя как носителя определенной (русской или белорусской) культуры, поскольку билингвизм практически всегда сопровождается бикультурализмом. Мы можем с большой долей уверенности утверждать, что языковое сознание жителей Беларуси как близкородственных билингвов, будь они этническими русскими или этническими белорусами, отличается от языкового сознания русских, живущих в России.

Сама уникальность языковой и культурной ситуации в Беларуси обусловлена не просто близким родством двух языков, а их особой духовной связью и ролью русского языка как культурной скрепы славян [3]. Безусловно, подобная ситуация отражается и в системе образования, так как культура и есть основание образования.

В качестве предмета рассмотрения проявлений билингвизма мы выбрали процесс формирования культурной грамотности младших школьников. Под культурной грамотностью мы, вслед за Э.Д. Хиршем [4] и Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым [5; 6] понимаем комплекс знаний и умений, необходимых человеку для того, чтобы уверенно ориентироваться в современном многополярном поликультурном мире людей, отношений, событий, традиций, ценностей и др. По нашему мнению, работа по формированию такого вида грамотности должна вестись начинаться уже в начальных классах, так как пресловутый межпоколенческий разрыв еще только начинает проявляться. Несмотря на некоторый встречаемый нами со стороны коллег скептицизм в признании актуальности обозначенной проблемы, нами была проведена серия исследований констатирующего характера, направленных на выявление исходного уровня культурно-маркированных знаний у учащихся 4-х классов ряда витебских школ. Основными критериями отбора культурно-маркированных реалий мы сочли, во-первых, их важность для коммуникации и, во-вторых, присутствие в языковой картине мира белорусских детей младшего школьного возраста. Исходя из вышесказанного, респондентам были предложены следующие слова: *Хатынь, бусел (аист), 1941—1945, католик, Кремль, Андерсен, стреляный воробей, сумленне (совесть), православие, Иван-дурак*. В каче-

стве ответа дети должны были оценить степень своего знакомства с данными реалиями в диапазоне от полного знания (знаю и могу объяснить) до такого же полного незнания (не знаю и никогда не слышал об этом). Исследование было ориентировано на получение общего представления о проблеме, поэтому предлагаемые единицы содержали как национально окрашенную информацию, так и интернациональную. В списке реалий в одном ряду находились русские и белорусские слова, так как учащиеся 4-го класса в зависимости от языка обучения изучают белорусский/русский язык на протяжении трех-четырёх лет.

Анализ результатов в самом общем виде показал, что полное знание всех реалий имеется только у трети респондентов. Важно отметить, что не обнаружена тенденция в незнании реалий, характерных только для русской культуры, или, наоборот, только белорусской. Проведенное исследование свидетельствует об актуальности и необходимости целенаправленной работы по формированию культурной грамотности. Другим принципиальным для нас положением можно назвать ориентацию этой работы именно на двуязычную личность, на ее особое восприятие окружающего бикультурного мира и существование в нем, что должно повысить эффективность культурного образования в целом.

Одним из средств формирования объема культурных знаний у младших школьников нам видится словарь-учебник культурной грамотности, структурированный в зависимости от типа культурно значимой информации, например, он может включать сведения о ценностных и нравственно-этических концептах, о мировых и национальных литературных концептах, концептах национальной истории, науки, религии, концепты народной культуры и др.

Еще одной особенностью такого словаря-учебника, обусловленной близкородственной билингвальной и бикультурной средой, можно считать двуязычное представление словарной статьи, т.е. на русском и белорусском языках. Каждый тематический раздел пособия сопровождается комплексом заданий и упражнений, ориентированных как на закрепление полученных знаний, так и на формирование метапредметных умений работы с информацией, т.е. ученик должен найти ее, интегрировать, интерпретировать и осмыслить.

Заключение

Культурная грамотность как важнейшая составляющая функциональной грамотности, формирование которой становится целью построения современного образовательного процесса, должна формироваться как можно раньше, по нашему мнению, элементы данной работы должны присутствовать даже на занятиях и во время нерегламентированной деятельности уже в учреждениях дошкольного образования. В начальных же классах процесс формирования культурных знаний и умений должен быть организован в первую очередь при изучении предметов гуманитарного цикла: русского и белорусского языков, литературного чтения/літаратурнага чытання, предмета «Человек и мир».

Близкородственное русско-белорусское двуязычие специфически влияет на процесс формирования культурной грамотности:

— нахождение в билингвальной и бикультурной среде затрудняет национально-культурную самоидентификацию, поскольку постоянное осознанное разделение на родное и «неродное» практически невозможно, особенно у детей дошкольного и младшего школьного возраста, родившихся и выросших в двуязычной среде;

— близкое родство языков и культур формирует особую, более сложную и бесконфликтную языковую картину мира жителей современной Беларуси. Принципиально важным для комфортного и продуктивного развития каждой личности и целых поколений нам представляется отсутствие конфликта языков и культур, культурного шока при встрече с реалиями другой культуры и языка.

Таким образом, уникальная билингвальная и бикультурная ситуация в Республике Беларусь существенно влияет на процесс формирования культурной грамотности, внимание в которой позволит избежать или хотя бы нивелировать культурную «глухоту» и «разрыв» поколений.

Список литературы

1. *Вигель Н.Л.* Влияние билингвизма на культурные особенности // Психология, социология и педагогика. 2017. № 2. URL: <https://psychology.snauka.ru/2017/02/7704> (дата обращения: 03.10.2021).
2. *Иванов Е.Е.* Русский язык и русская культура в современной Беларуси: свое или чужое? // Языковая политика стран Содружества Независимых Государств (СНГ): сборник тезисов II Международного конгресса. М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2021. С. 60—61.
3. *Маслова В.А., Данич О.В.* Духовная энергия русского слова как проблема гуманитарной мысли // Русистика. 2021. Т. 19. № 2. С. 125—137. doi: 10.22363/2618-8163-2021-19-2-125-137.
4. *Hirsh E.D. Jr.* Cultural Literacy: What Every American Needs to Know. Boston, 1987.
5. *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Лингвострановедческая теория слова. М.: Русский язык, 1980.
6. *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Русский язык, 1990.

References

1. *Vigel', N.L.* 2017. "Vliyaniye bilingvizma na kul'turnyye osobennosti". *Psikhologiya, sotsiologiya i pedagogika*. Web. URL: <https://psychology.snauka.ru/2017/02/7704> (Date of Access 03.10.2021). (In Russ.)
2. *Ivanov, Ye.Ye.* 2021. "Russkiy yazyk i russkaya kul'tura v sovremennoy Belarusi: svoye ili chuzhoye?". In *Yazykovaya politika stran Sodruzhestva Nezavisimyykh Gosudarstv (SNG): International Conference Proceedings*. Moscow: Gosudarstvennyy institut russkogo yazyka im. A.S. Pushkina publ. Pp. 60—61. Print. (In Russ.)
3. *Maslova, V.A., Danich O.V.* 2021. "Dukhovnaya energiya russkogo slova kak problema gumanitarnoy mysl'i". *Rusistika* 19 (2): 125—137. doi: 10.22363/2618-8163-2021-19-2-125-137. Print. (In Russ.)
4. *Hirsh, E.D. Jr.* 1987. *Cultural Literacy: What Every American Needs to Know*. Boston. Print.
5. *Vereshchagin, E.M., Kostomarov V.G.* 1980. *Linguistic and cultural theory of the word*. Moscow: Russian language publ. Print. (In Russ.)
6. *Vereshchagin, E.M., Kostomarov V.G.* 1990. *Language and Culture: Linguistic and Regional Studies in Teaching Russian as a Foreign Language*. Moscow: Russian language publ. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Данич Оксана Владимировна — кандидат филологических наук, заведующий кафедрой дошкольного и начального образования Витебского государственного университета имени П.М. Машерова. E-mail: odanich@mail.ru

ORCID: ID: 0000-0003-1872-3170

Bio notes:

Oksana Vladimirovna Danich is a PhD in Philology, Head of Department of Preschool and Primary Education of Educational Establishment ‘Vitebsk State University named after P.M. Masherov’, Vitebsk, Republic of Belarus. E-mail: odanich@mail.ru

ORCID: ID: 0000-0003-1872-3170

DOI 10.22363/2618-897X-2022-19-1-124-130

Научная статья

Занимательность на занятиях по письму с детьми-билингвами

О.А. Беженарь

Миланский государственный университет,
Италия, 20100, Милан, ул. Делле Анде, 4, Начальная школа Рикардо Масса
✉ oxana.bejenari.rus@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы, связанные с обучением детей-билингвов письму, и пути их решения. Предлагаемый набор практических приемов работы имеет особую актуальность в условиях негативного отношения к каллиграфии и чистописанию в эпоху информационно-коммуникативных технологий, ограниченного количества учебных часов и недостаточным количеством пособий по письму для детей-билингвов.

Ключевые слова: обучение письму, формирование графических навыков, русская графика, прописи, занимательность на уроке, дети-билингвы, информационно-коммуникационные технологии, школа дополнительного дня, субботняя школа, русский язык вне России

История статьи: дата поступления в редакцию: 01.11.2021; дата принятия к печати: 07.01.2022

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: Беженарь О.А. Занимательность на занятиях по письму с детьми-билингвами // Полилингвильность и транскультурные практики. 2022. Т. 19. № 1. С. 124–130. DOI 10.22363/2618-897X-2022-19-1-124-130

Research Article

Entertaining in Writing Classes with Bilingual Children

О.А. Bejenari

Milan State University,
4 Delle Ande Str., Milan, 20100, Italy
✉ oxana.bejenari.rus@gmail.com

© Беженарь О.А., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Abstract. The article describes a system how to arouse interest in writing in bilingual classes, how to make bilingual children respect a written and later on- a typed word. The proposed set of practical methods is of particular relevance in the context of negative attitude towards calligraphy in the era of information and communication technologies, and a limited number of study hours and restricted choice of writing aids for bilingual children.

Key words: learning to write, formation of graphic skills, Russian graphics, recipe for writing, entertaining in the classroom, bilingual children, information and communication technologies, ICT, school extra day, Saturday school, Russian language outside Russia

Article history: received: 01.11.2021; accepted: 07.01.2022

Conflict of interests: none

For citation: Bejenari, O.A. 2022. “Entertaining in Writing Classes with Bilingual Children”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 19 (1), 124—130. DOI 10.22363/2618-897X-2022-19-1-124-130

Введение

Одной из главных целей обучения в начальной школе является обучение чтению и письму, так как в дальнейшем от качества этих навыков будет зависеть успешность обучения школьника в старших классах в силу того, что именно чтение и письмо станут основными средствами обработки информации. Несмотря на то, что формирование графических навыков является первой ступенью в обучении письменной речи [1. С. 71], которую Л.С. Выготский называет «алгеброй речи, наиболее трудной и сложной формой намеренной и сознательной речевой деятельности» человека [2. С. 367], в настоящее время мы все чаще наблюдаем скептическое отношение к каллиграфии и чистописанию ввиду того, что в век развитых компьютерных технологий в них нет практической необходимости. Программа начальной школы по обучению русской графике за один урок предусматривает знакомство с несколькими буквами, образцы написания букв предъясняются один раз, систематические упражнения по чистописанию сведены до минимума и т.д.

В данной статье мы хотели бы привлечь внимание к данной проблеме и предложить возможные пути ее решения.

Обсуждение

В ходе развития психологии, нейропсихологии, логопедии и педагогики тема освоения детьми элементарных графических навыков или элементарных навыков письма привлекала многих авторов XX века, отмечавших исключительную сложность и важность процесса письма (А.Р. Лурия, Л.С. Выготский, А.Н. Корнев, В.Е. Гурьянов, а также М. Монтессори, Ю.И. Фаусек, Е. Хилтунен). Однако вопрос о том, каким образом идет усвоение письма у детей-билингвов, рассматривали немногие [3. С. 55—68].

Уроки чистописания в начальной школе обычно считаются скучным видом занятий. В трудах известного итальянского педагога М. Монтессори мы находим ответ на вопрос, почему так происходит. Ученый утверждает, что желание писать и читать у детей пропадает к концу сенситивного периода развития языка (4,5—6 лет) [4. С. 4]. Получается, что, когда ребенок идет в школу, учить писать его уже поздно, так как после семи лет наблюдается спад интереса к письму, и занятия письмом становятся настоящей пыткой для первоклассников. Но по мнению А.Н. Корнева, «чтобы овладение письмом стало возможным, языковые и когнитивные способности ребенка должны достичь определенного, минимально необходимого уровня зрелости... хронологически этот этап совпадает с моментом поступления ребенка в школу...» [5. С. 6].

Условия билингвизма — это условия особые. В них необходимо избежать двойной нагрузки (речь идет о посещении двух школ: основной итальянской и субботней русской). Поэтому в учебно-образовательном русском центре «Академия» было принято решение: в первый класс русской школы дети-билингвы идут на год позже начала обучения в итальянской школе. К этому моменту у них уже сформированы навыки письма и чтения на итальянском языке, которые могут быть успешно перенесены в русский язык. Но здесь есть и подводные камни: например, в итальянской графике традиционно принято прямое письмо, поэтому выработать у итало-русских билингвов наклонный почерк очень трудно. Ситуация осложняется отсутствием специализированных учебных пособий, написанных специально для зарубежных школ. Во многих имеющихся учебниках по русскому языку и в рабочих тетрадях внимание детей, только что научившихся писать, фокусируется только на орфографических правилах. Поэтому вначале остановимся на том, как складываются орфографические навыки.

По поводу орфографических правил, вводимых уже в 1-м классе, есть разные мнения. Заслуживает внимания опыт работы известного блогера, преподавателя РКИ, основателя русской школы «Росинка» в Токио Дарьи Куматренко, которая предложила модель обучения, доказавшую свою эффективность на практике. Перед тем как начинать знакомство детей с орфографическими правилами, Д. Куматренко считает полезными следующие виды работы:

- для исключения неорфографических ошибок важно развитие фонематического слуха;
- для понимания того, что устная речь отличается от письменной, нужны диктанты;
- для осознания того, что слово состоит из значимых элементов (морфем), полезно составление пиктографических схем к однокоренным словам без использования терминологии;
- для понимания функций разных частей речи дети должны осознать деление слов на классы слов: обозначающие предметы, признаки и действия;
- для подготовки к работе с пунктуацией — чтение длинных запутанных предложений [6].

С таким подходом трудно не согласиться. Поэтому в русском образовательном центре «Академия» начальная школа занимается по линейке учебников, разра-

ботанной коллективом авторов — В.В. Дроновым, И.В. Мальцевой, В.П. Синячкиным, Е.А. Хамраевой, Г.В. Хрусловым, А.В. Тряпельниковым [7—10]. Избегая научной терминологии, авторы этих учебников предлагают задания, соответствующие возрасту и уровню развития билингвальных первоклассников. За 30 рабочих суббот планируется познакомить ребят не только с написанием всех 33 букв русского алфавита, но и отработать такие темы, как перенос слова, твердые и мягкие согласные, звонкие и глухие согласные, правила правописания в сочетании ЖИ-ШИ, ЧА-ЩА, ЧУ-ЩУ, корень слова и окончание, использование прописной буквы, понятие о частях речи (существительные, прилагательные, глаголы, предлоги), связь слов в предложении, слово и предложение, текст.

Подчеркнем, что, работая по этой системе, мы стараемся избегать необоснованного форсирования темпа обучения (например, знакомства одновременно с 2-3 буквами за урок). Мы скорректировали систему в соответствии с конкретными условиями обучения. Например, мы исключили из программы тему правописания сочетаний ЧК-ЧН, так как это неактуально в нашей аудитории. А обучение графике мы решили проводить в соответствии с последовательностью основных операций в акте письма, которые выделил А.Р. Лурия [11]: анализ звука, подлежащего написанию, соотнесение выделенной фонемы со зрительным образом буквы, порядок написания линий этой буквы (последовательность движения руки), одновременно с написанием буквы проговаривается звук, тем самым осуществляется кинестетический анализ, уточняющий характер звука.

Урок письма включает следующие этапы: 1) знакомство с темой урока по учебнику «Русский язык. 1 класс: учебник для зарубежных школ» [6]; 2) демонстрация и чтение преподавателем прописной буквы в изолированной позиции; 3) написание прописной буквы на классной доске с объяснением последовательности движений (доска с разлиновкой в виде косых линий); 4) упражнение в написании прописной буквы; 5) обсуждение ошибок; 6) демонстрация преподавателем строчной буквы; произношение соответствующего звука в изолированной позиции; 7) написание строчной буквы на доске с объяснением последовательности написания линий; 8) написание строчной буквы детьми несколько раз; 9) обсуждение ошибок; 10) работа с прописями (во время этой работы предусмотрена пауза для отдыха руки); 11) игры/занимательные задания.

Генераторы прописей

Большую помощь в обучении билингвов русскому письму оказывают последние достижения современных информационно-коммуникативных технологий (далее ИКТ): с помощью установленных на компьютере специальных программ, а также с помощью таких сайтов, как <http://tobemum.ru/deti/kak-nauchit/generator-propisi> или <https://childdevelop.ru/generator/letters/propisi> довольно быстро можно подготовить качественные прописи. Подробнее о возможностях современных ИКТ и подготовке упражнений в зависимости от целевой аудитории мы написали в статье «Обучение русской графике...» [12]. Листы с разлиновкой от самого крупного до самого мелкого размера и интервалами разной ширины можно найти на специальных сайтах.

Занимательные задания

Обычно состав групп и классов в школах дополнительного дня неоднороден, в первый класс приходят семилетние дети самого разного уровня подготовки. В основном это дети, которые посещали русскую школу по субботам, причем некоторые это делали нерегулярно. Большинство детей в классе готовы к освоению письма традиционными методами, однако есть и те, кто готов при столкновении с первыми же трудностями бросить школу. Поэтому главной задачей для нас является пробудить заинтересованность в предмете, любознательность и желание учиться. С этой целью в конце каждого урока мы проводим новую игру. Ниже даются описания некоторых игр, особенно полюбившихся детям.

«Волшебная веревочка»

Реквизит: веревочка.

Задание: выложи с помощью веревочки букву «А».

Описание: на ровной поверхности дети «пишут» букву с помощью веревочки.

Цель: С помощью веревочки легче понять принцип написания некоторых букв.

Например, прописную букву «а» пишем, не отрывая карандаш от листа.

Кто быстрее?

Реквизит: Песочные часы на 10 секунд в минуту, доска/бумага, мел/карандаши.

Задание: кто напишет больше букв «Ж» за 10 секунд/за минуту.

Описание: дети пишут на доске буквы/слова на время.

Цель: форсирование скорости письма. Принцип «пишем не только красиво, но и быстро» должен быть усвоен с самого начала.

Как 100 лет назад

Реквизит: перьевые ручки, чернила, бумага.

Задание: написать буквы, слово, короткое предложение.

Описание: дети учатся писать чернилами.

Цель: научить писать перьевой ручкой; заинтересовать техникой каллиграфического письма и упражнять в таком письме; познакомить с историей ручки, а также со словами *чернила, чернильница, перо, перьевая ручка*.

Устное анкетирование и результаты анкетирования

По истечении 10 рабочих недель нами было проведено устное анкетирование первоклассников, в ходе которого мы выясняли, какие буквы вызывают у них наибольшую трудность, какие упражнения они считают наиболее полезными и интересными, какие упражнения они бы показали своим итальянским друзьям, им также задавался вопрос, что они думают по поводу того, зачем/для чего люди учатся писать. Результаты анкетирования показали, что «трудных» букв для детей нет, а больше всего им нравятся игры «Как сто лет назад» и «Кто быстрее?», в которые они с удовольствием бы поиграли и в итальянской школе. На вопрос «Для чего люди учатся писать?» ответы были получены самые разные: чтобы хорошо учиться, чтобы научиться передавать свои мысли, чтобы писать письма, чтобы ничего не забывать, чтобы писать открытки родственникам (как оказалось впоследствии, это одно из самых настойчивых пожеланий родителей).

Выводы

Резюмируя сказанное, можно сделать следующий вывод: проведенное нами анкетирование детей и опрос родителей, а также достигнутые в ходе опытного обучения результаты позволяют сделать вывод о высокой эффективности освоения русской графики в соответствии с выбранным подходом. Прделанная работа оказалась действенной. Она полностью удовлетворяет запросы педагогов и родителей. Никто из них не говорил о недостатке упражнений на отработку каких-либо элементов или отсутствие качественных прописей, но отмечалась эстетическая составляющая, побуждающая ребенка увлеченно заниматься письмом.

Стало очевидным, что понимание важности проблемы, тщательная подготовка учителя к работе над графикой, использование различных форм обучения письму является залогом высокого качества обучения, обеспечивает мотивацию обучающихся, помогает избежать трудностей, с которыми обычно сталкиваются ученики на начальном этапе. Несомненно, что чем успешнее будут выработаны базовые навыки чистописания, тем скорее письмо как сложный вид речи станет естественной потребностью наших детей. Также добавим, что русская каллиграфия является неотъемлемой частью русской культуры, поэтому мы считаем таким важным формирование этого навыка у билингвов.

Список литературы

1. *Инишкова О.Б.* Письмо как «рецептивная ступень» процесса овладения письменной речью младшими школьниками. Наука и школа, 2010. С. 71—74.
2. *Выготский Л.С.* Избранные психологические исследования. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1956. С. 39—386. С. 367.
3. *Contento S.* “Crescere nel bilinguismo”, Bellocchi S, Baraldi S. capitolo “Bilinguismo e apprendimento della letto-scrittura: sviluppo tipico e difficult”. Roma.: Carocci editore 2012. С. 124.
4. *Хилтунен Е.А.* «Свободное письмо. Дети учатся писать по методу М.Монтессори». М.: Генезис, 2009.
5. *Корнев А.Н.* Нарушения чтения и письма у детей. СПб., 1997.
6. *Куматренко Д.* Орфография: быть или не быть? https://2lingual.livejournal.com/86355.html?fbclid=IwAR2StFY3iaBeFmtd3RUNg0Y7s5mRdHpwgo1vHd6_vj1CCungxsU7bS3iOM
7. *Дронов В.В., Мальцева И.В., Синячкин В.П.* Русский язык. 1 класс: методическое руководство для учителя зарубежных школ. М.: Дрофа, 2009.
8. *Дронов В.В., Мальцева И.В., Синячкин В.П.* Русский язык. 1 класс: учебник для зарубежных школ. М.: Дрофа, 2009.
9. *Дронов В.В., Мальцева И.В., Синячкин В.П., Хамраева Е.А, Хруслов Г.В.* Рабочая тетрадь № 1. М., 2009.
10. *Дронов В.В., Синячкин В.П., Тряпельников А.В.* Русский язык — ДА! М.: РУДН, 2017.
11. *Лурия А.П.* Очерки психофизиологии письма. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1950. URL: <http://rus.lseptember.ru/article.php?ID=200204009> (Дата обращения: 11.08.2017)
12. *Беженарь О.А.* Обучение русской графике: какие упражнения могут сделать эту работу интересной // Русский язык за рубежом. 2015. № 2. С. 36—41.

References

1. Inshakova, O.B. 2010. Pis'mo kak «receptivnaja stupen'» processa ovladenija pis'mennoj rech'ju mladshimi shkol'nikami. Nauka i shkola. Pp. 71—74. Print. (In Russ.)

2. Vygotskij, L.S. 1956. Izbrannye psihologicheskie issledovanija. Moscow: Izd-vo APN RSFSR publ. Pp. 39—386. Print. (In Russ.)
3. Contento, S. 2012. “Crescere nel bilinguismo”, Bellocchi S, Baraldi S. capitolo “Bilinguismo e apprendimento della letto-scrittura: sviluppo tipico e difficult ”. Roma.: Carocci editore. P. 124. Print. (In It.)
4. Hiltunen, E.A. 2009. “Svobodnoe pis'mo. Deti uchatsja pisat' po metodu M. Montessori”. Moscow: Genезis publ. Print. (In Russ.)
5. Kornev, A.N. 1997. Narushenija chtenija i pis'ma u detej. Saint Petersburg: ID MiM publ. Print. (In Russ.)
6. Kumatrenko, D. Orfografija: byt' ili ne byt'? Web. https://2lingual.livejournal.com/86355.html?fbclid=IwAR2StFY3iaBeFmtd3RUNg0Y7s5mRdHpwgo1vHd6_vj1CCungxsU7bS3iOM
7. Dronov, V.V., Mal'ceva I.V., Sinjachkin V.P. 2009. Russkij jazyk. 1 klass: metodicheskoe rukovodstvo dlja uchitelja zarubezhnyh shkol. Moscow: Drofa publ., 2009. P. 40. Print. (In Russ.)
8. Dronov, V.V., Mal'ceva I.V., Sinjachkin V.P. 2009. Russkij jazyk. 1 klass: uchebnik dlja zarubezhnyh shkol. Moscow: Drofa publ. P. 175. Print. (In Russ.)
9. Dronov, V.V., Mal'ceva I.V., Sinjachkin V.P., Hamraeva E.A, Hruslov G.V. 2009. Rabochaja tetrad' № 1. Moscow. P. 39. Print. (In Russ.)
10. Dronov, V.V., Sinjachkin V.P., Trjapel'nikov A.V. 2017. Russkij jazyk — DA! Moscow: RUDN publ. P. 143. Print. (In Russ.)
11. Lurija, A.R. 1950. Oчерки psihofiziologii pis'ma. Moscow: Izd-vo APN RSFSR publ. Web. <http://rus.1september.ru/article.php?ID=200204009> (Data obrashhenija: 11.08.2017)
12. Bezhenar', O.A. 2015. “Obuchenie russkoj grafike: kakie uprazhnenija mogut sdelat' jetu rabotu interesnoj”. Russkij jazyk za rubezhom 2: 36—41. Print. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Беженарь Оксана Анатольевна — преподаватель РКИ Миланского государственного университета, учитель начальной школы центра дополнительного образования «Академия» при Ассоциации российских соотечественников в Италии «Алые паруса». Piazza I. Montanelli, 1, Sesto San Giovanni (Milano). E-mail: oxana.bejenari.rus@gmail.com
ORCID 0000-0001-8236-9079

Bio Note:

Oxana Anatol'evna Bejenari is a Teacher of Russian as a foreign language, The University of Milan (UNIMI Univeristà degli studi di Milano), teacher of the primary school of the center for additional education “Academy” at the Association of Russian compatriots in Italy “Scarlet sails”. E-mail: oxana.bejenari.rus@gmail.com
ORCID 0000-0001-8236-9079

DOI 10.22363/2618-897X-2022-19-1-131-141

Научная статья

Вопросы культуры деловой речи в обучении студентов-билингвов

Н.Д. Афанасьева , С.С. Захарченко , И.Б. Могилёва

Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел РФ,
Российская Федерация, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76
 n.afanaseva@my.mgimo.ru

Аннотация. В статье авторы рассматривают один из важных аспектов обучения студентов-билингвов русскому языку — обучению культуре деловой речи. Особое внимание уделяется задачам преподавателей, направленным на повышение уровня профессиональной коммуникативной компетенции студентов-иностранцев. В статье также подчеркивается важная роль создания такой учебной языковой ситуации, которая позволяет студенту выбрать определенные лексические и синтаксические средства для создания устного или письменного высказывания. В статье приводятся некоторые типы учебных заданий, их подбор к определенному занятию соотнесен с языковым уровнем каждой группы и предусматривает строго индивидуальный подход к каждому учащемуся. Выбраны разделы лексики, морфологии, стилистики, в которых при проведении контрольных срезов были допущены ошибки, и разработаны специальные задания с целью их устранения и перевода знания теоретического материала в практические навыки.

Ключевые слова: профессиональная компетенция, культура деловой речи, билингвальное обучение

История статьи: дата поступления в редакцию: 08.10.2021; дата принятия к печати: 03.01.2022

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: Афанасьева Н.Д., Захарченко С.С., Могилёва И.Б. Вопросы культуры деловой речи в обучении студентов-билингвов // Полилингвильность и транскультурные практики. 2022. Т. 19. № 1. С. 131–141. DOI 10.22363/2618-897X-2022-19-1-131-141

© Афанасьева Н.Д., Захарченко С.С., Могилёва И.Б., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Business Culture in the Speech of Bilingual Students

N.D. Afanas'eva ✉, S.S. Zakharchenko , I.B. Mogileva

Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation
✉ n.afanaseva@my.mgimo.ru

Abstract. In the article, the authors highlight one of the important aspects of teaching bilingual students the Russian language — teaching the culture of business speech. Special attention is paid to the tasks of teachers aimed at improving the level of professional communicative competence of foreign students. The article also emphasizes the important role of creating such an educational language situation that allows the student to choose certain lexical and syntactic means and offer the best options for creating an oral or written utterance. The article presents some types of educational tasks, their selection for a particular lesson is correlated with the language level of each group and provides a strictly individual approach to each student. The sections of vocabulary, morphology, and stylistics were selected, in which mistakes were made during the control student sections, and special tasks were developed in order to eliminate them and translate knowledge of theoretical material into practical skills.

Key words: professional competence, business speech culture, bilingual education

Article history: received: 08.10.2021; accepted: 03.01.2022

Conflict of interests: none

For citation: Afanas'eva, N.D., Zakharchenko S.S., and Mogileva I.B. 2022. “Some Aspects of Business Culture in Bilingual Audience Speech”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 19 (1), 131—141. DOI 10.22363/2618-897X-2022-19-1-131-141

Введение

Одной из основных задач Программы обучения студентов русскому языку как иностранному в МГИМО МИД России является формирование профессиональной компетенции, воспитание обучаемых, способных не только определять производственные цели, выбирать оптимальные способы их достижения, применяя соответствующие нормы и модели речевого поведения, но и принимать активное участие в межкультурной коммуникации.

При исследовании особенностей билингвального обучения, развития механизма билингвального языкового образования, определении его методов и анализе тех трудностей, которые возникают в преподавании в билингвальной аудитории, важно обратить внимание на то, что иностранные студенты-билингвы, имеющие большой лексический запас как родного, так и второго языка, не испытывающие затруднений в общении на культурно-бытовые темы, часто испытывают трудности при составлении деловых бумаг и работе с ними. Восприятие текстов делового характера как в устной, так и в письменной форме довольно

сложно для них, поэтому они осознают необходимость изучения официально-делового стиля русского языка. Следует также отметить, что межкультурная коммуникация специалистов различного профиля возможна, если инофоны владеют не только специальной профессиональной терминологией, но и так называемым иноязычным кодом, в который включаются и фоновые знания, и правила делового общения, и понимание обычаев и традиций. Профессор Т.Н. Астафурова отмечает: «Лингвосоциопсихологические и культурологические знания об иноязычном социуме, создающие широкий контекст межкультурного общения, формируют перцептивную готовность к эффективному межкультурному деловому общению и, следовательно, к международному профессиональному сотрудничеству» [1].

Обсуждение

Преподаватели кафедры русского языка МГИМО МИД России имеют большой опыт работы с билингвами, число которых постоянно растет в связи с расширением новых направлений и специальностей.

Начиная с первого года обучения в вузе инофоны и билингвы вовлечены в учебно-деловую среду: выступления на семинарах и конференциях, участие в дискуссиях, написание аналитических справок, рефератов, курсовых работ — все это требует от них навыков грамотной убедительной, эффективной устной и письменной речи, постоянного развития коммуникативных возможностей в сфере делового общения. У деловой речи существуют свои особенности стиля, лексики, сферы применения. Чтобы научиться правильному оформлению различных деловых бумаг, надо не только изучить эти особенности официально-делового стиля языка, деловой речи, но и понять, в чем его отличия от других стилей речи (лексические, морфологические, синтаксические и др.). Культура деловой речи — это навык правильного, логичного, точного и грамотного изложения мыслей в деловой ситуации для того, чтобы решить поставленные коммуникативные задачи.

Как отмечалось в диссертационном исследовании Н.Д. Афанасьевой [2], деловая коммуникация представляет собой широкий диапазон жанровых разновидностей письменного и устного общения. Письменная деловая речь представлена всеми видами деловых писем, документами, фиксирующими социально-правовые отношения (договоры, соглашения и т.д.). Устная деловая речь представлена жанрами деловых переговоров, бесед, консультаций, выступлений в суде и т.д.

Поэтому важными задачами, которые стоят перед преподавателем при обучении деловому общению, являются следующие:

- проинформировать обучающихся о теоретических и практических проблемах делового общения;
- познакомить их с наиболее распространенными формами делового общения;
- дать сведения о лексических, морфологических, синтаксических и стилистических нормах делового языка;
- сформировать речевые умения для обработки деловой информации, составления документов, подготовки устного монологического и диалогического вы-

сказывания в различных ситуациях делового общения, убедительного отстаивания своих аргументов в публичном выступлении и т.д.;

— познакомить с образцами различных документов, их отличительной лексической наполняемостью и структурой;

— обучить оформлению и составлению некоторых видов документов.

— повысить уровень языковой компетентности студентов.

Можно выделить несколько этапов работы при обучении студентов разных специальностей языку профессионального общения. На первом этапе большое внимание уделяется работе над лексико-грамматическими особенностями языка делового стиля, работе над специализированной лексикой, особенностями употребления существительных и глаголов, словосочетаний, которым свойственно функционирование именно в деловой сфере и в значениях, приближающихся к терминологическим, особыми синтаксическими конструкциями.

На этом же этапе подготовки учащихся к обучению культуре деловой речи преподаватели выделяют среди других стилей современного русского языка официально-деловой стиль, применяемый в сфере правовой и административной деятельности, демонстрируют образцы письменной и устной формы этого стиля, обращая внимание на то, что преобладает письменная форма, и именно поэтому в официальных документах необходимы ясность, конкретность понятий, частая повторяемость специальных, присущих этому стилю лексических средств и грамматических моделей. Поэтому официально-деловой стиль, в отличие от других стилей, наполнен большим количеством речевых клише, играющих роль формул, выработанных ранее, в определенных документах и необходимых для выражения типовых ситуаций.

На втором этапе вводится обучение речевому мастерству, что подразумевает умение выбрать и организовать языковые средства, соответствующие ситуации общения и требованиям к содержанию документа определенного жанра.

Важным и сложным является обучение студентов деловой риторике. Именно этот аспект становится ведущим на завершающем этапе обучения, так как позволяет уделить основное внимание не собственно языковому оформлению, а законам развития текста, способам реализации поставленных перед учащимися целей.

Проблемы, с которыми сталкиваются билингвы при изучении языка делового общения, в значительной степени отличаются от проблем других иностранных студентов. Это проявляется уже на первом этапе обучения. Во-первых, использование русского языка в основном в устной форме приводит к тому, что навыки письма на русском языке плохо сформированы (в отличие от навыков чтения, аудирования и говорения). Поэтому билингвам необходимы дополнительные специальные задания, направленные на развитие и корректировку навыков письменной речи.

Во-вторых, в отличие от собственно иностранных студентов, билингвы проходят этап работы над лексико-грамматическими особенностями делового стиля быстрее. Хотя билингвы допускают отдельные ошибки в управлении глаголов, в выборе вида глагола, эта работа не вызывает у них особых затруднений, тогда как для иностранцев предложно-падежная и видо-временная системы русского язы-

ка являются камнем преткновения. Это дает возможность сосредоточиться на важных для билингвов темах. Тестирование, проводимое в группах билингвов, помогло выявить трудные для них темы, на которые следует обратить особое внимание: это образование и употребление причастий и деепричастий, употребление паронимов, синонимов и антонимов, их стилистическая принадлежность.

В группах билингвов появляется возможность раньше приступить к работе над особенностями документов, вырабатывать умение четко выражать мысли, используя наиболее подходящие для каждого жанра деловой речи стилистически оправданные средства языка (работа над составлением деловых бумаг).

Работа над устной формой деловой речи носит комплексный характер (обучение языку делового общения и основам риторики) и практически мало отличается в аудитории билингвов и собственно иностранных студентов. Небольшое отличие состоит в том, что для билингвов практически отсутствуют трудности в произношении, тогда как у иностранной аудитории такие трудности иногда существуют и требуют определенного внимания.

Профессор Е.К. Черничкина пишет: «При изучении иностранного языка изменения происходят внутри коммуникативных составляющих его личности, а именно на когнитивном, эмоциональном, культурном и языковом уровне. Общаясь на иностранном языке, человек не просто автоматически переключает языковой код. Чтобы быть адекватно понятым и не провоцировать культурный шок, коммуникант должен сменить эмоциональные и смысловые доминанты, реализовывать иные паттерны коммуникативного поведения, по-иному взглянуть на мир, войти в иное когнитивное пространство» [3. С. 194].

При обучении билингвов культуре деловой или профессиональной речи необходимо принимать во внимание различия между доминирующим, первым языком обучаемого, и подчиненным, вторым. Даже если учащийся владеет двумя (или тремя) языками практически как родными, чаще всего эти языки он использует в разных сферах и ситуациях. У людей в смешанных семьях различны эмоции, связанные с родными людьми, когда говорящий использует так называемый материнский язык, и эмоции, возникающие в процессе деловых отношений. Можно отметить тот интересный факт, что эмоциональность речи, лексический состав языка и при общении в семье зависит от того, с кем именно входит в контакт билингв, — с отцом или матерью на родном языке каждого из них.

Профессор С.Ю. Тюрина, рассматривая проблемы обучения билингвов культуре деловой, профессиональной речи, ставит такие задачи: «Необходимо моделировать процесс обучения иностранному языку таким образом, чтобы использовать технику подражания, а также целенаправленного обучения, конструирование речевых ситуаций, стимулирующих проявление коммуникативных моделей, характерных для данной профессиональной лингвокультуры. Также необходимо учитывать прагматическую направленность высказывания, правила речевого этикета, типичные интонационные модели и употребление определенных речевых шаблонов и клише, выполняющих роль фреймов.

Здесь мы разделяем мнение Л.В. Цуриковой о том, что фреймы как схемы коммуникативного поведения могут быть одинаковыми в разных лингвокульту-

рах, поскольку существуют общечеловеческие ценности, но их скрипты или сценарии различны. Следовательно, необходимо стремиться к аппроксимации коммуникативного поведения студентов к естественности» [4].

Естественно, что обучение культуре делового общения начинается с работы над языковыми трудностями, но в дальнейшем важную роль играет создание учебной языковой ситуации, позволяющей студенту выбрать определенные лексические и синтаксические средства для создания устного или письменного высказывания (кейс-метод как интерактивный метод обучения) [5].

Работая над часто встречающимися ошибками студентов, преподаватель шаг за шагом приближается к той цели, которая была поставлена им в начале курса — формирование у студентов профессиональной коммуникативной компетенции. В статье мы приводим только некоторые учебные задания, так как их подбор к определенному занятию соотнесен с языковым уровнем каждой группы и предусматривает индивидуальный подход к каждому учащемуся. Выбраны разделы лексики, морфологии, стилистики, в которых при проведении контрольных срезов были допущены ошибки, и разработаны специальные задания с целью их устранения и перевода знания теоретического материала в практические навыки. Особую трудность у студентов-билингвов вызывают многозначные слова, паронимы, омонимы.

Для того чтобы устранить ошибки в употреблении предложно-падежных форм существительных, преподаватель советует учащимся составить таблицу, в которой будут представлены предлоги с именами существительными в нужном падеже: *согласно распоряжениЮ* (не *распоряжениЯ*), *благодаря решениЮ* (не *решениЯ*). К этой таблице студенты могут добавлять другие части речи, в падежных формах которых ими были допущены ошибки, например, *заведующий отделОМ* (не *отделА*), *равноправны друг с другом* (не друг другу), *уделять внимание проблемЕ* (не *НА проблемУ*).

Обратим внимание также на работу с именами числительными, так как ошибки в склонении порядковых и составных числительных часто встречаются в устной и письменной речи учащихся. Им предлагаются задания типа «Исправьте ошибки в словосочетаниях с числительными»:

- в одна тысяча девятьсот сорок седьмом году (в тысяча ...);
- в двух тысяча двадцать первом году (в двухтысячном году; обратим на этот случай особое внимание, так как норма для остальных дат в XXI веке — в две тысячи двадцать первом году);
- Тв.п. (чем?) пятистами (пятьюстами) книгами;
- Р.п. (чего?) семьсот (семисот) книг и др.

Учащимися часто допускаются ошибки в топонимах: часто произносится и пишется *в городе Москва, в городе Минск, из города Киев* (правильно: в городе МосквЕ, в городе МинскЕ, из города КиевА). Здесь следует обратить внимание учащихся на топонимы, не склоняющиеся в следующих случаях:

— когда внешняя форма названия соответствует форме мн. числа: в городе Набережные Челны;

— когда род обобщающего нарицательного слова и географического названия не совпадают: на реке Урал (кроме сочетаний со словом «город»).

В деловом устном и письменном общении часто встречается лексическая избыточность (плеоназм, тавтология). Для преодоления этой трудности учащимся предлагаются задания, в которых необходимо определить наличие или отсутствие лексически избыточных словосочетаний в предложениях и исправить в них ошибки: *Вопрос о главном приоритете был пересмотрен. Перед ней стояла другая альтернатива: ехать в командировку или вернуться домой.*

При изучении многозначности слов используются разнообразные задания, но самый успешный вид семантизации — работа с контекстом. Часто билингвы усваивают прямое значение слов, но в словосочетаниях или предложениях, в которых это же слово имеет переносное значение, они испытывают определенные трудности, например: *Мы увидели на небе яркую ЗВЕЗДУ и Динара Алиева — новая ЗВЕЗДА российской оперной сцены.* При этом преподавателю следует обратить внимание студентов на различия между многозначными словами и омонимами, продемонстрировав разницу на примерах: *мир* — земной шар, Земля (объехать весь мир) и *мир* — отсутствие войны, согласие (жить в мире, мирно). Подтверждаются эти мини-исследования выводом, которые могут сделать сами студенты: многозначные слова имеют нечто общее по смыслу, а у омонимов лексическое значение разное, общее отсутствует, они самостоятельны. Одно из заданий для студентов может быть таким: определите, является ли слово «идет» многозначным в предложениях: *Идет человек, Идет снег, Время идет?*

Еще одной распространенной ошибкой билингвов является смешение разных стилей (например, официально-делового и разговорного): *Известным политикам необходимо было высказать свое мнение по поводу наезда на премьера.* Такого типа ошибки преподаватель предлагает исправить с помощью упражнений, в которых необходимо заменить неправильно использованное в данном контексте слово на другое.

Особого внимания требует работа с паронимами, которая проводится на протяжении длительного времени. Их усвоение предполагается после регулярного выполнения ряда подобных заданий с комментариями преподавателя.

1. Подберите соответствующий пароним, составьте словосочетания с каждым из них:

- представить — ... (предоставить);
- познакомиться — ... (ознакомиться);
- романтический — ... (романтичный);
- длинный — ... (длительный) и др.

2. Вставьте в предложение нужное слово:

моя сестра любит... одежду (практическую, практичную);
необходимо выполнять все... требования к занятию (методичные, методические).

3. Исправьте ошибки в использовании паронимов:

- министры договорились решить проблему мировым путем;
- правительство предложило эффективный способ работы над проектом;
- на встречу были приглашены дипломатические сотрудники;
- план реконструкции завода был удачлив;

между этими двумя странами существуют давние экономические отношения;
конец года — желанный срок окончания этой работы.
стоимость нефти на мирном рынке повысилась;
встреча двух лидеров прошла в дружной обстановке;
из-за длинного отсутствия встреч на высшем уровне контакты прервались;
выборочная кампания прошла без срывов;
председатель комиссии оговорил в докладе все детали;
экономический кризис повлиял на все сферы жизни общества.

4. Выберите гнездо паронимов. Выясните, в каких случаях употребляется пароним с тем или иным лексическим значением. Составьте предложения, в котором будет использоваться все гнездо паронимов, например:

общительная женщина, представительница общественной организации, поставила перед нами общие задачи;

родные люди, связанные родственными узами, передают родовые гены следующим поколениям;

одинокому путешественнику в одиночном плавании все дни кажутся одинаковыми;

уважительное отношение к уважаемым людям очень важно в человеческих взаимоотношениях.

5. Исправьте ошибки в тексте:

В центре стола на клеточной скатерти стояло ледовое игривое вино. Скорее всего его принесли из соседского продуктивного магазина. Какой-то человек болезнетворного вида держал бутылку в руках. Казалось, он хочет поставить на ней опечатки. Взгляд у него был дружный и доверительный. На нем был одет пиджак из искусной кожи. «А, это наш массажер из соседского кабинета», — дипломатически пометила мороженица из буфета. «Не знаю, как все, а я уже кушаю, правда, рыба очень костяная», — продлила она. Это был очень удачливый день — сборник абонементов одной кампании. Гарантийными призами были медикаментозные полюсы. А заглавный приз — гончий автомобиль!

Пока все ели греческую кашу и вели душевые беседы, шампанское охладело. Все чувствовали себя комфортабельно, кто-то выполнял песни, кто-то демонстрационно танцевал, а одна девушка с конным хвостом раздавала свои стекловидные подделки.

Отдача призов была краткосрочной. Практический массажер получил гончий автомобиль. Убедительная мороженица с обидчивым ликом прошефствовала на исход.

И все-таки это был хороший, чудной день!»

Помимо этого, на уроках русского языка учащиеся знакомятся с речевыми моделями и конструкциями, используемыми в деловой письменной речи. Особую трудность для них представляют составление заявлений, написание служебных, докладных, объяснительных записок, поэтому задания, например, распределить по тематике записок следующие модели («Прошу Вас разрешить...», «Довожу до Вашего сведения...», «Разрешите пригласить Вас...» и др.) всегда вызывают интерес. Эти упражнения имеют большую практическую ценность, так как повышают мотивацию студентов.

Выводы

Таким образом, обучение студентов-билингвов межкультурному профессионально-ориентированному общению является важным аспектом работы преподавателей русского языка. Именно с целью передать систему знаний и сформировать коммуникативные умения для ситуаций профессионального общения преподаватели кафедры русского языка МГИМО МИД России предлагают различные варианты заданий для работы в студенческой билингвальной аудитории. Перспективной представляется работа над созданием учебно-методического пособия для билингвов «Культура деловой речи».

Список литературы

1. *Астафурова Т.Н.* Стратегии коммуникативного поведения в профессионально-значимых ситуациях межкультурного общения: Лингвистический и дидактический аспекты. исследование: дисс. ... д-ра пед. наук. М., 1997.
2. *Афанасьева Н.Д.* Обучение культуре деловой речи иностранных студентов юридических специальностей: автореф. ... дисс. канд. пед. наук. М. 2009.
3. *Черничкина Е.К.* Искусственный билингвизм: вопросы интерференции // Инициативы XXI века. 2012. № 1. С. 193—195.
4. *Тюрина С.Ю.* Обучение профессионально-ориентированному общению в условиях искусственного билингвизма // Современные проблемы науки и образования. № 4. 2012.
5. *Горбатова Т.Н., Рыбушкина С.В.* Использование метода кейсов при обучении иностранному языку в рамках профессиональной языковой подготовки в неязыковом вузе // Молодой ученый. 2015. № 7. С. 741—743.
6. *Верещагин Е.М.* Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). М.: Изд-во МГУ. 1969.
7. *Закирьянов К.З.* Активное функционирование. Уфа, 2011.
8. *Оршанская Е.Г.* Лингвистический и социолингвистический подходы к изучению проблемы билингвизма // Вестник Челябинского государственного университета. № 21. 2008. С. 120—128.
9. *Попова В.Н.* Искусственный билингвизм как компонент профессиональной коммуникативной компетенции // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. № 6. 2011. С. 86—90.
10. *Смокотин В.М.* Многоязычие и проблемы преодоления межъязыковых и межкультурных коммуникативных барьеров в современном мире. Томск, 2010.
11. *Шадрина А.А.* Структура значения слова в учебном триязычии: психолингвистическое исследование: дисс. ... канд. филол. наук. Омск. 2015.

References

1. Astafurova, T.N. 1997. "Strategii kommunikativnogo povedeniya v professional'no-znachimyh situacijah mezhkul'turnogo obshcheniya: Lingvisticheskij i didakticheskij aspekty. Issledovanie" [Tekst]. Doc. Thesis in Pedagogy. Moscow. Web. URL: <https://www.disscat.com/content/strategii/kommunikativnogo/povedeniya/v/professionalno/znachimyh/situatsiyakh/mezhkulturnog> (date of access 14.11.2021) (In Russ.)
2. Afanas'eva, N.D. 2009. Obuchenie kul'ture delovoi rechi inostrannykh studentov yuridicheskikh spetsial'nostei. Candidate thesis. Moscow. Print. (In Russ.)
3. Chernichkina, E.K. 2012. "Iskusstvennyj bilingvizm: voprosy interferencii". Inicijaty XXI veka 1: 193—195. Print. (In Russ.)

4. Tyurina, S.Yu. 2012. “Obuchenie professional’no orientirovannomu obshcheniyu v usloviyah iskusstvennogo bilingvizma”. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* 4. Web. URL: <https://science/education/ru//ru/article/view/id/6671> (date of access 01.11.2021) (In Russ.)
5. Gorbatova, T.N., Rybushkina S.V. 2015. “Ispol’zovanie metoda kejsov pri obuchenii inostrannomu yazyku v ramkah professional’noj yazykovoj podgotovki v neyazykovom vuze”. *Molodoy uchenyj* 7: 741-743. Print. (In Russ.)
6. Vereshchagin, E.M. 1969. *Psihologicheskaya i metodicheskaya harakteristika dvuyazychiya (bilingvizma)*. Moscow: MGU publ. Print. (In Russ.)
7. Zakir’yanov, K.Z. 2011. *Aktivnoe funkcionirovanie*. Ufa. Print. (In Russ.)
8. Orshanskaya, E.G. 2008. “Lingvisticheskij i sociolingvisticheskij podhody k izucheniyu problemy bilingvizma”. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* 21: 120-128. Print. (In Russ.)
9. Popova, V.N. 2011. “Iskusstvennyj bilingvizm kak komponent professional’noj kommunikativnoj kompetencii”. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki* 6: 86-90. Print. (In Russ.)
10. Smokotin, V.M. 2010. *Mnogoyazychie i problemy preodoleniya mezh’yazykovyh i mezhkul’turnyh kommunikativnyh bar’erov v sovremennom mire*. Tomsk: Izdatel’stvo Gosudarstvennogo Universiteta publ. 2010. Print. (In Russ.)
11. Shadrina, A.A. 2015. “Struktura znacheniya slova v uchebnom triyazychii: psiholingvisticheskoe issledovanie”. Thesis of Cand. Diss. In Philology. Print. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Афанасьева Нина Дмитриевна — кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка МГИМО МИД России. E-mail: n.afanaseva@my.mgimo.ru
ORCID: 0000-0002-9462-7706.

Захарченко Светлана Сергеевна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка МГИМО МИД России. E-mail: sveta.zakharchenko@gmail.com
ORCID: 0000-0002-6815-2153.

Могилёва Ирина Болеславовна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка МГИМО МИД России. E-mail: mogilevairina@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-2169-370X.

Bio Notes:

Nina Dmitrievna Afanasieva is a Candidate in Pedagogy, Associate Professor, Head of the Russian language Department of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. E-mail: n.afanaseva@my.mgimo.ru
ORCID: 0000-0002-9462-7706

Svetlana Sergeevna Zakharchenko is a Candidate in Pedagogy, Associate Professor of the Russian language Department of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. E-mail: sveta.zakharchenko@gmail.com
ORCID: 0000-0002-6815-2153

Irina Boleslavovna Mogileva is a Candidate in Philology, Associate Professor of the Russian language Department of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. E-mail: mogilevairina@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-2169-370X

РЕЦЕНЗИИ REVIEWS

DOI 10.22363/2618-897X-2022-19-1-141-149

Рецензия

**Рецензия на книгу:
Арзамасов А.А. Литература народов России:
литература народов Крайнего Севера
и Дальнего Востока: учебное пособие для вузов.
Москва: Юрайт, 2021. 248 с.**

З.А. Кучукова¹, , Л.Б. Берберова²

¹ Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
Российская Федерация, 360004, КБР, Нальчик, Чернышевского, 173

² Финансовый университет при Правительстве РФ,
Российская Федерация, 129164, Москва, Кибальчича, 1
 kuchuk60@list.ru

История статьи: дата поступления в редакцию: 9.09.2021; дата принятия к печати: 4.01.2022

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: Кучукова З.А., Берберова Л.Б. Рецензия на книгу: Арзамасов А.А. Литература народов России: литература народов Крайнего Севера и Дальнего Востока: учебное пособие для вузов. Москва: Юрайт, 2021. 248 с. // Полилингвильность и транскультурные практики. 2022. Т. 19. № 1. С. 141–149. DOI 10.22363/2618-897X-2022-19-1-141-149

© Кучукова З.А., Берберова Л.Б., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

**Book Review: Arzamasov, A.A. 2021.
Literature of the Peoples of Russia:
Literature of the Peoples of the Far North and the Far East:
a Textbook for Universities. Moscow: Yurayt Publ., 248 p.**

Z.A. Kuchukova¹, ✉, L.B. Berberova²

¹ Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov,
Building 173, Chernyshevskaya, Nalchik, 360004, Russian Federation

² Financial University under the Government of the Russian Federation,
Building 1, Kibalchich, Moscow, 129164, Russian Federation
✉ kuchuk60@list.ru

Article history: received: 09.09.2021; accepted: 04.01.2022

Conflict of interests: none

For citation: Kuchukova, Z.A., and L.B. Berberova L.B. 2022. “Book Review: Arzamasov, A.A. Literature of the Peoples of Russia: Literature of the Peoples of the Far North and the Far East: a Textbook for Universities. Moscow: Yurayt Publ., 248 p.”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 19 (1), 141—149. DOI 10.22363/2618-897X-2022-19-1-141-149

В мировой науке термином «циркумполярный» принято обозначать культурное пространство Сибири и Дальнего Востока. Данная рецензия содержит детальный анализ нового издания о литературе циркумполярных народов России, написанного А.А. Арзамасовым в форме учебного пособия для вузов. В пособии дается многоуровневая характеристика мансийской, ненецкой, долганской, эвенкской, юкагирской, чукотской, корякской, нанайской, нивхской литературных систем, представленных именами Андрея Тарханова, Юрия Вэлла, Прокопия Явтысого, Огдо Аксеновой, Василия Лебедева, Николая Курилова, Антонины Кымытваль, Владимира Коянто, Андрея Пассара, Владимира Санги. В связи с темами, рассматриваемыми в учебном пособии, в рецензии затрагиваются вопросы, связанные с национальным самосознанием, инерцией фольклора, этнопоэтическими константами, билингвизмом, экологическими нарративами, практикой художественного перевода, а также вопрос об актуальности выработки защитных механизмов для миноритарных культур.

С первых страниц издания складывается впечатление, что автор перед лицом глобализации проводит своего рода литературоведческую перепись уходящих этнических миров с установкой собрать воедино, архивировать и сохранить их элитные литературные «семена» как одну из форм эстетических достижений земной цивилизации.

Во Введении автор, в соответствии с собственной методологией, поясняет целесообразность исследования литературы в «рамках единого проблемно-темати-

ческого кластера» [С. 6] и со ссылкой на Ю.Б. Симченко вводит в научный оборот инновационное терминологическое понятие «циркумпольные литературы», понимая под ним словесность малых российских этносов, которые по территориальным и мировоззренческим характеристикам напрямую связаны с Полярным Кругом, с арктической зоной. В этом смысле книга А.А. Арзамазова отчетливо вписывается в контекст общемировой научной школы *Circumpolar studies*, сосредоточенной на социально-экономических и гуманитарных проблемах Арктики.

В учебном пособии рассматриваются десять тем, посвященных мансийской, ненецкой (лесной и тундровой), долганской, эвенской, юкагирской, чукотской, корякской, нанайской и нивхской литературным системам. Каждая из названных национальных литератур подвергается тщательному многоуровневому исследованию от «корней и кроны» до «плодов», а также до «иссохших веточек», которые, к сожалению, уже имеются.

Весь материал логически организован по принципу «от дальнего — к ближнему», т.е. прежде чем перейти к собственно литературной части, автор в сжатой форме дает весьма ценную информацию об этногенетическом происхождении народа, его геополитическом положении, общей численности, антропологических характеристиках, самоназвании, религиозных верованиях, элементах шаманизма, письменности, первых просветителей, национальном фольклоре, печатных изданиях, современной языковой ситуации, количестве реальных носителей языка, факторах ассимиляции и миграции, наличии языкового компонента в образовательной системе, обеспеченности учебниками и т.д.

По концепции А.А. Арзамазова, у каждой циркумпольной литературы есть своя «полярная звездочка» в лице самого репрезентативного писателя, творчество которого с максимальной полнотой отражает присущий этой литературе «космопсихо-логос» (выражение Г.Д. Гачева). Среди этих ярких национальных единиц — Андрей Тарханов (манси), Юрий Вэлла (лесные ненцы), Прокопий Явтысый (тундровые ненцы), Огдо Аксенова (долганы), Василий Лебедев (эвены), Николай Курилов (юкагиры), Антонина Кымытваль (чукчи), Владимир Коянто (коряки), Андрей Пассар (нанайцы), Владимир Санги (нивхи).

При ближайшем знакомстве со всеми десятью этномирами сразу бросается в глаза рельефность объединяющего знаменателя. До октября 1917 года каждый из перечисленных народов, довольствуясь устным народным творчеством, жил в полном соответствии с вековыми традициями, в гармонии с окружающей средой — «природиною». Как показывает А.А. Арзамазов, культурная революция, последовавшая за политической, внесла в жизнь циркумпольных народов кардинальные изменения, которые сегодня можно трактовать как позитивно-прогрессивные, так и регрессивные. С одной стороны, у северных народов появились такие блага цивилизации, как алфавит, письменность, фиксированные грамматические правила, школы, газеты, журналы, издательства на родных языках, возможность получать качественное образование в ведущих университетах Советского Союза. Кстати, судя по арзамазовскому учебному пособию, биография большинства циркумпольных писателей имеет сходную «дорожную карту»: школа — вуз в одном из крупных российских городов — Высшие литературные курсы при Литературном институте им. Горького — вступление в Союз писателей

СССР — возвращение на малую родину — двуязычное творчество с постепенной капитуляцией родного языка в пользу русского.

Среди негативных сторон культурной революции указываются отчуждение коренного населения от исконных промыслов, забвение нравственных устоев предков, алкоголизм, коллизии экологического характера, потеря этнической идентичности, советизация, русификация, катастрофический отрыв от историко-культурных корней. Автору пособия порой сложно оставаться в рамках строгого и беспристрастного изложения подобных фактов, вследствие чего его «эмоциональный интеллект» (emotional intelligence) прорывается фразами: «подлинного расцвета не случилось» [С. 182], «родной язык стал чужим» [С. 240], «русский язык отвоевывает позиции у национальных языков» [С. 9], «забытые поэты» [С. 10], «крах культурных кодов» [С. 17], «с сожалением приходится констатировать» [С. 242] и т.п.

Красной нитью через всю книгу проходит идея соотнесенности этноландшафта циркумполярных народов с их поэтическим логосом, включающим в себя конфигурацию философско-художественных мыслей, мотивов, образных единиц и даже специфических звуков, напоминающих акустику родной природы. Все, что близко полярным народам (снег, дождь, океан, река, сани, лодка), плавно из мира действительного перетекает в поэтическую стихию. Начнем с малого: «букет из оленят» [С. 194] — такой причудливый вегетативно-зооморфный образ мог зародиться в художественном сознании только представителя арктической широты. В данном случае это уроженец Камчатки — поэт Владимир Коянто.

На стр. 87 автор книги приводит один из ярких примеров «заточенности» оптики долганской поэтессы Огдо Аксеновой на предметах родного края. Казалось бы, сложно в геометрии вогнутой корки заморского фрукта увидеть плавучее средство, а в скатерти — океан, но в силу своей этнической ментальности она так видит:

Лед океанский
И говор долганский...
Горкою корки от апельсина
Рыжая лодка по скатерти скачет.
(Перевод А. Зорина)

Большой интерес с этносоциальной точки зрения представляют наблюдения и рассуждения А.А. Арзамасова о том, что в поэтических произведениях циркумполярных художников центральное место чаще всего занимают внуки и старшее поколение, в то время, как «за редким исключением пропущены персонажи родителей» [С. 48]. Как можно понять из подтекста, этот факт подчеркивает трагическую неспособность среднего «советского» урбанизированного, «безъязыкого» поколения быть транслятором духовных ценностей своего народа следующим поколениям.

А.А. Арзамасов проявил себя как тонкий поэтолог, который, благодаря своему «микрозрению», подмечает множество интересных деталей. К примеру, в причудливо выстроенной архитектонике одного из стихотворений эвенского поэта В. Лебедева он видит «мистическое пространство со звериными зигзагами, мерцанием звериных зрачков, пронизанное тайнами, страхами, знаками» [С. 110].

Так же тонко и точно подмечен и проинтерпретирован в рецензируемом издании стилистический прием *name-dropping* [1. С. 194], плодотворно используемый северными и дальневосточными поэтами. Речь идет о постоянном упоминании имен языческих богов, мифологических персонажей, национальных героев, служащих своего рода «спасательным кругом» для исчезающей культуры. «Чукотская Цветаева» — коротко пишет автор в другом случае, посредством *name-dropping* сразу обозначая для интертекстуально мыслящего читателя художественный почерк одной из циркумполярных поэтесс [С. 181].

К этому же ряду следует отнести подчеркнутое внимание А.А. Арзамазова к элементам художественного этнографизма, которые интегрированы в русскоязычные тексты, как крошечные алмазные крупинки угасающих этнокультур. Экзотическая лексика щедро представлена на страницах учебного пособия и, к чести исследователя, каждая такая единица сопровождается переводом на русский язык и кратким авторским комментарием. Это такие реалии как унты, ровдуг, уямкан, кумалан, камлание, нэку, эптинг, нугуркун, нунни, пьупук, очмын, аппа, мельгитане, одул, галку гал, мучигдан, чаучу, мио и многие другие.

Примечательный факт: автор, будучи полиглотом, настолько органично погружается в фоносемантическую стихию циркумполярия, что даже в собственные научные нарративы, «не расплескивая по пути», добавляет аутентичные для этнофоров звуковые комплексы. Для иллюстрации приведем последний абзац «Введения» к книге, который «одухотворен» двумя колоритными чукотскими междометиями («хорьх», «какомей»), выражающими смешанное чувство ободрения, удивления, радости и приветствия:

Звнящее безмолвие высоких широт циркумполярия... Вслушайтесь, всмотритесь, постарайтесь понять множественные смыслы этого огромного, опоясывающего Землю мира. Казалось бы, он до отказа заполнен звуками, завораживающими красками и неведомыми нам древними сюжетами. В полнеба сполохи северного сияния, являющего сказочные картины ушедшего или грядущего? Стремительный бег верных оленей — *хорьх, хорьх, хорьх!* На бесконечной белизне снега остается лишь графически четко прочерченный след нарт, ведущий куда, к кому? Какомей! [С. 12].

Специалистам, занимающимся вопросами этноонтологической компаративистики, книга А.А. Арзамазова может оказать большую методологическую помощь, поскольку в нем «вытащены» на поверхность базовые циркумполярные культурные коды, которые напрашиваются на продуктивное сравнение с другими ментальными системами. Конкретно в нашем случае после трудов, написанных об императиве вертикали «в объективном и духовном пространстве горцев Северного Кавказа» [2. С. 48], чрезвычайно любопытно было познакомиться с прямо противоположным прасимволом — чукотской горизонталью на примере показательного стихотворения А. Кымытваль «Анадырь»:

Горизонт — это то, что несем сквозь года
Мы, свободные дети суровой земли.
Горизонт — это то, что мы видим всегда,
То, что близко душе, то, что вечно вдали.
И когда мы идем по большим городам,
И когда начинаем свой дом забывать,

Неуютно, тревожно становится нам
Оттого, что нельзя горизонт увидеть.
Это значит — пора, к морю, в тундру, туда,
Где стоит мой Анадырь, ставший нашей судьбой [3. С. 175].
(Перевод А. Червченко)

Парадоксальным образом горским народам Северного Кавказа, принудительным переселенным в середине XX столетия в среднеазиатские степи, именно в «горизонтали» было «неуютно, тревожно», вследствие чего они пытались перебить степную бесконечность посадкой каких-то «вертикальных» растений, типа кукурузы и подсолнухов. Подобные самообнажающиеся факты еще раз подтверждают справедливость гачевской метафоры об «общечеловеческом оркестре, где каждый народ, как инструмент, ценен незаменимостью своего ума-умения» [4. С. 239].

В этом контексте представляется важным, напомнив читателю и другую формулу Г.Д. Гачева о «возлюбленной непохожести» [4. С. 15], отметить многолетнюю дружбу двух поэтесс, ровесниц — «вертикальной» Танзили Зумакуловой из Кабардино-Балкарии и «горизонтальной» Антонины Кымытваль с Чукотки. В поэме «Благодарность» балкарская поэтесса пишет:

В другом краю, таком же дальнем, снежном,
Где в мерзлой дымке цепенеет даль,
Где голосом пленительным и нежным
Поет чукчанка Тоня Кымытваль [3. С. 349].
(Перевод Ю. Нейман)

Большой интерес с точки зрения этноонтологии вызывает еще один эпизод, связанный с мифологемой «три солнца». По сюжету, герой нанайского эпоса, спасая людей от нестерпимой жары, «пронзив стрелами два, оставил только одно солнце» [С. 228]. Уникальность этой мифологемы заключается в том, что она в гачевском духе пробуждает в читателе множество мыслей, связанных с особенностями «теплолюбивых» и «хладолюбивых» народов на земле. «Северянам лишнее солнце не нужно», — здесь ясно звучит такой посыл, еще раз подтверждающий истину о том, что у каждого этноса свои законы «терморегуляции», запечатленные в национальных эпических памятниках.

Раз речь зашла о памятниках, то следует сказать и о феномене популярности жанра поэмы в литературе циркумполярных народов со ссылкой на А.А. Арзамасова. По его справедливому мнению, чаще всего посредством этой жанрово-родовой формы «восполняется отсутствие национального эпоса» [С. 228], а также авторам удается «в относительно развернутых текстовых масштабах гармонично выразить мифологическо-этнографический код, включающий в себя многомерные представления о взаимосвязи этноса и природы» [С. 126].

А.А. Арзамазов умеет «вычитывать» боль малочисленных этносов из поэтических текстов, декодируя целый ряд смыслоемких образов. Так, популярность осенней тематики в творчестве авторов он объясняет результатом ассоциативной параллели между увяданием природы и угрозой исчезновения языкового и культурного многообразия мира. Те же эсхатологические мотивы обнаруживаются в

стихотворении, посвященном «умерщвлению неродившегося ребенка на гинекологическом кресле» [С. 49]. Отрефлексирована в книге и такая большая социальная проблема, как пьянство, оборачивающаяся первопричиной «деформации основ этнического миропорядка и разрушения этических норм» [С. 58].

У любого этноса с особой тревогой просыпается «зов крови», когда его физическое существование оказывается между «да» и «нет». В этом контексте с особым интересом читаются аналитические наблюдения А.А. Арзамазова за тем, как лирические герои циркумполярных поэтов ищут своих сородичей в самых разных уголках планеты. К примеру, «Я» — субъект ненецкого поэта Юрия Вэллы интересуется бытием и бытом американских ненцев, «находит немало общего в их исторической судьбе и повседневности» и, «невзирая на огромное расстояние между Америкой и Сибирью, ощущает ментальную близость, родство двух исчезающих народов» [С. 59]. С таким же интересом юкагиры [С. 145] и нивхи присматриваются к японцам, которые, в свою очередь, считают, что «нивхи в какой-то степени были предками современных японцев» [С. 234].

Гендерологам тоже есть чем «поживиться» в рецензируемой книге, учитывая, что в ней представлены «художественные» (курсив наш) произведения двух ярких представительниц циркумполярной литературы — Огдо Аксеновой и Антонины Кымытваль. Вроде бы женщины-авторы освещают те же философско-социальные проблемы, что и их собратья по перу, но «великое чуть-чуть» присутствует во всем — тематических предпочтениях, выборке образных единиц, мировидении, эмоционально-когнитивной сфере, грамматических конструкциях. Вслед за автором считаем, что в целом женщины, будучи аполитичными по своей природе, быстрее и легче мужчин уходили от соцреалистических стратегий письма в заповедный мир природно-семейно-детской тематики.

Предсказуемым образом предметом пристального интереса филолога-полиглата является проблема адекватности художественного перевода. В хорошем смысле этого слова А.А. Арзамазов является «буквоедом», убежденным в том, что вместе с проигнорированной «буквой» (мельчайшей единицей оригинала) происходит «утечка» этноонтологической информации. Немалый объем книги занимает сравнительно-сопоставительный анализ подлинников и их переложений на русский язык, выполненных представителями советской (российской) переводческой школы — В. Гордеевым, А. Зориным, В. Бетаки, В. Сергеевым, В. Португаловым, А. Амелиным, А. Черевченко, Р. Добровенским, М. Эдидовичем, Н. Старшиновым, М. Асламовым, О. Зверевым и др. Важно, что автор не ограничивается критическими соображениями, а чаще всего делится своими научно обоснованными рекомендациями по совершенствованию качества художественного перевода. Нередко в этих советах встречается закономерный глагол «должен»: «Переводчик должен иметь не только детальное представление об устройстве языка, но и в определенной степени быть погруженным в национальную культуру. Иначе говоря, за переводом стоит серьезная культурологическая работа, обеспечивающая качество “отражаемого” текста» [С. 66].

Язык книги отличается логичностью, ясностью стиля, отсутствием тяжеловесных формулировок. Фраза «один шаг вперед» подходит для характеристики терминологической системы учебного пособия, поскольку автор оперирует но-

вейшими понятиями, например, этнофор, лингвофор, циркумполярный. Тот факт, что он в ходе анализа часто прибегает к окказионализмам, помещенным в кавычки, свидетельствует о наличии в работе множества «микроскопических» открытий, которым еще даже нет устоявшихся названий.

Еще одну особенность обсуждаемой книги определяет нежелание автора «разрыхлять» свои тексты цитированием других литературоведов, вследствие чего получился именной, арзамазовский учебник, отличающийся концептуальной и стилистической цельностью.

Жанр рецензии по определению обязывает, «хваля одним, другим кручинясь оком» (перифраза У. Шекспира), отмечать не только достоинства, но и недочеты рассматриваемого издания. На наш взгляд, единственной недоработкой автора можно считать досадное отсутствие в пособии фотопортретов циркумполярных классиков-этнофоров. Мы исходим из того, что этнотипическая идентичность человека сама по себе является органической частью национальной культуры. К тому же часто и сам автор вербальными средствами рисует портреты своих персонажей. К примеру, в главе о Николае Курилове, давая характеристику «далеким людям», он пишет: «Юкагиры относятся к байкальскому антропологическому типу североазиатской расы» [С. 140]. Естественно, у читателя возникает желание увидеть визуализированный снимок и типичного юкагира, и остальных представителей циркумполярной общности. Других замечаний нет.

Честную и объективную книгу о литературе циркумполярных народов, написанную А.А. Арзамасовым, метафорически можно назвать «памятником», «эпитафией» или «романом-предупреждением» для всех представителей миноритарных народов планеты. Автор последовательно в каждой из десяти тем высказывает идею «об ответственности больших народов перед малочисленными, прирученными и в значительной степени брошенными, оставленными наедине с жестоким и прагматичным, деэтнизирующим индустриальным миром» [С. 104]. Весь мир сейчас ищет выход из сложившейся кризисной ситуации путем «одухотворения» техногенной цивилизации и реализации многовекторной социальной программы *high hume* [5. С. 14]. С этой точки зрения, бесспорно, энциклопедический труд удмуртского литературоведа может стать моральным образцом и интеллектуальной основой при проектировании соответствующих защитных механизмов в рамках всемирно одобренных гуманитарных технологий.

Список литературы

1. Новикова М.Л., Новиков Ф.Н. Name-dropping в пространстве языка и культуры: новые возможности и грани интерпретации // *Филологические науки*. 2020. № 6 (2). С. 194—204.
2. Кучукова З.А. Нартский эпос: вертикаль как метакод бытия // *Культурная жизнь Юга России*. 2005. № 4. С. 44—48.
3. Зумакулова Т.М. Избранное: Стихотворения; Поэмы / пер. с балк., предисл. Кайсына Кулиева. М.: Художественная литература, 1983.
4. Гачев Г.Д. Ментальности народов мира. М.: Эксмо, 2003.
5. Бахтикиреева У.М. Феномен Георгия Дмитриевича Гачева // *Национальные образы мира в художественной культуре*. Материалы Международной научной конференции, посвященной 85-летию со дня рождения литературоведа, философа, культуролога Г.Д. Гачева

(1929–2008). 24–26 октября 2014 г. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых (Полиграфсервис и Т), 2015. С. 10–15.

References

1. Novikova, M.L., and F.N. Novikov. 2020. “Name-dropping v prostranstve yazy’ka i kul’tury’: novy’e vozmozhnosti i grani interpretacii”. *Filologicheskie nauki* 6(2): 194–204. Print. (In Russ.)
2. Kuchukova, Z.A. 2005. “Nartskij e’pos: vertikal’ kak metakod by’tiya”. *Kul’turnaya zhizn’ Yuga Rossii* 4: 44–48. Print. (In Russ.)
3. Zumakulova, T.M. 1983. *Izbrannoe: Stihotvoreniya; Poe’mu’*. Translated from Balkarian. Moscow: Hudozhestvennaya literature Publ. Print. (In Russ.)
4. Gachev, G.D. 2003. *Mental’nosti narodov mira*. Moscow: E’ksmo Publ. Print. (In Russ.)
5. Bakhtikireeva, U.M. 2015. “Fenomen Georgiya Dmitrievicha Gacheva”. In *Nacional’ny’e obrazy’ mira v hudozhestvennoj kul’ture*. International Scientific Conference in Memory of G.D. Gachev Proceedings. Oct., 24–26, 2014. Nal’chik: Izdatel’stvo M. i V. Kotlyarovy’h Publ. (ОО «Poligrafservis i Т»). Pp. 10–15. Print. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Кучукова Зухра Ахметовна — доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литератур Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова. E-mail: kuchuk60@list.ru
ORCID — 0000-0001-7907-0404

Берберова Лиана Бурхановна — кандидат педагогических наук, ст. преподаватель Департамента английского языка и профессиональной коммуникации Финансового университета при Правительстве РФ. E-mail: berberova.liana@yandex.ru
ORCID — 0000-0002-3729-0238

Bio Notes:

Zukhra Akhmetovna Kuchukova is a Doctor of Philology, Professor of the Russian and Foreign Literature Department of Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov. E-mail: kuchuk60@list.ru
ORCID: 0000-0001-7907-0404

Liana Burkharovna Berberova is a Candidate of Pedagogy, Senior Lecturer of English Language and Professional Communication Department of Financial University under the Government of the Russian Federation. E-mail: berberova.liana@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-3729-0238

ф. СП-1

ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»

АБОНЕМЕНТ на журнал

20830

(индекс издания)

**«Полилингвильность
и транскультурные
практики»**

Количество
комплектов:

на 2022 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

на журнал

20830

(индекс издания)

ПВ	место	литер

**«Полилингвильность
и транскультурные практики»**

Стои- мость	подписки	_____ руб. ____ коп.	Количество комплектов:	
	переадресовки	_____ руб. ____ коп.		

на 2022 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК
